

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА О СОЗДАНИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР, КГБ и МВД — КОММЕНТАРИЙ "КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ"
"Красная звезда" 16.1.91 стр.1

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНЫ:

Новый статус, новые функции

Президент СССР издал Указ о создании военно-политических органов в Вооруженных Силах СССР, войсках Комитета государственной безопасности СССР, внутренних войсках Министерства внутренних дел СССР и железнодорожных войсках. Наш корреспондент встретился с начальником Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал-полковником Н. И. ШЛЯГОЙ и попросил его ответить на ряд вопросов.

— Николай Иванович, в чем принципиальное отличие создаваемых военно-политических органов от старых структур?

— Упомянутый Указ Президента СССР — это еще один практический шаг по пути разделения партийных и государственных функций. Как известно, политические органы до сих пор являлись руководящими органами КПСС в армии и на флоте, войсках КГБ, внутренних войсках МВД и железнодорожных войсках. Главное политическое управление, например, работало на правах отдела ЦК КПСС. Через политорганы Центральный Комитет осуществлял руководство всей партийно-политической работой в Вооруженных Силах.

Создаваемые военно-политические органы будут иметь принципиально иной статус. Они не входят в партийные структуры, а являются составной частью органов воен-

ного управления и становятся проводниками государственной политики в Вооруженных Силах СССР, войсках КГБ, внутренних и железнодорожных войсках. Соответственно и подчиняться они будут министру обороны СССР, председателю КГБ СССР, министру внутренних дел СССР, начальнику железнодорожных войск.

Отсюда и расстановка руководящих кадров перестает быть прерогативой ЦК КПСС. Должностные лица военно-политических органов будут назначаться Президентом СССР. Кабинетом Министров СССР, министром обороны СССР, председателем КГБ, министром внутренних дел СССР, начальником железнодорожных войск, а также другими должностными лицами в установленном порядке.

Согласитесь, это уже не «смена вывески», как пытаются доказать некоторые, а весьма глубокая по своей ра-

дикальности реформа.

Вместе с тем хотел бы подчеркнуть: новые структуры вырастают не на пустом месте. Мы не собираемся отбрасывать тот полезный опыт, который был накоплен политорганами за всю их историю.

— Можно ли расценить проводимые преобразования как меры по деполитизации, департизации Вооруженных Сил?

— Вынужден разочаровать тех, для кого любимый конек — идея «деполитизации армии». Вооруженные Силы не могут быть вне политики. Военно-политические органы и создаются для того, чтобы профессионально заниматься политикой. Я имею в виду не ее разработку на высших государственных уровнях, а ее неуклонное проведение в жизнь в условиях армии и флота.

Теперь к вопросу о департизации. Структуры КПСС в Вооруженных Силах остаются, что полностью соответствует Закону СССР «Об общественных объединениях». Партийные организации получают полную самостоятельность, что позволит эффективнее реализовывать их демократический потенциал.

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА О СОЗДАНИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР, КГБ и МВД — КОММЕНТАРИЙ "КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ"
 "Красная звезда" 16.1.91 стр.1

— Об одной из важнейших функций военно-политических органов — реализации государственной политики в области обороны и безопасности СССР — уже было сказано. Какие другие функции вы бы выделили из общего ряда?

— Важнейшей сферой деятельности военно-политических органов остается воспитательная работа. Сегодня существенно обновляется ее содержание, растет ответственность за ее результаты в нынешней сложнейшей социально-политической ситуации. И без кардинальных сдвигов на данном направлении нам просто не обеспечить выполнение главных задач.

Здесь нужны новые подходы. Мы видим их в том, что бы сделать упор на профессионализацию этой работы. То есть чтобы ею занимались профессиональные политологи и психологи, социологи и правоведы. На сегодняшний день это, можно сказать, коренной вопрос в создании новых военно-политических структур. Для того чтобы такие специалисты пришли в войска в ближайшее время и в необходимом количестве, мы проведем крупную реформу в системе подготовки кадров политсостава.

Наряду с командирами военно-политические органы несут ответственность за воспитание, воинскую дисциплину, морально-политическое и психологическое состояние личного состава. В их обязанности входит политическое обеспечение боевой и мобилизационной готовности войск.

Военно-политические органы также возьмут на себя повседневную заботу о социальной защищенности военнослужащих и их семей. На этом я бы хотел сделать особый акцент. На сегодня сложилось такое положение, что вроде бы этими проблемами занимаются многие: тыл, финансисты, медики, строители, прокуратура и т. д. Но нет органа, который бы научал, анализировал ситуацию, выработывал оптимальные варианты решения проблем и практически координировал усилия всех уже перечисленных служб, влиял на них политически. А если нужно, выходил бы с законодательными инициативами, другими предложениями в государственные и военные органы. Этим будут заниматься новые военно-политические органы. Понятно, что предстоит соз-

дать и соответствующий механизм для реализации этой функции.

В этой связи нелишне вспомнить Указ Президента СССР «О некоторых мерах по усилению социальной и правовой защиты военнослужащих», проекты Законов СССР о всеобщей воинской обязанности и военной службе, а также о статусе военнослужащих. Тем самым закладывается своего рода правовой фундамент новой модели Вооруженных Сил, их взаимоотношений с обществом.

— Николай Иванович, каковы порядок и сроки реализации Указа Президента СССР?

— Нам отведен месяц для того, чтобы определить структуру военно-политических органов. Далее она будет утверждена министром обороны. Тогда и определятся уже конкретные сроки и порядок действий.

— Реформа задает судьбы тысяч людей...

— Это действительно так. В ходе реформирования политорганов предстоит упразднить 37 процентов их нынешней численности. Естественно, часть политработников, должности которых сокращают-

ся, после соответствующей переподготовки мы направим в военно-политические органы, некоторые будут рекомендованы для работы в партийных комитетах, а кто выслужил установленные сроки действительной военной службы и имеет право на пенсию, будет уволен в запас.

— Не превратится ли эта реформа в долгострой? Ведь вы сами сказали: понадобятся новые кадры, специалисты в той или иной области. А их подготовка, согласитесь, дело не одного дня.

— Проблема здесь есть, но она не из числа неразрешимых. То, что такие специалисты будут нужны войскам, стало ясно не сегодня и даже не вчера. И мы, собственно говоря, приступили к их подготовке. Так, уже начат процесс перепрофилирования Военно-политической академии имени В. И. Ленина, военно-политических училищ с ориентацией именно на сегодняшние потребности войск. Будет задействована в этих целях и курсовая сеть переподготовки и повышения квалификации кадров политсостава. На базе ранее действовавших университетов марксизма-ленинизма создаются общественно-политические центры, которые помогут осуществить соответствующую подготовку политработников на местах. Словом, мы располагаем необходимыми возможностями для того, чтобы полностью реализовать Указ Президента СССР.

Прибалтика

КАКИЕ СИЛЫ СКЛОНЯЮТ ПРЕЗИДЕНТА СССР К ВВЕДЕНИЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ? КГБ, АРМИЯ, МВД И ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС
«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» 27.12.1990, с. 1

Вы слышите? Грохочут сапоги...

Не в первый раз замечаю: стоит Президенту покинуть зал, как председательствующему А. Лукьянову тут же попадает под руку какое-нибудь письменное заявление с требованием перевести разговор на положение в Прибалтике или Молдове.

Вчера А. Лукьянов (снова в отсутствие М. Горбачева) зачитал запрос группы депутатов по поводу дискриминации советских военнослужащих и их семей в Латвии. На трибуну вынужден был подняться для объяснений заместитель Председателя СМ Латвии И. Бишер. Он дал исчерпывающую информацию по поводу трех конкретных инцидентов, о которых в последнее время сообщала печать (в т. ч. и «КП»).

Однако объяснения депутата Бишера не удовлетворили маршала С. Ахромеева и командующего Балтийским флотом адмирала В. Иванова.

В этой ситуации А. Лукьянов счел возможным предложить свой проект постановления: поскольку Съезд ответом И. Бишера не удовлетворен, послать в Латвию специальную комиссию для изучения вопроса. Лишь выступление академика А. Воробьева остановило депутатов от поспешного принятия необдуманного решения. Вопрос передан Комиссии по национальной политике ВС СССР.

Представим на минуту, что такая комиссия направлена в Латвию. Во-первых, на фоне резкой поляризации взглядов на прибалтийские проблемы трудно гарантировать ее беспристрастность и объективность. Во-вторых, велика вероятность того, что латвийские власти просто не признают ее полномочий, исходя из принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств. И это станет еще одним искусственным барьером на пути к политическому

урегулированию взаимоотношений центра с Латвией. Даст еще один ксерзь в руки тех, кто заинтересован в том, чтобы углубить эту конфронтацию и довести ее до того порога, за которым начинается уже военное положение.

А о том, что такая заинтересованность есть, свидетельствуют многие факты. К примеру, на Съезде распространено обращение к Президенту, подписанное большой группой военных и руководителей предприятий военно-промышленного комплекса с настойчивым требованием о введении чрезвычайного положения и президентского правления в районах крупных конфликтов. Неоднократно на Съезде звучали требования (преимущественно от членов группы «Союз») о принятии аналогичных мер к тем республикам, которые не желают подписывать Союзный договор.

Свою готовность предпринять в случае необходимости жесткие меры продекларировали в недавних телевыступлениях министры обороны и МВД, председатель КГБ.

Складывается впечатление, что Президента упорно склоняют к принятию непопулярного решения о введении президентского правления. И наиболее вероятными адресатами этой акции могут стать Прибалтика и Молдова.

Что в этой связи внушает наибольшее опасение? То, что нет у нас сейчас иного механизма введения президентского правления, кроме ввода войск и развертывания репрессивных мероприятий. Нужен только повод.

Мы уже сообщали (см. «КП» от 22.12) о введении в Клайпеде (Литва) военного

патрулирования города. Я получил ксерокопию уведомления начальника Клайпедского гарнизона И. Червух мару города. В нем сказано: «Согласно указанию Президента СССР, министра обороны СССР, командующего Балтийским флотом... с 19 декабря 1990 г. (на документе дата 20.12.90. — И. С.) патрулирование в гарнизоне г. Клайпеда будет организовано вооруженными патрулями с проверкой документов... у подзреваемых гражданских лиц. Министром обороны, командующим Балтийским флотом приказано задерживать... гражданских лиц, нарушающих общественный порядок...»

Не думаю, чтобы Президент СССР имел сношения с начальником Клайпедского гарнизона. А министр обороны Д. Язов позавчера на встрече с группой депутатов, как сообщил нам депутат С. Белозерцев, отказался от своей причастности к данной акции и отменил распоряжения начальника гарнизона. Остается только догадываться, кто же за спиной у Президента и министра обороны пытается втягивать армию в опасные политические игры.

В течение вчерашнего дня депутаты завершили работу над Законом о поправках и дополнениях к Конституции СССР и перешли к осуществлению ротации Верховного Совета. М. Горбачев предложил на должность вице-президента Г. Янаева, члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС.

И. СИЧКА.

ПИСЬМО РАБОТНИКОВ УПРАВЛЕНИЯ КГБ СССР ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

"РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА", 29.11.90/4 - ОРГАН ВС РСФСР/см. МОРС 35,19.01.91/

Сотрудники Госбезопасности открывают завесу

Письмо работников Управления КГБ СССР по Свердловской области передано нам народным депутатом СССР Владимиром Волковым. Публикуя его, мы ожидаем, что оно будет воспринято в обществе и органах Госбезопасности не как попытка противопоставить обществу все еще

остающимся загадочными органам, а как оптимистический факт, свидетельствующий о том, что в рядах этой организации находятся люди, обеспокоенные за судьбу избранного народом пути обновления и возрождения.

Мы, сотрудники управления КГБ СССР по Свердловской области, в условиях, когда экономика, основанная на командно-административных принципах, находится на грани развала, углубляется политический кризис, растет социальная напряженность, недовольство существующими структурами власти, считаем своим долгом обратиться в Верховный Совет РСФСР, изложив свое понимание проблемы, связанной с деятельностью Комитета государственной безопасности СССР.

Считаем, что проводимые в стране экономические и политические реформы состоятся только при сохранении стабильности в обществе, если будут соблюдаться законы. Последнее во многом зависит от авторитета и дееспособности правоохранительных органов, в том числе и КГБ СССР.

Однако, основываясь на знании обстановки и состоянии дел в УКГБ СССР по Свердловской области, мы заявляем, что органы КГБ СССР в настоящее время, с одной стороны, парализованы или действуют малоэффективно, с другой — продолжают оставаться потенциально опасными для проводимых в стране демократических преобразований.

Эти выводы обусловлены следующими факторами. В условиях складывающейся реальной многопартийности деятельность КГБ СССР по-прежнему строится, исходя из интересов КПСС, а вернее — ее партийно-бюрократических структур. Как в центре, так и на местах руководящие посты в органах занимают в основном представители старой номенклатуры, работавшие ранее в аппаратах КПСС,

ВАКСМ, которые готовы использовать любые методы для спасения отжившей политической надстройки и тем самым — своего положения.

Это грозит:

развалом структур КГБ изнутри, расколом и разобщением сотрудников по идеологическим мотивам, симпатиям к той или иной партии;

окончательным подрывом авторитета КГБ в обществе, утратой доверия граждан и как следствие их поддержки и помощи в решении стоящих перед органами задач;

невозможностью достижения в стране гражданского мира и согласия, так как действующие на конституционной основе партии и движения, альтернативные КПСС, не согласятся с ее монопольным правом определять политику в таком важном государственном органе, как КГБ.

Контроль за деятельностью КГБ со стороны Верховных Советов СССР и РСФСР фактически отсутствует. Многие руководители — бывшие партработники или ставленники последних — не способны или не желают осознать объективную необходимость глубоких преобразований в экономике. В результате органы КГБ при переходе к рыночной экономике вместо инструмента борьбы с опасными экономическими преступлениями могут стать орудием подавления ростков новых экономических отношений, деловой инициативы, здорового предпринимательства или покрывать возможный саботаж и махина-

ции в высших управленческих структурах.

Проводимые в обществе реформы практически не коснулись органов КГБ. Неоднократные в последнее время внутренние реорганизации носят косметический характер, не затрагивают их основ. Функции, задачи, направления деятельности остаются прежними. Особо следует подчеркнуть антидемократическую направленность подразделений, призванных защищать советский конституционный строй.

Во многом конъюнктурный подход, стремление показать значимость своей деятельности для общества, оправдать финансовые затраты на содержание существующего аппарата КГБ, а не продуманность, компетентность, интересы дела определяют и определяют создание структуры по борьбе с организованной преступностью, крайне необходимой сейчас для защиты конституционных основ, прав граждан, экономических интересов общества.

Функциональные обязанности многих сотрудников нашего управления, и прежде всего отдела по защите советского конституционного строя, аморфны, неопределенны, исходят из отживающих идеологических догм и представлений. Этим же часто страдают приказы и указания по линии КГБ СССР, что приводит к нарушению законности, использованию органов не по назначению, к неоправданным затратам сил и средств. Факты, подтверждающие последнее, имеются и могут быть предоставлены депутатской комиссии Верховного Совета РСФСР.

ПИСЬМО РАБОТНИКОВ УПРАВЛЕНИЯ КГБ СССР ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

"РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА", 29.11.90/4 - ОРГАН ВС РСФСР/см. МОРС 35,19.01.91/

Отсутствие законодательных актов, обеспечивающих правовую основу деятельности КГБ (законы о государственной безопасности, о государственной тайне, о государственной тайне, о силах и средствах органов КГБ и их применении в оперативной работе и др.), наряду с осознанием сотрудниками мелкости и надуманности некоторых решаемых ими задач порождает безынициативность, равнодушие, бездеятельность. Многие сотрудники испытывают чувство разочарования ранее сделанным выбором службы в органах КГБ.

В УКГБ по Свердловской области процветают протекционизм, руководство управления использует свое положение для получения материальных благ. Данное обстоятельство негативно сказывается на психологическом климате в коллективе, вызывает неприятие сотрудников в

возможность перемен при существующем положении.

Это далеко не полный перечень проблем, имеющих место в КГБ СССР, без решения которых невозможно рассчитывать на него как на один из гарантов гражданского мира и согласия в обществе, надежной защиты конституционных прав граждан, национальной безопасности страны от разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб, международного терроризма, наркобизнеса и организованной преступности.

Считаем необходимым предложить следующее:

1. На законодательном уровне осуществить департизацию органов КГБ, действующих на территории РСФСР, что предполагает:

— выведение парткомов КПСС из всех структур КГБ;

— отказ сотрудников органов КГБ от партийной деятельности по месту службы, от использования своего положения в интересах какой-либо партии;

— обязательство вновь зачисляемых сотрудников не состоять в рядах какой-либо партии на период прохождения службы в органах госбезопасности.

2. Создать специальную депутатскую комиссию из представителей Верховных Советов СССР и РСФСР для изучения проблем, связанных с деятельностью КГБ СССР:

— реальное состояние дел в Комитете государственной безопасности в настоящее время (бюджет, штаты, функции, задачи и т. п.);

— соответствие действующих в системе КГБ приказов, инструкций, указаний, законов СССР и РСФСР;

— проверка фактов о нарушениях законности, об использовании органов КГБ не по назначению.

3. Разработать и принять законодательные акты, необходимые для создания на принципиально новой основе органов национальной безопасности

РСФСР, обеспечения их взаимодействия с КГБ СССР.

Работа такой комиссии также позволит депутатам, членам Верховных Советов СССР и РСФСР, понять настроения работающих в органах сотрудников, получить предложения о путях и методах проведения реформы КГБ СССР, осознать необходимость кадровых изменений в руководящем составе как в центре, так и на местах для выведения органов госбезопасности из-под влияния партийно-бюрократического аппарата.

Майор С. В. Вакланов, ст. лейтенант А. Н. Врыгалов, капитан В. А. Вахрушев, майор В. М. Зорин, капитан В. А. Киселев, капитан С. Г. Кондрашин, капитан М. А. Воронков, капитан А. В. Насонов, майор А. Н. Николаенко, майор М. А. Мадан, майор Е. А. Пеньков, майор А. В. Парамонов, майор М. И. Подытно, капитан В. Ю. Соломин, капитан Н. В. Супрун, капитан Е. А. Сталанов, майор Н. О. Чесноков, капитан А. В. Шалагинов, майор А. А. Шмелев, капитан А. Н. Рахбойников, ст. лейтенант В. С. Миллашевский, капитан Н. Г. Рябухин, майор В. А. Вуфенцинов, майор В. В. Трухачев, майор Г. С. Иванов, капитан Б. В. Павличенко, майор С. Л. Чулочиннов, капитан Г. Н. Дериглазов, капитан А. В. Пугачев, майор М. А. Гарнуша, капитан А. Р. Ахметшин, капитан А. П. Чуданов, майор Нигрей, капитан В. А. Бердиннов, майор С. П. Рогов, лейтенант А. П. Филиппов, подполковник В. С. Логинов, подполковник А. А. Бойнов, майор Г. П. Дяпушнов, майор Ю. В. Черноскотов, капитан В. В. Титов, капитан В. В. Воробьев, майор М. В. Тягунов, майор А. М. Рыбин, майор Ю. В. Якимов, подполковник Ю. Н. Вакумин, майор В. П. Мальников, капитан В. В. Великин, майор В. А. Енотов, ст. лейтенант О. В. Исеев, майор К. М. Казанцев, капитан Р. З. Мусин, подполковник А. Д. Назаров, подполковник А. А. Ойрутин, подполковник А. Ф. Рашов, майор Г. А. Роговинов, капитан А. В. Романь, майор С. В. Светлов, капитан С. В. Саломехин, капитан А. С. Савельев, майор А. Н. Чехомов, капитан С. М. Кузнецов, капитан Н. Ф. Плотников, капитан С. А. Никитин и другие.

РАДИО МОНИТОРИНГ "КОММЕРСАНТА" №1/91, стр.14
/"РС" 5 ИЗ 13/

◆ ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ

«Би-Би-Си», 2 января.

Большинство иракских ракет создано на основе устаревших советских модификаций: точность попадания — от одного до трех километров, доставляемый вес — не более 700 кг, подготовка к запуску — не менее 2—3 часов (из-за того, что в них используется жидкое топливо). Поэтому, например, в Израиле довольно спокойно относятся к иракским угрозам, тем более что США заверяют: первый же свой удар они нанесут по пусковым площадкам Ирака.

«Радио Свобода», 2 января.

По мнению специалистов, Ирак может ударить по Израилю не менее чем двадцатью ракетами с химическими или бактериологическими зарядами. Израиль, благодаря разведывательным спутникам, будет знать об этой атаке за несколько часов. И нанесет удар ракетами «Иерихон», несущими в том числе и отравляющие вещества. Хотя наличие отравляющих боеголовок, как и ядерных зарядов, Израиль до сих пор отрицает.

«Радио Югославия», 2 января.

В зоне Персидского залива вышла в эфир новая радиостанция, призывающая к свержению Саддама Хусейна и заявляющая, что она поддерживает борьбу иракского народа с диктатурой Саддама Хусейна.

«Радио Свобода», 3 января.

Ирак объявил о вводе в действие самолета раннего обнаружения. Судя по его изображениям, это советский транспортно-десантный самолет, оборудованный французской радио-локационной системой.

◆ ВОКРУГ СССР

«Би-Би-Си», 2 января.

По мнению западных наблюдателей, отсрочка визитов в СССР министров иностранных дел Японии и Венгрии, неопределенность в вопросе о созыве совещания стран-участниц Варшавского договора — симптомы полного паралича советской политики. Правительство обезглавлено. Создание Горбачевым поста первого заместителя министра обороны — явная уступка военным, но это пока его единственный вклад в реорганизацию системы управления.

«Радио Свобода», 3 января.

С 27 декабря в Анкоридже на Аляске задерживается вылет советского самолета с американской продовольственной помощью. Происходит это из-за того, что советские власти настаивают на увеличении платы за аренду этого самолета.

ПИСЬМА СТУКАЧЕЙ: ДОНОСИТЕЛЬСТВОМ ОХВАЧЕНА ВСЯ СТРАНА

Юрий ЩЕКОЧИХИН

«Я-стукач, мой псевдоним- «Корчагин»...

Над письмами секретных сотрудников КГБ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 8
20.02.91 № 7 (5333)

В ИХ СУЩЕСТВОВАНИИ я подозревал, наверное, всегда, чуть ли не с детства. Узнал их (и о них) подробно в течение двух последних месяцев — с тех пор, как обратился со страниц «Литгазеты» к секретным агентам КГБ снять камень с души (если они, конечно, его чувствуют), для того чтобы ошибки прошлого не повторились в будущем.

«Вы что! С ума сошли! — услышал сразу же после публикации обращения молодой голос по телефону. — Я сотрудник КГБ из Твери и могу вам официально заявить от имени нашей молодежи, что ни одна секретная служба в мире не обходится без аппарата секретных сотрудников». А в письмах прочитал о себе, что я (цитирую) «этим самым помогаю мафии»; «занимаюсь очернительской работой, так как организм КГБ не требует хирургического вмешательства — он

абсолютно здоров»; «подкуплен ЦРУ» и, наконец, что «Щекочихин потерял совесть, потерял любовь к государству, к обществу, к своему народу, к своей Родине».

Сейчас я уже могу объяснить, зачем я это сделал, так как — я это предчувствовал — в редакцию не обратился ни один из секретных агентов, которые занимались бы разоблачением мафии или боролись против разведок других государств.

Обратились те, кто знал — или подозревал и раньше — об аморальности заданий, которые они получали от оперативных работников КГБ. Написали — или пришли в редакцию — те секретные агенты КГБ, кто добровольно (или путем шантажа) был привлечен к сотрудничеству не ради безопасности государства, а для охраны идеологических догм, для элементарного стукачества на сослуживцев и друзей, а то и просто для галочки, для вала, для отчетности перед вышестоящими начальниками.

Сейчас, располагая больше чем сотней исповедей секретных агентов КГБ (либо в виде писем, либо в виде записей разговоров с ними на диктофон), я пришел к твердому убеждению, что КГБ — и вчера, и сегодня — привлекает к сотрудничеству людей разного возраста, национальности, профессий не только и не столько для борьбы с преступлениями, наказание за которые предусмотрены Уголовным кодексом, но больше для контроля над мыслями и мировоззрением; что доношением, как спруттом, была охвачена наша страна, калеча жизнь и тех, на кого доносили, и тех, кого заставляли доносить. Снядетельства людей, завербованных уже в конце восьмидесятых, показывают неизменность методов работы организации, правду о которой мы до сего дня не знаем.

Эти мои заметки — отчет о том, что прочел и услышал за два последних месяца.

«Я подписываюсь «Т» — первой буквой данного мне в 1934 году псевдонима,— пишет бывший секретный агент ОГПУ из Москвы.—...Осенью 1933 года, будучи студентом 4-го курса одного из престижных вузов Ленинграда, я был вызван в ОГПУ (тогда ул. Дзержинского, 2), заполнил подробную анкету, после чего мне было указано на следующие недостатки: сын потомственных дворян, нерусская национальность, родственники за границей, с которыми переписывается мать, и многое другое. Надо доказать, сказали мне, свою преданность советской власти, регулярно сообщая органам о настроениях, анти-советских высказываниях друзей, сокурсников. Я отказался. Тогда мне было обещано, что не дадут доучиться и даже вышлют из Ленинграда.

Я принужден был согласиться. Мне было указано, куда ежемесячно звонить, только из автомата, номер квартиры, куда я должен являться по первому вызову, псевдоним, которым надо подписывать донесения. Номер телефона я помню и сейчас, спустя 55 лет: Некрасовская АТС, 2-18-89... Позорную свою тайну я не открывал никому: ваша газета — мой первый адресат.

Владимир Васильевич Власов был завербован НКВД в 1942 году:

«Мне шел семнадцатый год. Был я секретарем комсомольской организации ивановской средней школы № 51. Кажется меня вызвали в райком комсомола. Секретарь Сталинского райкома Новиков сидел в своем кабинете в обществе средних лет женщины, одетой в строгий костюм: «Вот тут с тобой поговорить хотят»,— и вышел, оставив нас вдвоем.

Женщина представилась сотрудником «органов» и назвалась Анной Ивановной Марецкой. «Нужно выявлять врагов, и ты как сознательный комсомолец должен нам в этом помогать». Она объяснила, что я должен был подслушивать вражеские разговоры, выявлять людей с нездоровыми настроениями, недовольных и враждебных к советской власти. Спросила, согласен ли я. Ну конечно же, я, находясь в эйфории патриотизма, с радостью согласился. «Обо всем будешь мне докладывать письменно»,— сказала она. — Выбери псевдоним. «Корчагин»,— не задумываясь, ответил я.

Далее В. В. Власов вспоминает:

«...Как-то она пришла позднее, чем обычно. Сняв пальто, оказалась в военной гимнастерке с «кубарями» в петлицах. Вынула из сумочки пистолет, дала мне поддержать. Я почувствовал себя причастным к «органам» и мысленно поклялся выполнять все, что мне поручат... Марецкая спросила, знаю ли я ученицу нашей школы по фамилии Гаек. Я ответил утвердительно: Зойка училась в соседнем классе, имела длинные косы и бойкий мальчишеский характер. «А отца ее знаешь? Нет, отца Зои, инженера, я не знал. «Нас очень интересует инженер Гаек»,— сказала Анна Ивановна, — постарайся с ним познакомиться».

Он познакомился, стал постоянно бывать в доме у Зои. А в день отправки на фронт его вызвали в НКВД.

«Там мне дали прочесть «материал», составленный на инженера Гаека. Я читал сухие, казенные строчки, узнавая кое-где свои выражения. Читал с чувством исполненного долга... О судьбе инженера узнал, когда побывал дома после второго ранения: его арестовали вскоре после моего отъезда, а семью выслали...»

«Нас много было таких... Проклятая наша жизнь сделала нас бессловесными винтиками: и ввинчивали нас, куда надо, и крутили, как хотели»,— так заканчивает свое письмо Власов.

Б. Г. был завербован в начале хрущевской «оттепели», в 1956 году:

«...Сначала я подумал, что меня вызывают из-за моей обширной переписки с заграничной и что меня считают шпионом, но оказывается — наоборот: меня попросили помочь им выявлять врагов строя. Врагов я не любил и дал согласие их выявлять. Мне указали на некоторых работников, просили задать им провокационные вопросы о власти, о колхозах и т. п. Только я никак не мог разглядеть в них врагов народа, и мой шеф из КГБ Иван Александрович говорил на это: «Ух как маскируются!»... Я чувствовал, что уже опутан, что делаю подлое дело, но назад пути не было... Иногда шеф приносил деньги, рублей 50—100 (в старом исчислении), я давал расписку в получении. И вроде бы уже был обязан эти деньги отработать... Долгая тяжела болезнь преврала мои отношения с КГБ, хотя первое время мой шеф даже умирал в больницу, требуя отчета об умирающих «антисоветских элементах»... Потом меня оставили в покое...»

Свое письмо Б. Г. заканчивает так:

«Только сейчас, спустя 30 лет, в этом письме мне приходится просить прощения у тех друзей и знакомых, на которых я доносил и которые, возможно, из-за меня имели неприятности в жизни. Вы, которые ничего мне никогда не сделали плохого, простите меня, теперь уже не студента, а пенсионера...»

Уже в 70-х был завербован Р. Т.:

«Я тоже агент КГБ, но пока полностью раскрываться не собираюсь. Почему? Моя вербовка была подготовлена всей нашей системой и не состояться не могла. Дело в том, что я офицер, но кроме того — еврей. Мне всегда хотелось, чтобы в нашей стране был действительно интернационализм, но я постоянно чувствовал, кто я... Несмотря на то, что в училище я наравне со всеми изучал секретные дисциплины, меня отпустили не по специальности, а самую непрес-

тужную часть, на самую низкую должность. И однажды я сорвался и стал собеседником офицера особого отдела... Он был со мной вежлив, пообещал интересную работу, в частности выявление начавших тогда уже выходить на арену молодежных организаций нацистской ориентации... Результатом этой беседы стало мое заявление о согласии работать под псевдонимом. Мы начали часто с ним встречаться, и я понял, что попал в западню. Моих новых хозяев интересовали не «нацистские организации», а в основном мои друзья-евреи и

СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

СРЕДА,

13

ФЕВРАЛЯ

1991 года

N 14 (11633)

ЗАПИСКИ ГЕБИСТСКОГО "ОТСТУПНИКА"...

В редакцию "СМ" обратился сотрудник подразделения военной контрразведки КГБ СССР с просьбой о помощи в публикации его записок о Комитете. Несмотря на то, что настоящий материал не носит сенсационного характера, думается, он представляет определенный интерес хотя бы по двум причинам: люди этого ведомства, несмотря на секретное предписание не давать материалов для средств массовой информации без согласования с начальством, все равно пытаются рассказать правду о КГБ, созданном, если не изменяет память, в интересах государства, а значит, народа. Но народ, то есть мы с вами, мало что знает о собственной охране. И вторая причина: кажущаяся наивному взору нравственная железобетонность чекистских нравов на деле оказывается блефом - КГБ, как и власть, как и государственные институты, коррумпирован и нечистоплотен. И настоящая публикация призвана еще раз привлечь внимание к этому ведомству.

По понятным причинам фамилия автора "Записок" не называется: и в настоящее время он является сотрудником КГБ.

ЗАПИСКИ ГЕБИСТСКОГО "ОТСТУПНИКА"...

2

Перемены в КГБ назрели давно. Одна из основных проблем - отсутствие до сегодняшнего дня ясной программы действий. И это в то время, когда сам председатель Комитета заявил об активизации деятельности иностранных разведок против СССР. Ожидаемый Закон о государственной безопасности, естественно, оперативной, сугубо специфической концепции, применимой к сегодняшним условиям, естественно, не даст. И если до сих пор не определено правовое положение органов КГБ, то что тогда говорить о входящей в состав Комитета военной контрразведке?! С одной стороны, она должна быть полностью независимой от военного командования, в интересах которого, кстати, и функционирует. На практике же особые отделы военной контрразведки во всем зависимы от армии: от гвоздя на вешалке, куда вешают пальто оперативные работники, до квартир, в которых они живут. Представьте, сколько необходимо поистине дипломатического такта и торгашеской проницательности, чтобы суметь лабиринт между тем, кто тебя кормит, и тем, кому ты подчиняешься!

Родимое пятно наших органов - наличие партаппаратной прослойки, особенно в руководящих звеньях. Система направления номенклатурных работников в разведку и контрразведку для их укрепления (!) складывалась десятилетиями - со дня основания ВЧК. И примеров такого симбиоза партаппарата с чекистами сегодня множество. Самые известные - карьера Пуго (номенклатурный партработник - руководитель КГБ Латвии - первый секретарь ЦК КПЛ - председатель ЦК КПСС - министр внутренних дел СССР), Гумбаридзе, Алиева и др. Эту архаичную систему необходимо демонтировать. Борьба с разведывательно-подрывной деятельностью - дело профессионалов, а не посланцев компартии, прошедших для этого ускоренную подготовку.

Иногда находит удивление: человек, ни одного дня не проработавший в органах КГБ, при переходе из парторганов в Комитет (или МВД) сразу получает солидное звание и высокое кресло! Кроме превращения органов в "кормушку" это еще является и выражением определенного политического недоверия к чекистам-профессионалам. Поэтому в недрах КГБ сейчас вызревает острейший конфликт, когда "миш" не хотят работать по старому, а старавшиеся от них "берут" вести дело по-новому, строго и честно.

Ключевым является вопрос и в деятельности КГБ. Ведь стратегия та же самая. Это, например, вместо решения оперативных задач в прошлом году, нам предписывалось прежде всего заниматься обеспечением мероприятий, связанных с подготовкой и проведением XXVIII съезда КПСС. В июне, после отмены 6-й статьи Конституции, на одном из стендов в нашем служебном помещении было вновь начертано: "Ленинские принципы деятельности органов без-

опасности: руководство партии работой органов госбезопасности, неукоснительное выполнение ими партийных директив и указаний..." Уж очень напоминает восточную пословицу: "Собака лает, а караван идет". Эти ленинские принципы можно отыскать в каждом чекистском учебнике, специальной литературе. Кстати, "партийная жизнь" во многих наших парторганизациях постепенно приходит в упадок. Несмотря на то, что слепая и фактическая преданность компартии выветрилась еще не из всех голов, большинство чекистов предпочитают служить только Закону.

Закрытой темой являются и привилегии чекистской верхушки. А они едва ли скромнее того, что уже известно о райской жизни генералов и маршалов Советской Армии! Недаром говорится: "Генерал - он везде генерал". Разумеется, наличие привилегий у одних и отсутствие их у других, да еще в наше нищее время, людей не сплачивает. Так что говорить о монолитности наших рядов не приходится.

Гебисты болеют теми же болезнями, что и страна. Настало время официальным гебистским кругам изменить свое отношение к критическим выступлениям в свой адрес. Пока же все, что говорится - пишется в адрес ведомства в негативном тоне, интерпретируется не иначе, как ложь и очернительство. На людей же, выражающих свое нелицеприятное мнение, навешиваются ярлыки "злых хателеев", "недрузгов" и проч. И выставляются они сплошь ущербными личностями: тут и пристрастие к алкоголю, и стремление к богемной жизни, и амурные похождения! Да полноте! Среди этих людей и генералы, и полковники, и офицеры чином пониже, и еще

безвестные и уже увенчанные орденами и медалями, даже высшим знаком чекистского отличия "Почетный сотрудник госбезопасности". Так что же: нашу безопасность обеспечивают пьяницы и развратники?! Разоблачения Калугина, Любимова, Карповича и целого ряда других, пожелавших остаться неизвестными, судя по реакции, вызвали в высоких московских кабинетах состояние, близкое к шоку. Такого бунта на чекистском корабле просто не ожидали! Сразу в печати появились неуклюжие опровержения. Каких только крамольных эпизодов из их биографий не поведали нам! У моих товарищей по работе это вызвало в большинстве случаев лишь недоумение и улыбки...

Если КГБ иногда называют тайной империей, то кадровая служба - империя в империи, главная задача которой - обеспе-

ЗАПИСКИ ГЕБИСТСКОГО "ОТСТУПНИКА"...

чение нравственной и политической целомудренности. С того самого момента, когда на вас положили глаз, как на вероятного кандидата для работы в органах, и до последнего мгновения службы - вы их клиент. Как вам, например, понравится, если кто-то из кадровиков за вашей спиной станет наводить о вас справки у ваших же товарищей по работе? Или, скажем, вы выезжаете по службе за границу и у ваших коллег берут письменное поручительство за вас? Или: при назначении на должность изымут из вашего личного дела синюю закладку (синий цвет - провинность, красный - благодарность, - Ред.) и напомнят вам о вашем проступке, имевшем место много лет назад? И неужели вы надеетесь, что вас могут познакомиться с собранным на вас досье?!

В такой вот зашоренной обстановке не удивительно появление "изменников" и "отступников" (так в недрах организации называют осмелившихся говорить о Комитете без разрешения на то начальства). Появился новый феномен: чекистское ведомство из своих же гласных и негласных сотрудников плодит шпионов, которых потом само же и вылавливает. Не секрет, что большая часть разоблаченной агентуры противодействующих разведок - люди, в той или иной степени причастные к КГБ. Не слишком ли это накладно для полунищих налогоплательщиков?..

На протяжении многолетней службы в Комитете меня поражало бездумное и формальное отношение гебистских должностных лиц и работников кадров к людям. Можно назвать целый ряд высокопоставленных генералов, для которых высокомерие, барство, вальяжность в отношении с нижестоящими - норма. Но дело не в конкретных людях, а в самой системе, делающей чекистов своими заложниками, низведенными до положения рабов. Неудивительно, что многие добросовестные, честные и высокопорядочные работники уходят на пенсию обиженными и озлобленными. Но на что тогда надеются наши кадровики,

если, не дай Бог, когда-нибудь этих людей придется призывать под знамена из запаса?

Как и везде, у нас есть... родственники. Только в одном из "приблатненных" отделов - двое сыновей генералов-чекистов, зятек одного из недавних руководителей крупного оперативного подразделения. Пустила такая поросль корни и в иных местах.

Другой вопрос - льготные и нельготные районы, престижные и непрестижные страны, перспективные и не очень должности. Добавьте к этому еще и "московский синдром". Вот так и выглядит пресловутая "монolithicность" КГБ. Хотя, конечно, абсолютное большинство сотрудников Комитета живет в таких же условиях, что и большинство народа.

Наконец, модная ныне тема - сокращение аппарата управления. Если в КГБ он не сокращается, то это не значит, что там нет "ненужных людей". Они есть: все эти контролирующие, направляющие, курирующие и прочие "щие". Сколько людей занимается бесполезной работой. И удивительно, что никому нет до этого дела!

Одновременно с развалом страны наблюдается и разваливание механизма обеспечения безопасности этой страны. Система безопасности сегодня растаскивается по национальным квартирам. Это равносильно тому, что во двор открывается одна из калиток. И пока кое-где бушуют страсти, там может появиться протоптанная дорожка для непрошенных гостей. Не может быть государственной безопасности какой-то одной республики без безопасности страны. Ведь Союз ССР сегодня де-факто еще существует. И чем дальше втягивается в кризис, чем больше в ней беспорядка и безвластия, преступности и саботажа, тем пристальнее к нам интерес недругов. И если не говорить сегодня о необходимости радикальных преобразований во всей системе государственной безопасности, и КГБ в частности, значит открыть двери непредсказуемым военно-политическим и социальным последствиям.

АВТОР СЧИТАЕТ, ЧТО ЕСЛИ ДЕЛО ДОЙДЕТ ДО РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ КОММУНИСТОВ, ТО ЭТИ РЕПРЕССИИ ЗАТРОНУТ ОКОЛО 60 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК, ИБО ОТРАЗИТСЯ ТАКЖЕ НА СЕМЬЯХ КОММУНИСТОВ

СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ

13 ФЕВРАЛЯ 1991 ГОДА № 25 (14495)

«Как извести коммунистов»

Так кто же наконец виноват во всем плохом, что происходит с нашим обществом! Ответов и на митингах, и в прессе хватает... Саботажники-аппаратчики. Масоны. Болтуны-демократы, которые умели критиковать, но, получив власть, показали свою неспособность к повседневной работе. Кооператоры. Люди не нашей национальности. Мафия. Ученые-экономисты, которые сами не знают, чего хотят. Спекулянты, греющие руки на дефиците. Пресса... И так далее. Нужно — подчеркнуть.

РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ

Если мы дадим этот список разным людям, то в конце концов окажутся подчеркнутыми все пункты. Каждый из нас — для кого-то лютый враг: по национальному признаку, по отношению к партии, к идее свободного предпринимательства, либо к отделению Прибалтики, либо еще как...

Казалось бы, если общество столь серьезно больно, что ненавидит само себя, то дальнейшее расширение списка врагов не имеет смысла. Давно пора остановиться, понять, что все мы очень разные, но тем не менее должны научиться жить в мире друг с другом. Но вновь и вновь слышны воинственные клики, и все больше среди тех, кому кажется, что именно он нашел путь в светлое будущее. А главное на этом пути, как у них выходит, — чтобы в стране не осталось коммунистов и памятников Ленину.

К авторам этого «открытия» мне бы и хотелось обратиться. Господа! Мне очень трудно согласиться с вашим подходом к КПСС как к некоей моволитной

и единой организации. Потому что такой партии не существует: дистанция огромного размера пролегал, скажем, между нынешним первым заместителем главного редактора журнала «Коммунист» О. Р. Лацисом и теоретиком ОФТ М. В. Поповым. К тому же мне трудно согласиться, когда на одну доску ставятся рядовые члены партии и те, кто пользовался, а может, и сейчас пользуется разными номенклатурными привилегиями, включая привилегию принимать решения и не нести ответственности за их последствия. Когда «демократы» говорят об ответственности всей партии, а не конкретных лиц — это на руку той же номенклатуре, ибо получается, что, к примеру, за положение дел в сельском хозяйстве все равно с кого спрашивать: с члена Политбюро или с безвестной доярки из «глубинки»...

Но допустим, что я согласился со всеми вашими доводами и глубоко впроцесса мыслью: каждый коммунист — враг народа. Давайте теперь спокойно, без

эмоций рассмотрим возможные средства борьбы с этой напастью.

Я не думаю, что среди тех же радикал-демократов много сторонников фашистского принципа «лучший коммунист — это мертвый коммунист». Но ведь и для того, чтобы просто изолировать данных людей от общества, надо уже сейчас приступать к строительству новых концлагерей.

Прикинем число возможных жертв репрессий. Тех, кто почему-то медлит расстаться с партбилетами, до сих пор миллионы, господа! К тому же у многих — семьи, которые неизбежно пострадают, даже если не будут привлечены к ответственности как ЧСИР (член семьи изменника Родины). Итого, по самым скромным подсчетам, репрессии затронут не менее 60 миллионов человек. Вас это не страшит, господа? Вам это ни о чем не напоминает?

Теперь — о Владимире Ильиче. Мое личное отношение к нему изменилось после публикации в четвертом номере «Известий ЦК

COMPILED BY RADIO LIBERTY MONITORING

АВТОР СЧИТАЕТ, ЧТО ЕСЛИ ДЕЛО ДОЙДЕТ ДО РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ КОММУНИСТОВ, ТО ЭТИ РЕПРЕССИИ ЗАТРОНУТ ОКОЛО 60 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК, ИБО ОТРАЗИТСЯ ТАКЖЕ НА СЕМЬЯХ КОММУНИСТОВ

2

КПСС» секретного письма о храмах и священниках. Но согласитесь, что великое множество людей не испытывает нужды читать и перечитывать Ленина — они просто верят в него, как в единственное святое, что осталось в их душах. Владимир Высоцкий, который был плоть от плоти народа и которого никак не заподозришь в любви к номенклатуре, и тот на вопрос анкеты: «Кто, по-вашему, самый великий человек на земле?» — ответил без колебаний «Ленин».

На одной из выставок плаката приз зрительских симпатий получил тот, где Ильич изображен на иконе, с ореолом святости вокруг головы. Под иконой — надпись: «Религия есть опиум для народа». Но в таком случае нелепы подсчеты — сколько в стране памятников Ленину и какой из них обладает художественной ценностью, а какой — не обладает. Это все равно, как если бы атеисты пошли по храмам с комиссией по изъятию и уничтожению «не имеющих ценности» икон. Так можно ли не считаться с тем, что низвержение памятников больно оскорбляет глубокие, сравнимые с религиозными чувствами миллионов людей?

Но тут я слышу доводы иных радикалов: мы, мол, боремся не с людьми и не с памятниками, а с идеями.

Хорошо, попробуем вкратце сформулировать те идеи, а точ-

нее — стереотипы, от которых сегодня мучительно пытается освободиться общество. Это, как я понимаю, нетерпимость к анакомыслящим. Вера в то, что общество можно преобразовать, если вычленишь из него достаточно большую группу людей и ограничить ее в правах. Нигилистическое отношение к былым святыням, которые все еще продолжают оставаться святынями для миллионов. Лесть толпе и разжигание в ней «праведного гнева к угнетателям»...

Перечень можно продолжить, но очевидно, что даже «самые демократичные демократы», увы, усвоили все эти стереотипы, которые сегодня упорно приписываются «большевизму». Структура сознания осталась тоталитарной, просто поменялись все знаки: где был плюс, там стал минус, и наоборот. Потому что тех, кто низвергал двуглавых орлов и воздвигал памятники Ильичу, сегодня рушат эти памятники и реанимируют двуглавого орла. Идея революционного насилия все прочнее поселяется в умах, и вот уже на страницах куда как демократичной ленинградской газеты «Смена» появляется рисунок топора, мелькает фото бравого молодца с надписью на майке: «Политизированную банду КПСС — к ответу!» А кооператоры бойко торгуют значком «При штурме Смольного пленных не брать»...

В числе самых яростных критиков партии, призывающих к суду над ней, — те, кто недавно из нее вышел.

Было бы понятнее, если бы громче всех звучали голоса тех, кто действительно пострадал от преследований и репрессий. Но нет!

Владимир Буковский — тот самый, кого ославили как уголовного и затем обменяли на Корвалана, — говорит, обращаясь к соотечественникам по телевидению: опомнитесь, зачем вам новый ГУЛАГ на двадцать миллионов!

Не слышат.

Солженицын в «Архипелаге» призывает: — Мы должны осудить публично самое идею расправы одних людей над другими!

Все равно не слышат. «Банду — к ответу», и все тут. Чего с ней, с «бандой», церемониться! И сильнее всех ярятся те, кто недавно выскочил из партии: раз, мол, не удалось сделать карьеру на коммунизме, почему бы не сделать ее на антикоммунизме?

Мой упрек ни в коей мере не применим к таким лидерам, которые не позволяют себе опуститься до зоологического антикоммунизма. Верю, например, что прозвучавший прошлой осенью призыв не отмечать главный праздник государства был продиктован благими намерениями,

АВТОР СЧИТАЕТ, ЧТО ЕСЛИ ДЕЛО ДОЙДЕТ ДО РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ КОММУНИСТОВ, ТО ЭТИ РЕПРЕССИИ ЗАТРОНУТ ОКОЛО 60 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК, ИБО ОТРАЗЯТСЯ ТАКЖЕ НА СЕМЬЯХ КОММУНИСТОВ

3

стремлением избежать конфронтации. Однако нельзя не видеть, что это обращение лишь подлило масла в огонь дискуссий.

Что же меня в этих дискуссиях поразило больше всего? Несколько строк из одной «народнофронтовской» листовки. Она попала на глаза в далеком южном городке, но людей, которые с ней солидарны, немало и в наших краях.

Казалось бы, коль ты демократ, то признай за каждым право на свое отношение к событию, которое при всем старании не удастся вычеркнуть из истории. Но вот что написали нынешние вольнолюбцы:

«Пусть стукачи-ленинцы выйдут на демонстрацию, а мы, сидя у телевизоров, запомним их лица. Запомним и не простим».

А теперь представьте себе, господа, такую картину. Сидит человек у телевизора и внимательно вылавливает в толпе лица знакомых. Затем, очевидно, записывает — для памяти — их фамилии. В перспективе списки могут быть обобщены для принятия тех или иных мер.

Как в народе называется такой человек?

Правильно. Стукачом.

Раб, одержимый жаждой мести, остается рабом и способен лишь воспроизвести структуру, которая его, раба, породила.

М. МАТРЕНИН.

г. Ленинград.

ПИСЬМА СТУКАЧЕЙ: ДОНОСИТЕЛЬСТВОМ ОХВАЧЕНА ВСЯ СТРАНА

13/

ослуживцы. После ряда записок, начинающихся словами «источник сообщает», я понял, что превращаюсь в обыкновенного стукача, и ужаснулся: пути назад не было...»

И, наконец, одно из многочисленных свидетельств уже нашей, перестроенной эпохи. 28-летнего Славомира Адамовича из Белоруссии, литератора, привлекли к сотрудничеству из-за того, что он вхож в неформальную организацию «Талака»:

«Раза два привозили меня на явочную квартиру, что под магазином «Алеся» в Минске... Кажется, в этой квартире мной была подписана бумага о неразглашении и сочинена первая легенда. Да, я пошел на компромисс. Да, было подленькое, рабье чувство — страх... Я стал балансировать у опасной черты, за которой — предательство. Я стал вести с ними игру, сочиняя легенды о несуществующем в реальной жизни, делая вид, что прислушиваюсь к их советам... Был у меня и псевдоним — Петра (Петр — по-русски). Встречались мы с моим «куратором» Вячеславом Андреевичем Шевчуком часто в его белых «Жигулях» возле завода имени Кирова... Он все старался меня как недавнего пролетария натравить на интеллигенцию, знакомых по «Талаке». Мол, видишь, говорил он мне, как ты жил, работал тяжело, сам всего достигая (имелись в виду уже опубликованные стихи, поступление в университет) а они там, националисты в «Талаке», живут на всем готовеньком... Это были омерзительные выпады, которые, кстати, используются и сегодня в охавании интеллигенции, в том же «Политическом собеседнике», который издается в Минске и курируется, несомненно, все тем же КГБ. Тогда же я укрепился во мнении, что антисемитизм — их негласная политика, ибо при каждой встрече с «куратором» мне подкидывалась идея, что во всем виноваты евреи. Даже так называемую «Белую книгу» г-ринес «товарищи» и настойчиво советовал ее прочесть.

В 1987 году заявила о себе неформальная литературно-общественная группа «Тутэйшыя» («Здесьние»). Осенью членами этой группы была проведена в Минске первая акция «Дядя» (день поминовения). На этот раз зашевелился не только КГБ, но и партия. Начали искать пути и способы нейтрализации новой группы. Мне, например, было открытым текстом предложено работником парткома университета гражданской Прокашевой создать в пику «Здесьним» псевдолитературную организацию, которая бы управлялась партией и КГБ. Ничего подобного, естественно, я делать не собирался. В течение всей моей игры с КГБ я оставался один, ни с кем не мог посоветоваться... Мой знакомый поэт дал мне понять, что у него тоже сидят на хвосте...»

Об «игре», обмане, выдумках, дез-

информации рассказывают в письмах многие бывшие и настоящие сексоты. Может быть, нашли такой способ заработка, думал я.

Из беседы в редакции с москвичом, школьным учителем физкультуры:

«Платили вам за доносы?» — «Лишь однажды дали тридцать рублей, и то пятерку выпросил опер». — «Разоблачили шпиона? Помогли выйти на «крестного отца»?» — «Да нет, просто сообщил, что видел, как один сослуживец читает набоковскую «Лолиту».

Аналогичная мелочевка то и дело мелькает в письмах: словцо, анекдот, шутка, книжонка... Представьте, из-за чего весь этот сыр-бор! Конспиративные встречи! Расписки о неразглашении! Явочные квартиры! Господи, кто же они — заказчики и сборщики подобной информации? Зачем нужна им бесчисленная сеть агентов?!

«Почему, — пишет мне рядовой стукач «Валентин», завербованный в начале 80-х, — многие сексоты «голят де-ду»? Потому что только младенец не видит, что вся работа наших «кураторов» — сплошной блеф, имитация работы! Но они — поверьте мне — только и делают, что переписывают ту чууху, которую мы им даем, и переправляют ее из кабинета в кабинет... с нулевым эффектом... Совесть моя чиста, никто от моей «дезы» не пострадал, а то, что они ее глотали и глотают, говорит только об их ничтожной квалификации».

Или вот еще мнение сегодняшнего агента КГБ, который подписался именем Михаил:

«Я готов был работать на них, если цели окажутся благородными. Но, оказалось, никто не собирался рассматривать меня как полноправного партнера — ко мне относились потребительски. Это было унижительно...»

Постепенно я понял главное: в нашей стране за многими ведется наблюдение. Сеть у КГБ довольно обширная — не только в крупных городах, но и в районных центрах. На содержание аппарата тратятся огромные деньги. Меня выводили на определенных людей, к которым надо было войти в доверие, затем регулярно описывать содержание наших бесед. Эти листки (часто пустякового содержания) куда-то подшиваются. И вот вся эта бюрократия и... есть КГБ!»

Еще раз вернемся к предыдущему письму — Валентина:

«Не откликнуться на ваш призыв считаю малодушiem, хотя мог бы промолчать. Но мириться с таким положением трудно. КГБ сегодня путем внедрения агентов в различные неформальные организации следит за их становлением, в меру возможности ведет дело к их подрыву, если избранный ими курс отдают инакомыслием. У нас на Украине это прежде всего касается «Товарищества им. Т. Г. Шевченко» и движения «Рух»... Меня тоже пытались использовать в качестве информатора о деятельности этих организаций, но, ближе узнав этих

людей и признав справедливость многих их требований, решил не выступать против своей совести... Если мы хотим построить правовое государство, если хотим гражданского мира, то мы должны прекратить борьбу с инакомыслием и не унижать граждан слежкой, дать им возможность действовать согласно своей совести и убеждениям...»

И заканчивает свое письмо Валентин следующим выводом:

«Я не жалею, что работал на КГБ, и если заблуждался, то искренне. Без этой организации я бы дольше шел к тем взглядам, которые частично высказаны мной в исповеди...»

Да, да, думал я, когда в очередном письме мне снова доказывали необходимость секретной агентуры для борьбы с преступностью или зарубежными спецслужбами, не ребенок, понимаю и принимаю все доводы «за». Но чем оправданы, допустим, такие действия КГБ, о которых рассказал сельский учитель из Татарии Андрей Евгеньевич Фильминов:

«С осени 1988 года я стал вхож в Набережно-Челнинский политклуб имени Н. И. Бухарина. И вот весной 1989 года ко мне в школу пришел наш районный комитетчик и сказал: поскольку КГБ заинтересован в успехе перестройки и развитии кооперации, а «бухаринцы» бываю-ют за границей и встречаются с иностранными предпринимателями, то не мог бы я ему передавать содержание этих встреч и тем самым способствовать развитию кооперации в СССР. Такая откровенная липа мне все прояснила, но я растерялся и продолжал слушать. А дальше — им было названо место наших свиданий, чтобы «незаметно» и т. п. Я чувствовал себя униженным...»

Почему, думал я, так часто повторяется в исповедях это слово — «унижение»? Ведь все, что ни делали они, неизвестные мне оперативные работники КГБ, — они делали «для блага» страны, общества, народа (так они думают)? Почему же такой горький осадок оставляют они у многих агентов или кандидатов в агенты? Не обучены обходу? Общая низкая квалификация? Или (скорее всего) их средняя масса — люди безразличные, корыстные, малограмотные? И человек для них — лишь потенциальный «номер» в списке агентуры? «Номер» без лица, чести, каких-либо чувств?

С особым интересом, признаюсь, я выскивал в исповедях причины, вынуждающие людей стать сексотами. И, конечно, находил. Нередко это была прямая заинтересованность в такой работе:

«Если бы я с ними не сотрудничал, то не смог бы устроиться в фирму «Ханэ», которая строила в Воронеже завод видеомагнитофонов», — пишет М. Ярославцев (кличка Феликс).

«У меня тогда не был решен квартирный вопрос, я не мог устроить дочку

в детсад. Сотрудник КГБ намекнул, что помогут с квартирой. Я попросил устроить дочку в ведомственный детсад КГБ, который находился от нас поблизости. Но он только посмеялся, — пишет В. Алещенко из Киева, которого пытались вербовать в 1977 году.

Журналист и депутат Артемовского городского Совета Б. В. Криволапов, бывший агент КГБ, рассказывает, как проходила его вербовка в 1980 году, когда он работал официантом в ресторане в Новокузнецке:

«...С меня взяли расписку-согласие на сотрудничество и нераспространение каких-то тайн. Доносы или рапорты мне предстояло подписывать псевдонимом. Не особо утруждая свой умишко, я назвался Пушкиным. Далее мне был задан, как я понял, традиционный вопрос:

— Какие-нибудь просьбы к нам есть?

— Есть, — обрадованно заявил я, предвкушая лавину привилегий. — Хочу работать в ресторане «Новокузнецкий».

Шеф отдела многозначительно взглянул на Виталия Альбертовича, и тот быстро удалился в спальню, где, по всей видимости, находился телефон. Через две минуты вернулся и сообщил мне, что меня дожидается директор гостиничного ресторана... И в тот же день я получил перевод на новую работу.

Да, были в исповедях свидетельства о тех или иных услугах (подачках), которые КГБ оказывал своим секретным сотрудникам, работающим в столь тонкой идеологической сфере. Но куда чаще я читал о сломленной жизни и немолчающих муках совести.

Жительница Львова вспоминает, как во время войны ее заставили следить за подругой — высланной немкой с Поволжья:

«В канун Нового года мне оформили командировку в Новосибирск — «выбить» гостинцы для влики школьникам. Я сказала об этом Элеоноре Генриховне. Она вся засветилась: «Умоляю. Отвези посылку моим детям...» (они находились в лагере). Я согласилась, но о посылке должна была доложить НКВД. Мне приказали в канун отъезда, в полном отности посылку на проверку в НКВД... Ночь была на радость — темная. Когда заснули не только люди, но и собаки, я, как кинорезидент, подняла повыше воротник и отправилась в НКВД... Посылку вскрыли и все высыпали на стол (окна наглухо задернули). В посылке были: килограмма три сырой картошки, черные сухари, штопаное-перштопаное чистое белье, две пары теплых носков и мешочек с сахаром. Сахара было граммов 350—400. Они перенюхали и перебрали всю картошку, сухари, прощупали все швы в мешочках и приказали мне посылку зашить. А мешочек с сахаром протянули мне. Я в ужасе отшатнулась: «Зачем!.. Мне не надо!» — «Тогда мы этот сахар отдадим в детдом», — и хохотнули. Я-то знала, что в нашем районе никакого детского дома не было... «Верните сахар... — я вся полодела. — Ведь Элеонора Генриховна подумает, что я его присвоила...» «Фешистам сахар не положен», — отрезал начальник...»

Лагерь я нашла быстро, но детей Элеонора Генриховна не смогла найти, передала посылку через других... Она очень огорчилась, что я не подала ее детей. А недели через две после моего

возвращения она сказала мне с непередаваемым презрением (видимо, получила письмо от детей): «Больше, пожалуйста, ко мне не приходите... Так по милости этих подонков я в ее глазах оказалась еще и воровкой... И только сейчас, когда мне 78 лет, я могу рассказать о том, как гнусно со мной поступили чекисты, которых я ненавижу за гибель моих родных, за мой позор, за мой страх перед ними...»

Это из того проклятого всеми времени. А вот свидетельство более поздней. Бывший актер МХАТа Алексей Головня был завербован уже доле XX съезда партии:

«Майор госбезопасности Буланов, несмотря на хрущевскую оттепель, обладал хваткой сталинских времен: «Все остается по-старому... Мы должны знать все. Про всех... Мне уже была дана кличка, которой я должен был подписывать доносы. Что я мог? Плюнуть в лицо майору?.. В часы наших встреч майор глубже и шире открывал задачи, которые ставила передо мной госбезопасность по отношению к деятелям театра... Я понимал, что, оказавшись в дьявольском капкане, становлюсь нитью огромной паутины, которая опутала все наше искусство, все наше общество, всю нашу жизнь... Меня уже не просили, от меня требовали «работы» и сам майор Буланов, и те квидимые, кто стоял за ним. И у меня созрело единственно возможное решение...»

В столовой, что размещалась раньше под студией Центрального детского театра, к моему столу подошел Олег Ефремов, в то время актер ЦДТ, и сообщил мне, что намерен создать свой театр: «Директор студии дает большой зал. Будем репетировать ночами... Хочу начать с пьесы Розова «Вечер живые». Соглашайся...» Я тяжело вздохнул. Ефремов ждал ответа. Во мне бродил страх. Создать вместе молодежный театр! Не об этом ли я мечтал еще в юности? Но проклятая паутина потянется за мной и туда, в любой другой театр. Нет, они меня не оставят в покое... Я отказался. А вскоре подал заявление и об уходе из МХАТа. Покинул театр несعدно...»

И еще одно признание — недавнего выпускника факультета журналистики МГУ Алексея Лукьянова:

«У меня был друг, мы познакомились еще до армии. Звали его Боря. Он был хиппи, его не раз сажали в психушку. Он интересовался литературой, это нас и сблизило. Случайно мы встретились снова. Я сразу понял, что за нами следят. Мне была известна его тайна — у Бори была знакомая, которая помогала ему делать ксероксы с Набокова и Солженицына (того, что раньше называлось антисоветской литературой). Однажды с одним своим приятелем я заговорил о Боре. Сказал и о ксероксах

За язык никто не тянул. «Приятели» вдруг попросили повторить. Я догадался, для кого и для чего, но как ни в чем не бывало повторил... Мотивом моего поступка был страх (я уже сталкивался до этого с КГБ)... Когда я после лекции вышел из аудитории, то понял, что совершил предательство. Борю я больше не видел и не звонил ему. Мне было стыдно. Что с ним стало — не знаю... Стучаком я не был, был лозинкой под колесами. За то и поплатился...»

ПИСЬМА СТУКАЧЕЙ: ДОНОСИТЕЛЬСТВОМ ОХВАЧЕНА ВСЯ СТРАНА

15/

Эти письма лежат передо мной.

Почти каждый день очередной секретный агент КГБ просит о встрече.

Мне жаль этих людей. Я глядел им в глаза, слушал их покаянные рассказы, читал исповеди и делал вывод, о котором с полной уверенностью могу заявить: никакие доводы о том, что государству, стране необходимы такие секретные агенты для таких целей, на меня больше не действуют.

Вот почему этот обзор я завершаю фрагментом из письма ветерана КГБ из г. Ровно И. Я. Прияжнюка:

«Хочу затронуть еще один аспект дея-

тельности КГБ, которая сопряжена с опасностью для страны и народа, особенно сейчас, в критическое для нас время.

Как правило, информацию о процессах в обществе КГБ дает на основании доносов сексотов. Из практики многолетней работы знаю, что многие сексоты, завербованные на «компрах» или добровольно изъявившие желание быть информаторами, привыкают к мизинным деньгам. Угождая оперработнику, они дают информацию, которая ему нужна, подчас явную лжу. Карьерист-оперативник, чтобы держаться на плаву, доволен такой информацией. Создается

своего рода симбиоз, при котором они взаимно извлекают друг от друга пользу.

Все это наносит вред обществу».

После этой публикации, очевидно, получу письма, где меня будут упрекать, что я «ломаю», «разрушаю», «очерняю»... и т. д.

Но передо мной уже сотня свидетельств того, что представляют собой политические «сексоты» — люди, одновременно и ломающие судьбы других, и сломленные сами.

И не имеющие никакого отношения к защите безопасности страны.

• BLUE-100

М-1 19.00 5.03.91

Парламентский дневник с Сессии ВС СССР

Сегодня в ВС страны палаты - Совет Союза и Совет национальностей работали раздельно. А вопрос номер 1 был об органах государственной безопасности в СССР.

Обсуждался проект закон - не мифы, не литература и журналистика, а факты, проблемы, поиск решения. Очень интересный разговор, начал который председатель Госбезопасности Крючков. Он считает, что принятие закона об органах КГБ будет важной гарантией соблюдения конституционных прав и свобод граждан. Ведь все мы стремимся к построению правового государства.

До сих пор служба безопасности руководствовалась подзаконными и часто неизвестными гражданам актами. По мнению председателя КГБ нужны два закона - об органах госбезопасности СССР и закон о государственной безопасности, который должен юридически закрепить концепцию и принципы обеспечения безопасности страны.

/Далее фрагменты выступления Крюčkова, см. информацию ТАСС/

Исполняющий обязанности парламентского комитета по вопросам обороны и государственной безопасности Шарин также говорил о необходимости незамедлительной разработке и принятия закона. Обусловил он это рядом причин.

ШАРИН: Я должен сказать, что сложилась парадоксальная ситуация, когда наши органы государственной безопасности по сути оказались бесправные, так как после изменения статьи 6-й Конституции СССР, после ликвидации такого органа как СМ СССР, по сути дела нет ни одного регламентирующего документа, который бы в правовом порядке обеспечивал сегодня деятельность.

Но общество нуждается в том, чтобы надежно определить правовую основу деятельности органов Госбезопасности. Специфика затрагиваемых при этом вопросов предполагает, что эта деятельность должна быть урегулирована актом высшей государственной власти СССР, законом СССР.

Принятие такого закона должно поставить деятельность органов ГБ на прочную правовую основу, обеспечить качественно новый уровень их работы. / далее о значении закона, о гарантиях от трагедий повторений прошлого, мон./

Корр. Первым принял участие в дискуссии депутатов Бирюков /он говорил также о важности принятия этого закона, что рабочий коллектив и избиратели выражают тревогу за состояние с безопасностью в нашей стране, мон./

Затем депутат Соколов, Куйбышев /о незаслуженной критике чекистов за сегодняшнюю деятельность, надо дать нормы органам госбезопасности, их деятельность в прошлом уже была осуждена, а теперь им надо дать закон, мон./

Корр.: Другой аспект проблемы в выступлении депутата Андреевой.

АНДРЕЕВА: Основную мою тревогу выразил уже наш нетерпеливый депутат Собчак, который остановил ваше внимание на главном, что, наверное, волнует всех не специалистов в этой области - на правах человека. На том, что этот закон нами, людьми непричастными к деятельности органов, ожидается от этого закона - гарантий, гарантий и гарантий. Поэтому мне кажется, что этот закон, он должен был сделать акцент и может быть одной из самых - не идти по линии такой вот формальной логики что ли, а первым и главенствующим разделом сделать именно гарантии прав человека, как суть работы органов государственной безопасности.

В преамбуле, прямо в первом абзаце во второй части перечисленно, что настоящий закон определяет. Что же он определяет - назначение, принципы деятельности, обязанности, вдумайтесь, и права. Но нигде не сказано слова, которое для нас является решающим - ответственность.

Депутат Ингер: С какими трудностями мы здесь столкнулись по большому счету - это давление на душу, на мозг, на сердце всех нас того тяжелого груза, который остался от лет большого террора и большого застоя. Дело не в органах государственной безопасности. Дело в том, что наши политические структуры устроены были на таких безнравственных принципах, и соответственно, политических лидеров, такого безнравственного уровня выдвигали на самых верх государственной иерархии, которые все время вместо себя подставляют кого-нибудь. В 37й год, товарищи, политики наши подставили органы госбезопасности, хотя всем ясно, что ни одно цивилизованное государство без соответствующей государственной структуры и исполнительного механизма не может обходиться, и тем самым как громоотвод отвлекли на них всю ненависть за беззаконие, хотя сами органы пострадали достаточно сильно и 20 тысяч репрессированных чекистов это списать невозможно ни под каким видом. Кого в следующий раз подставят я не знаю, может быть даже нас с вами, депутатов.

/далее о необходимости уходить от такой практики, новый законопроект должен создать основу для нормальной работы органов госбезопасности, мон./

И последнее. Ст.14 пункт 3 - это права по осуществлению оперативно-разыскных мер и хранению информации. Вот послушайте внимательно и вникните всей душой и главное разумом. "Использовать помощь граждан с их согласия на гласной и негласной основе в осуществлении мероприятий по осуществлению государственной безопасности". Претедент есть у всех государств и народов. Тут, так сказать, моральные соображения могут быть разные.

Следующий абзац того же пункта "Данные, полученные в результате указанных пунктов настоящей статьи мер, используются в порядке и случаях, предусмотренных законом и не могут сами по себе служить основанием для ограничения законных прав и свобод граждан. О свободах и правах - все хорошо. Но эти данные используются сейчас, несмотря на отмену 6-й статьи обкомами и райкомами КПСС. Не другими партиями, никакими другими. И я хочу, чтобы в окончательной редакции при втором чтении, было запрещено, либо разрешено всем партиям, чтобы рассылка информации КГБ шла всем партиям, либо запрещено ею пользоваться и КПСС. Я говорю это как коммунист. И органы Госбезопасности здесь должны проявить государственную мудрость. Это не орган КПСС. Это органы государства.

БЕСЕДА С ГЕНЕРАЛОМ О. КАЛУГИНЫМ, В КОТОРОЙ ОН РАССКАЗЫВАЕТ
О ТЕМНЫХ ДЕЛАХ КГБ, В ЧАСТНОСТИ ОБ УБИЙСТВЕ БОЛГАРСКОГО
ДИССИДЕНТА МАРКОВА

Свободная Грузия

27 АПРЕЛЯ 1991 г.

8

ПОЗИЦИЯ

КОВАРСТВО КРЕМЛЯ И РУКА МОСКВЫ...

РАССКАЗ ГЕНЕРАЛА-БУНТАРЯ ОЛЕГА КАЛУГИНА

НЕБЕЗЫЗВЕСТНЫЙ «доперестроечный» лидер КПСС и кровавой советской империи Юрий Андропов еще в 1976 году, будучи председателем КГБ СССР, говорил: «Мы находимся на фронте, где нет перемирий и передышек, где борьба идет с большим накалом... Быть чекистом — значит прежде всего быть бойцом, воспитывать в себе необходимые для этого качества: верность партии и народу, смелость и самоотверженность, готовность в любых сложных и тяжелых условиях биться за торжество великих идеалов коммунизма». А совесть? Честность? Порядочность? Этого в Кремле не требовали и не требуют. Требовалось лишь «биться за торжество великих идеалов коммунизма» как в своей стране, так и в других государствах. За идею платили жизнями тысяч и миллионов людей...

А что же «перестроечные» лидеры КПСС и империи? У них моральные критерии не изменились, остались прежними. Камуфляжа демократии, которым они прикрылись, хватало ненадолго. Народ протестует, народ требует ликвидации союзного правительства, с радикальными требованиями ба-

стует вся страна, а кремлевские стратеги продолжают «биться за торжество великих идеалов коммунизма», доведших народ до нищеты. В борьбе за власть они отчаянно борются со всеми, кто разоблачает их истинные цели и задачи, кто хоть как-то мешает им спокойно платить за «торжество великих идеалов коммунизма» жизнями миллионов. Одной из «косточек в горле» Кремля и КГБ стал получивший за последнее время известность генерал Олег Калугин, который, несмотря на многолетнее пребывание в рядах советских чекистов, сохранил совесть, честность, порядочность... «Высшее руководство» угрожает ему судом, а народ избирает своим депутатом.

Во вчерашнем номере «Свободной Грузии» рассказывалось о темных делах КГБ, в частности об убийстве болгарского диссидента Маркова.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей запись беседы с генералом Олегом Калугиным, предоставленную редакции московским журналистом Александром Ивановым, в которой он приводит подробности и детали этого и других преступлений КГБ.

БЕСЕДА С ГЕНЕРАЛОМ О. КАЛУГИНЫМ, В КОТОРОЙ ОН РАССКАЗЫВАЕТ
О ТЕМНЫХ ДЕЛАХ КГБ, В ЧАСТНОСТИ ОБ УБИЙСТВЕ БОЛГАРСКОГО
ДИССИДЕНТА МАРКОВА

— В начале 1978 года в кабинете у Андропова, на Лубянке, состоялась встреча, в которой принимал участие тогдашний руководитель разведки Крючков, его первый заместитель вице-адмирал Улатов и я, — начинает свою исповедь генерал Калугин. — Наряду с другими вопросами оперативного характера, обсуждавшимися на встрече, Крючков сообщил председателю КГБ Андропову, что ему передана просьба министра внутренних дел Болгарии Стоянова об оказании болгарским спецслужбам помощи в физической ликвидации Георгия Маркова, известного оппонента Живкова, который одно время был близок к его семье, знал многие «секреты кухни», затем эмигрировал на Запад и в последние годы работал на Би-Би-Си.

При этом Крючков сказал, что просьба исходит лично от товарища Живкова, а министр просто передал ее по своим каналам, но он не уточнил, как это было передано, в письменном виде или в устном, скорее всего в устном, потому что такие вещи у нас письменно не принято оформлять.

Когда Крючков затронул этот вопрос в разговоре с председателем. Андропов встал и, медленно прохаживаясь по кабинету,

ска-
зал после некоторой паузы: «Я против политических убийств». Причем он не говорил, что он именно против этого убийства. Мысль была сформулирована следующим образом: «Нас втягивают в разные ситуации, — у них свои проблемы, пусть их сами решают». На что Крючков тут же отреагировал: «Юрий Владимирович, вы поймите, если мы откажем болгарам, то мы поставим в неловкое положение министра Стоянова. Живков посылает, что Стоянов не пользуется в КГБ авторитетом или, возможно, у нас в Советском Союзе, в руководстве меняется отношение к болгарским товарищам, короче, это может иметь не лучшие последствия для развития наших отношений, и, в частности, для министра Стоянова, который нам во всем помогает». После некоторых раздумий Андропов сказал: «Хорошо, я согласен на участие, но никакого личного, только технического... Пошлите инструктора, дайте им соответствующее оборудование, снаряжение, пусть болгары решают этот вопрос сами. Все. В этом я согласен».

— Рассчитываете ли вы, что будут вскрыты чьи-то

121
дебном разбирательстве какие-то документы?

— Я сомневаюсь... После этого я вызвал двух своих сотрудников: Сергея Михайловича Голубева, в прошлом полковника, начальника службы безопасности, специалиста по «мокрым делам», и мы его направили в командировку в Софию вместе с другим сотрудником. Но предварительно они посетили двенадцатую лабораторию, которая работает в рамках оперативного - технического управления КГБ... Она занимается разрабаткой средств, выводящих из строя человека, и соответствующих противоядий, если такого рода средства будут применяться против наших сотрудников... После получения инструктажа в этой лаборатории наши сотрудники во главе с Сергеем Михайловичем поехали в Болгарию, где и обсуждали с болгарскими вариантами уничтожения Маркова...

Была разработана следующая схема: использование яда, растворяющегося в напитках — спиртном, чае, кофе, в любой жидкости... И во время одной из поездок Маркова в Западную Германию такая попытка была предпринята. Неизвестно, насколько она соответствовала рекомендациям, насколько надежен был человек, но факт, что Марков остался жив, ничего с ним не произошло.

И вот тогда возник новый вариант, более грубый, что ли... Использование в качестве камуфляжа складного зонтика, который на близком расстоянии (полтора-двух метров) путем нажатия на механизм производит выстрел такой маленькой пули, которая пробивает одежду и застревает в верхней части кожного покрова. Этот вариант болгары прорабатывали где-то полгода, потому что покушение состоялось поздней весной или летом 1978 года. Короче, эта операция была проведена, и Марков скончался через сутки в местной больнице от остановки сердца. А пуля и яд растворяются в течение суток, и фактически никаких следов не оставляют. Так что в данном случае все было сделано так, как следовало.

БЕСЕДА С ГЕНЕРАЛОМ О. КАЛУГИНЫМ, В КОТОРОЙ ОН РАССКАЗЫВАЕТ
О ТЕМНЫХ ДЕЛАХ КГБ, В ЧАСТНОСТИ ОБ УБИЙСТВЕ БОЛГАРСКОГО
ДИССИДЕНТА МАРКОВА

131

После этого болгары решили уничтожить второго человека, майора разведки Болгарии Костова. Он сбегал где-то в 1977 году, и его решили уничтожить, как предателя родины, поскольку ему был вынесен смертный приговор. И вот в парижском метро, осенью 1978 года болгары по той же схеме произвели очередной выстрел. Но Костов в отличие от Маркова прореагировал на этот «укус комара» молниеносно. Стрелявший сразу же исчез в толпе, а он побежал к врачу, и врачи обнаружили у него буквально крошечный укол в теле. Была вовремя проведена операция и изъята пуля.

Я видел даже в каком-то журнале фотографию этой пули, ее удалось воспроизвести. Короче, покушение не удалось.

Вот собственно вкратце вся история. Таким образом, Живков несет ответственность как организатор или инициатор этого преступления, потому что Маркова никто не осуждал, никакого приговора к смертной казни не было... Крючков был фактически косвенным соучастником, потому что он побудил Андропова принять участие (пусть техническое, вспомогательное) в организации этого дела. Известно, что болгары не могли располагать такой технологией. Такого рода яды имеют на вооружении только ЦРУ, они его разрабатывали, и КГБ. Ни одна другая страна никогда этим не занималась.

Ну и я несу в этом смысле моральную ответственность. Правда, я лишь присутствовал, но я ведь не возражал. Моральная ответственность лежит на всех организациях и на всех людях, которые принимали участие в убийстве. Я, кстати, имею за эту «заслугу» личный подарок министра Стоянова — браунинг бельгийского производства с персональной бронзовой надписью «Генералу Калугину от министра Стоянова».

— А вы не боятесь, что ваших свидетелей могут убить?

— В Болгарии главным организатором был начальник разведки Василий Ко-

цов. Мне стало известно, что он погиб в аварии сравнительно недавно. Странная ситуация для начальника разведки. Конечно, всякое бывает... В аварии, бывает, и премьер-министр погибает, но возникает вопрос: не была ли это попытка замести следы, потому что Коцов, возможно, знал и о других «мокрых» болгарских делах, которые мне лично неизвестны. И они наверняка свершались только по указанию Живкова. Он был одним из главных организаторов. На судебном процессе все это проявится. Ну, а в Советском Союзе об этом знали, помимо упомянутых четверых, трое из них, кроме Андропова, слава Богу, живы: Чебриков Виктор, руководивший лабораторией № 12, к которому, кстати, высказывались претензии, что яды не дей-

ствуют достаточно эффективно. В курсе дела также бывший председатель КГБ в Болгарии Иван Савченко, Голубев Сергей — главный инструктор. Вот эти лица, которых сегодня уже можно назвать.

— Вы рассчитываете на то, что судебный процесс состоится над вами?

— Ну если он состоится, я готов все рассказать и даже еще добавить кое-какие подробности. Я оставил их специально для возможных разбирательств.

— А не думаете ли вы, что можете погибнуть в автотрагедии?

— Между прочим, я подготовил замечание по проекту Закона о КГБ, в котором, в частности, одним из пунктов является публичный отказ КГБ от использования незаконных и вообще любых методов физического уничтожения людей или нанесения ущерба их здоровью. И ничего страшного, кстати, в этом не будет. Например, в США, когда ЦРУ тоже прибегало к методам аналогичного порядка, специально был принят закон, утверждающий, что ЦРУ под угрозой жестокого уголовного наказания не имеет права заниматься деятельностью такого рода. Если мы запишем это для КГБ и подчеркнем,

БЕСЕДА С ГЕНЕРАЛОМ О. КАЛУГИНЫМ, В КОТОРОЙ ОН РАССКАЗЫВАЕТ
О ТЕМНЫХ ДЕЛАХ КГБ, В ЧАСТНОСТИ ОБ УБИЙСТВЕ БОЛГАРСКОГО
ДИССИДЕНТА МАРКОВА

151

ли. Когда мы его нашли, его можно было ликвидировать в любую минуту, так как он давно ходил под приговором. Доложили председателю. Тогда уже был Андропов. Он сказал: «Не надо его трогать. Слишком старое дело, вы лучше поговорите с ним». И мы с ним поговорили. Рассказали, какая в стране ситуация, еще и уговаривать начали, говорили о возвращении домой. И он в общем склонялся к тому, чтобы приехать в Союз. Это было после того, как в 1967 году сбежала Светлана Аллилуева, и нам нужна была крупная пропагандистская акция. Вот тогда и возникла ситуация с этим Орловым. Поскольку мы с ним установили контакт, он готов был вернуться, но когда доложили руководству страны, то возникла дилемма: как его встре-

чать—как героя нельзя, так как он осужден военным трибуналом, наказывать тоже нельзя, так как цель-то была другая... В общем решили, что он останется в Америке. Через два года он, кстати, скончался, так и не дождавшись нашего решения.

* * *

Редакция «Свободной Грузии» выражает благодарность журналисту Александру Иванову, передавшему нам запись беседы с генералом Олегом Калугиным. Возможно, найдется в КГБ еще один свидетель, который раскроет коварные планы Кремля по отношению к Грузии и разоблачит тех «стратегов», которые «разрабатывают этноконфликты» у нас, обедняя жизнь сотен и тысяч людей?

"ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ВОЗМУЩЕНА КЛЕВЕТОЙ НА КГБ!" ЭТО МЫ СЛЫШИМ ВСЕ ЧАЩЕ, НО НЕ ОТ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

"СТОЛИЦА" №8, февраль 1991

Александр МИНКИН

СТРИПТИЗ НА ЛУБЯНКЕ

К читателям «СТОЛИЦЫ»

Редакция уведомляет подписчиков и покупателей, что статья «Стриптиз на Лубянке» предназначается для военнослужащих Комитета госбезопасности (кроме проходящих срочную службу), научных и инженерно-технических работников, профессорско-преподавательского состава. Прочих настоятельно просим воздержаться от чтения или, по крайней мере, пропускать цитаты, специально для этого выделенные курсивом.

Автор.

«Общественность возмущена клеветой на КГБ!» Это мы слышим все чаще. Но слышим не от общественности.

Но не буду лукавить — я знаю, где водится та «общественность», что возмущена клеветой на КГБ.

Защитники ЧК СССР преимущественно встречаются в ЦК КПСС, в двух-трех редакциях («Молодая гвардия», «Щит и меч», «Пульс Тушина») да во всех модификациях общества «Память».

Они кричат об очернительстве, клевете, дискредитации органов — и это понятно: органы задеты за живое. Но почему бы не опровергнуть клевету? Почему не заявить: мы не сажали, не убивали, не пытали, не кидали в псушки. Нет. Сердятся, но не опровергают.

Грешил нападками на КГБ и я. Но ни разу органы мне не возразили. При личных встречах, правда, гневались, но чтоб официальное опровержение прислать — никогда.

И брало меня сомнение. Вдруг я клеветник? Недавно корреспондентка Би-би-си кричала на меня и топала ногами — за одну лишь мысль, что и в КГБ встречаются коррумпированные элементы. Накануне ей кто-то из сотрудников Лубянки объяс-

нил, что кругом одни воры, рэкетеры, кооператоры и их сообщники. Только в КГБ — все рыцари. Англичанка поверила. Специально ее не называю, чтоб Крючков ей путевку в санаторий не дал.

Завидуя английской доверчивости, стал я прикидывать: как мне получить о КГБ безупречную, неопровержимую информацию. И, желательно, положительную.

Все мечталось: найду положительный материал об органах, похвалю их от всей души... Тут почему-то мечты обрывались. Не надеялся, что найду.

А — нашел!

«С 1953 года чекисты Бурятии занимаются реабилитацией незаконно осужденных».

«Пора больше рассказывать людям и о конкретной работе службы госбезопасности. На нашем заводе по

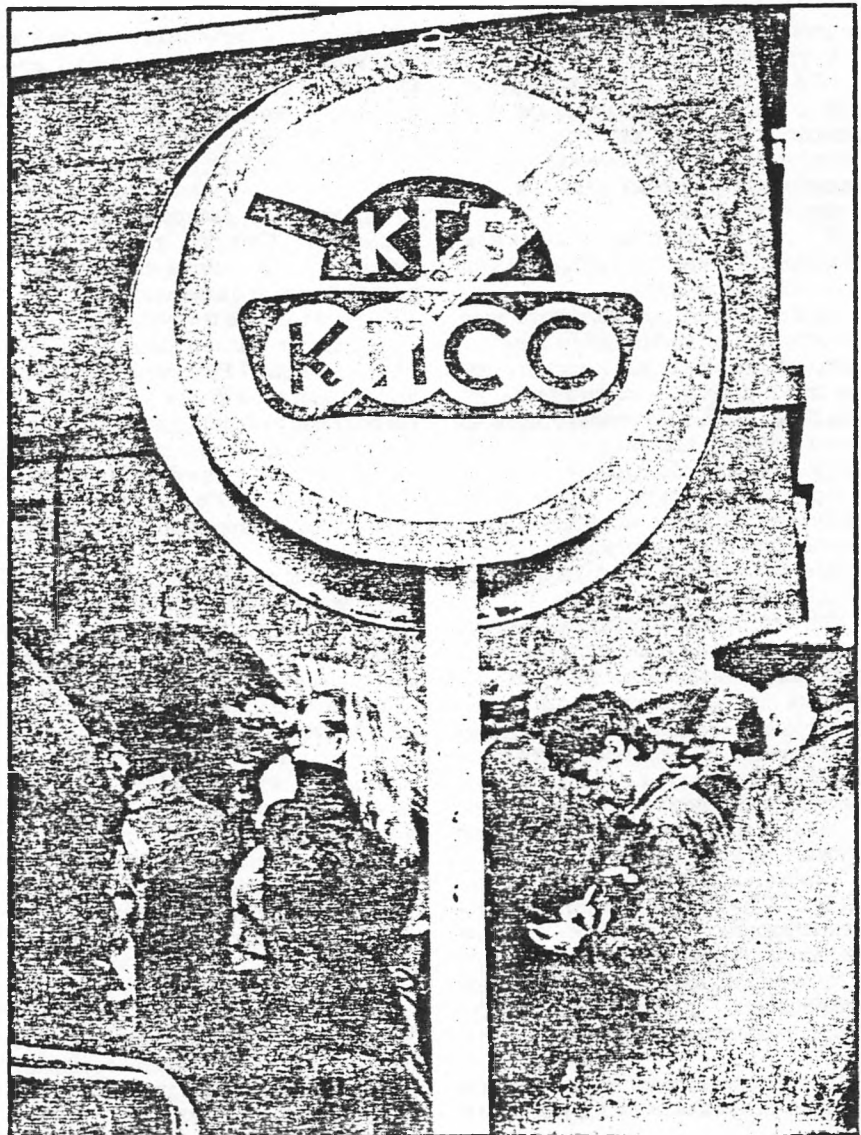

фото Г.Борзова

"СТОЛИЦА"

А. МИНКИН

"СТРИПТИЗ НА ЛУБЯНКЕ"

производству гипсоволокнистых плит люди положительно оценивают работу органов госбезопасности, понимают необходимость их существования. Мы получали и получаем от чекистов конкретную помощь».

Вот почему гипсоволокнистость у нас непревзойденная!

«На заседании совета при начальнике УКГБ СССР по Воронежской области... подчеркивалась необходимость дальнейшего усиления работы сотрудников УКГБ по... решению экологических проблем».

Здорово! Просто здорово! Защита среды — как это важно!

А преступность?

«Пряношу сердечную благодарность сотрудникам КГБ г. Коломны Ивано-Франковской обл., которые задержали вымогателей, терроризировавших мою семью на протяжении двух недель. Преступники требовали большую сумму денег, угрожая смертью жене и расправой над тремя нашими малолетними детьми».

А урожай?

«С 6 августа с.г. каждый понедельник с площади Дзержинского отправляется колонна автобусов, вывозя очередную смену в 600 человек для сельскохозяйственных работ на пойменных полях...»

Вот сколько крестьян в штатском! Молодцы. Но что там картошка! Они и о душе не забывают.

«Двери нашего детского дома всегда открыты. С нетерпением и неподдельной радостью ждут воспитанники своих шефов — сотрудников управления КГБ... не столько подарки радуют детей, как возможность непринужденного общения...»

Прервем восторги. Утром слезы умиления. Оценим источник цитат. Он безупречен и неопровержим. Называется «ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ КГБ СССР».

Формат, как у «Столицы». Бумага лучше. Но есть и более существенные отличия. В бюллетене КГБ нет выходных данных. Неизвестны тираж, типография. Нет цены. Нет списка сотрудников. Нет телефона, нет адреса. Непонятно, куда звонить об опечатках, куда писать письма.

Зато сообщается, кому можно этот журнал читать.

«Информационный бюллетень КГБ СССР» предназначается для военнослужащих Комитета госбезопасности (кроме проходящих срочную службу), научных и инженерно-технических работников, профессорско-преподавательского состава».

Далее перечислены те, кому можно журнал показывать (а в руки не да-

вать).

«Руководителям территориальных органов КГБ и особых отделов КГБ СССР с «Информационным бюллетенем КГБ СССР» знакомить партийных и советских работников до секретарей райкомов (горкомов) КПСС и председателей райгорисполкомов Советов народных депутатов, командование и начальников политарганов войсковых частей Министрства обороны, других министерств и ведомств до командиров и начальников политотделов дивизий и им равных, руководителей судов, прокуратуры, подразделений и органов МВД до районного (городского) звена».

Надеюсь, среди читателей «Столицы» найдутся секретари горкомов КПСС, начальники политотделов дивизий и им равные. Прочих просил бы воздержаться от дальнейшего чтения цитат, а вышеприведенные — немедленно забыть.

У меня есть серьезные сомнения в том, могу ли я приравнять себя к кому-либо из перечисленных начальников советского народа. Но сделанного не воротить. Признаюсь: я прочел. Меня мало утешает, что я где-то слышал, будто бы журналист имеет право добывать и распространять информацию. Сегодня кажется, что имеешь право, а завтра читаешь очередь Указ, и оказывается...

М-да, не будем о грустном.

Вернемся к бюллетеню КГБ СССР. Тираж — тайна? Не думаю. Перечисленных лиц сложить да перемножить (на области, райкомы, дивизии) — вот и будет тираж. А что прочел недозволенное — бояться нечего. Ни одного плохого слова о КГБ там нет. Только хорошее. Как о мертвом. Как в некрологе.

А мы рады своим тиражом в 300000 поддержать добрую славу КГБ. Тем более, в то время, когда...

«есть организующая сила, которая преднамеренно дискредитирует КГБ... надо держать глаза открытыми и видеть, что спецслужбы кровно заинтересованы в максимальном ослаблении Комитета. И здесь их интересы и наших мафиози полностью совпадают. Порой очень трудно понять, какая цель у авторов той или иной статьи. Разобраться в истинном положении дел? Нанести удар в спину? У мафии есть деньги для такого удара...»

Видите? Опять: мафия купила прессу, чтоб та «ослабляла Комитет». Обидно, что мафии больше не на что деньги тратить. Только годовая пресса у нас в изобилии. Обидно и мне: опять оскорбляют. Вот, честное

слово, — хвалю чекистов почти бесplatно. С робкой надеждой, что это смягчит мою участь, когда...

Не будем о грустном.

Будем о прекрасном и высоком. Искренне скажу: читал «Бюллетень» и не мог начитаться.

Местами, правда, брали сомнения. Какая связь меж чекистами и качеством волокнистых плит? Если 600 — на заливные луга, то сколько ж их там, возле «Детского мира»? Чему они детей учат — бдительности? распознаванию врагов социализма?

«Выражаем огромную признательность чекистам за акт милосердия — передачу здания районного отделения КГБ под детскую консультацию райбольницы...»

Коллектив центральной районной больницы,

г. Вилюйск Якутской АССР».

Это из «ПОЧТЫ ПРЕДСЕДЕТЕЛЯ КГБ СССР» — есть в «Бюллетене» такой раздел.

Скажите, председатель Крючков, сколько ж ваших молодцов в Богом забытом Вилюйске? Почему у них было целое здание, а не комнатка в РК КПСС? И где они теперь расположились? Кого выселили? И что — ради Бога! — что рыцари делают в Вилюйске? Зуб даю — там нет шпионов.

Хотя, если поискать...

«Так, сотрудники Комитета госбезопасности Таджикской ССР зафиксировали интерес членов бандформирования Амира Латифа, действующего в Имам-Сахибском уезде провинции Кундуз Афганистана, к работнику одного из совхозов гражданской «Ч», который занимался заготовкой кормов для животноводческой фермы за линией пограничных инженерно-технических сооружений. Заместитель Амира Латифа по разведке Ходжа Рауф и руководитель агентурной группы Амирмамад несколько раз по своей инициативе встречались с «Ч», вели его активную панисламистскую обработку, настойчиво склоняли к участию в борьбе против «неверных».

Может, все это и так, но не дает покоя вопрос, сколько высокооплачиваемых специалистов и с помощью какой электроники фиксировали панисламистскую обработку скотника?

Впрочем, много раз я слышал, как КГБ гордится своей рентабельностью. Поймали на границе, отобрали золото, иконы, брильянты... Вот Коллегия КГБ СССР сообщает:

«Только за 1989 год по материалам органов КГБ... государству возвращены незаконно приобретенные ценности на сумму более 170 миллио-

"СТОЛИЦА"

А.МИНКИН

"СТРИПТИЗ НА ЛУБЯНКЕ"

/3/

нов рублей».

Немало! Но как подумаешь, что на КГБ у нас только по официальным данным за три миллиарда тратится...

Говорят о рентабельности. Но сообщают только добычу (прибыль). О расходах ни-ни. Как же судить о рентабельности? А в валюте сколько тратят! По всему миру тысячи наших шпионов что-то пьют, кого-то вербуют. Но я — за. Чем больше их там — тем меньше здесь.

Во времена Сталина — все делали эски. И лес валяли, и самолеты проектировали, и атомную бомбу создавали (одни — здесь — в тюрьме, трудились-думали; другие — на Западе вкалывали-воровали).

Во времена Горбачева — все делают кагебешники. Контрабандистов ловят вместо таможенников, воров — вместо милиции. Картошку копают, дома строят, детей воспитывают, станки налаживают. В результате пошли нам бесплатные подарки из-за рубежа. Крючков не растерялся, президент подмахнул — и вот уже читаем в «Правде» слова председателя КГБ СССР:

«Комитет госбезопасности придаст первостепенное значение выполнению поручения Верховного Совета СССР по борьбе с экономическим саботажем и осуществлению контроля за целевым использованием импортируемой продукции. Чекисты уже приступили к проведению необходимых мероприятий... Созданы штабы в центре и на местах. Видите: тотальная мобилизация, штабы по всей стране, сотни групп, пенсионеры. Кажется, все резервы исчерпаны. А мы оплачиваем дорогой чекистский контроль за даровыми макаронами.

Проходит месяц, начинается грабеж, и в «постановления кабинета министров СССР» читаем:

«Для обеспечения строгого выполнения мер по обмену и изъятию из обращения денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года поручить Госбанку СССР, Министерству финансов СССР и КГБ СССР организовать и направить в центральные (национальные) банки республик, республиканские банки Госбанка СССР специальные группы сотрудников, наделенные чрезвычайными полномочиями по контролю за выполнением Указа Президента СССР и настоящего постановления вплоть до права принятия на себя в случае необходимости непосредственного управления банковскими учреждениями. Министерству финансов СССР и КГБ СССР организовать...

МВД СССР и КГБ СССР принять меры к усилению...»

Какие же силы нужны! Откуда взять? Ведь чтобы захватить, скажем, национальный банк Азербайджана, нужна минимум дивизия — дешевле не отдадут.

Еще денек-другой, и новый Указ о входе куда попало, обысках и т.п. И опять КГБ. Уже без докучного оформления ордеров и санкций прокурора.

Но и о душе не забывают:

«... Центр общественных связей КГБ СССР намерен приступить к выпуску общественно-политического и литературно-художественного журнала».

И вздыхают:

«Еще недостаточно широко практикуются творческие встречи, брифинги, пресс-конференции и другие мероприятия».

И приказывают:

«Не должно возникать никаких сомнений в благородных целях чекистского труда».

И сердятся:

«На наш взгляд, все уже пресытились публикациями о заплочных дел мастерах сталинских времен. Сотрудники КГБ решительно осудили их, подчеркнув, что возврата к прошлому никогда не будет».

А чтобы не было возврата к проклятому прошлому — заботятся о смене:

«Велика и многообразна роль ветеранов органов и войск КГБ СССР. Как и всегда, в самые трудные для государства периоды, они показывают образцы самоотверженного труда, добросовестного отношения к выполнению служебного долга. Мы рассчитываем, что сегодня ветераны будут уделять еще больше внимания воспитанию молодежи, делиться с ней накопленным опытом, оказывать всемерную поддержку».

Чтобы наладить нашу жизнь:

«Чекисты должны собрать всеядно ум, талант, трудолюбие и стойкость, все духовные и физические силы. Только так мы можем укрепить доверие трудящихся».

И доверие тут как тут:

«Б.Карбозов, декан Кзыл-Ордынского пединститута: Откровенно говоря, я где-то полагал, что органы КГБ работают против неформалов. Своими выступлениями чекисты убедили меня в обратном. И вообще получил здесь массу ценной информации, понял, что в общественной работе мы должны быть добрыми союзниками».

Декан пединститута! Наставник

учителей педагогов! Какую «ценную информацию» вы получили у чекистов и почему вы у неформалов не получили ничего? Неформалы — плохие? А чекисты? Из кого набрали новые группы для раздачи подарков, для взятия банков, для обысков?

Когда магазин полон — нет очереди. Когда магазин пуст — тоже нет очереди. Мы покончили с очередями вторым способом. Куда делись безработные продавцы? Чем заняты?

Поймите, меня волнует не то, насколько профессионально умеет новенький чекист обыскивать. Если и не умеет — научится. Хитрого нет.

Волнует (только не сердитесь) моральный облик этих стройбатов коммунизма. Уж сколько раз твердили миру, что народишко у нас так себе — и вор, и хулиган, и бездельник, и фотку с голой девкой ему не давай — враз совратится. Но — всякий раз добавляли трибуны — есть у нас полтора исключения: КГБ и Армия. Мол, армия еще малость грешит, особенно если ее попросят. А чекисты — все пламенные революционеры с холодным сердцем и пустой головой. Верю. Весь мир верит. Включая Би-би-си.

Но не может не удивлять досадное совпадение: рост рядов КГБ и рост преступности.

Читаю в «Бюллетене»:

«В среде простых советских людей КГБ пользуется и всегда будет пользоваться глубоким уважением и признанием. Чекисты и разведчики — любимые герои наших детей».

Всегда — это вечно? Бедные дети, бедные павлики. Я тоже был павликом. И верил, и любил, и наизусть знал подвиг разведчика, и мог часами разговаривать фразами Кадочникова: «Терпение, Штюбинг, и ваша щетина превратится в золото!»

Но терпение кончилось.

Я спрашиваю председателя Крючкова:

— Почему ваши родные гигантские безупречные спецслужбы до сих пор не развалили экономику «Общего рынка»? Почему не расчленили на штаты Соединенные Штаты?

Я спрашиваю любя.

Е И

ИСПОВЕДЬ ПАЛАЧА: В 37-38 годах НА ОДНОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ, СЛУЧАЛОСЬ, ПО ПЯТЬДЕСЯТ И БОЛЕЕ ЧЕЛОВЕК ПРИХОДИЛОСЬ, РУКА К УТРУ УЖЕ НЕ МОГЛА МАУЗЕР ПОДНИМАТЬ

"Труд", 11.4.91, стр. 8

Исповедь

ОТЕЦ СВОИХ СИРОТ

«На моем счету множество жизней»,— признался этот человек, по воле обстоятельств ставший когда-то профессиональным палачом

— Я ВЫСТРЕЛИЛ ему в затылок, куда и положено было стрелять по инструкции. Проманутся было невозможно. Он рухнул, тело его забилося в конвульсиях. На правой руке ясно была видна татуировка «Саша Серов» и якорь. Подумалось: «На одного врага народа стало меньше...»

В то время во двор тюрьмы вбежал Федька Тараканов из могильной команды. Он споровисто опутал тело специальной веревкой, чтобы покойный не скорчился — так удобнее его потом класть в сани или просто в штабель — перед вывозом на кладбище.

Этот выстрел был для него первым, потому и запомнился до мельчайших подробностей. Потом он стал штатным исполнителем. Профессионалом. Сейчас ему уже за семьдесят. Тяжелый взгляд будто сверлит собеседника. Лысая, как арбуз, голова. Небольшой глубокий шрам за ухом. Толстые короткие пальцы привычно разминают папиросу «Беломорканал» — признался, что курит только их с тех пор, как был зачислен в специальную команду. И лишь легкая дрожь в руках выдает волнение — правду о себе он рассказывает впервые.

...В семье было семеро ребятшек, однако жили в достатке. Но пришла первая беда — «испанка» и сыпной тиф сделали свое черное дело: в живых из семерых остались двое. А скоро умерла и мать. В смутном 1919-м отец исхитрился выгодно продать небольшой маслозаводик, которым владел, отдал годовалого сына дальним родственникам в деревню и укатил в Нижний Новгород, где его никто не знал, начинать новую жизнь. А в 1932-м простудился и умер, отдав перед смертью сыну все, что осталось. — одиннадцать золотых монет. А было сыну тогда четырнадцать.

Что и говорить, хлебнул лиха. Спасло то, что силушной и здоровьем бог не обидел. Работал помощником банемщика, грузчином на пристанях, матросом на буксире, колол дрова, слесарил на якорном заводе, даже в цирке боролся. Монеты тем не менее, как ни хранил, почти все проел — уж больно аппетит хороший был в молодости.

— Я на заводе работал, когда после очередной «чистки» стали партию новыми силами пополнять. Записался и я. Происхождение скрыть пришлось — всю жизнь потом боялся, как бы не разузнали, что сын заводчика я. Но обошлось — приняли как передового пролетария. Работал-то я хорошо. Партийный билет вскоре выдали.

LO00036 - 02

JAKOREWAA

21-APR-1991 15:26:30

ИСПОВЕДЬ ПАЛАЧА: В 37-38 годах НА ОДНОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ, СЛУЧАЛОСЬ, ПО ПЯТЬДЕСЯТ И БОЛЕЕ ЧЕЛОВЕК ПРИХОДИЛОСЬ, РУКА К УТРУ УЖЕ НЕ МОГЛА МАУЗЕР ПОДНИМАТЬ

Шел 1937 год. Мне уже девятнадцать стукнуло. Я по полторы нормы тогда давал, на доске почета висел, все партийные поручения добросовестно выполнял.

Вот в это время и начал я замечать, что с завода стали инженеры исчезать, потом директор, его заместитель, главный инженер, секретарь парткома. Нам объяснили, что все они оказались врагами народа и давно уже, хитро замаскировавшись, вредили нашему государству, Советской власти, даже нашего любимого вождя то-

варища Сталина хотели убить. Помню, как я возмущался, что так много врагов-то развелось, что мы, партийцы, по всему выходит, бдительность притупили. И негодовал я совершенно искренне.

Пронофий Степанович явно разволновался, поднялся со скамейки, замахал огромными кулаками — и сейчас, несмотря на возраст, чувствовалась в нем былая сила. И понять его волнение не трудно: десятилетиями хранил в душе свою страшную тайну, носил камень на сердце. Хранил от жены, от детей, от близких. И вот наступил момент, когда понял, что больше молчать не может, не имеет права.

— Вызвали меня в мае 1937 года в райком партии. Спросили, здоров ли, образование какое, как политику партии и товарища Сталина понимаю в отношении врагов народа и изменников Родины. Я, конечно, был за их полное и немедленное искоренение, поскольку они мешают нам жить лучше, — газеты-то читал. А мне в ответ: вот именно такие энтузиасты, добровольцы нам и нужны.

Зачислили меня в штат тюрьмы на Арзамасском шоссе, в «команду особой службы». Задача — приводить в исполнение смертные приговоры. А я в жизни мухи не обидел. Дрожь и страх меня охватили, когда понял, в чем задание партии состоит.

Надо сказать, паек я получал хороший по тем временам: мясо, масло сливочное, сахар, пшено, селедка, хлеб и все такое прочее. И — спирту сколько хочешь! Целый бачок его всегда стоял полный, чтобы перед работой можно было хлопнуть стакашкой для успокоения нервов.

В нашей особой команде было вначале шесть человек, а потом двадцать четыре. Могильщиков на первых порах 24 хватало, а потом и 72 едва управлялись — так много работы было. В 1937—1938 годах на одного исполнителя, случалось, по пятьдесят и более человек приходилось. Я, правда, «своих» никогда не считал, но рука к утру не могла уже маузер поднимать — массаж тюремный врач делал.

Харчи тогда были что надо! Ведь что получалось? Человека уже давно нет в живых, а они — матери, сестры, дочери — все идут и идут, по двое-трое суток у тюремных ворот стоят, чуть ли не ради Христа принять передачку уговаривают. А правды сказать нельзя, сам загремишь. Вот и выручали этих горемык, брали посылки да передачки. Делили потом. Я шмотки не брал, как-то муторно на душе было...

«Нехорошо», судя по всему, было не только Пронофию Степановичу. И неспроста из «особой команды» конца 30-х годов в живых остался он один. Кто-то сошел с ума, кто-то застрелился, двенадцать умерли от какой-то трупной инфекции. Особенно запомнилась ему смерть «главного могильщика» — того самого

LO00036 - 03

JAKOREWAA

21-APR-1991 15:26:40

ИСПОВЕДЬ ПАЛАЧА: В 37-38 годах НА ОДНОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ, СЛУЧАЛОСЬ, ПО ПЯТЬДЕСЯТ И БОЛЕЕ ЧЕЛОВЕК ПРИХОДИЛОСЬ, РУКА К УТРУ УЖЕ НЕ МОГЛА МАУЗЕР ПОДНИМАТЬ

Федьки Тараканова. Вначале парень запил по-черному, а потом повесился на дереве прямо на кладбище, когда среди трупов узнал своего отца и брата. Остальных уволили из-за нервов. Но команда не сокрушалась: на смену тем, кто не выдержал, приходили все новые и новые комсомольцы-добровольцы. А в 1947-м «спалили» в надзиратели и Прокофия Степановича...

Как же выжил он, если до сих пор окончательно не очерствела душа, если и сегодня видит он как вочию свою первую жертву — Александра Серова? Трудно ответить однозначно. Скорее всего, от крайности спасли его дети. И не только свои.

— Жил я поначалу в тюремном корпусе. И в первое же лето женился. К одному нашему надзирателю приехала погостить младшая сестра, семнадцати лет от роду. Невысокая, складная, почти неграмотная, молчаливая. Последнее обстоятельство было особенно ценным в глазах начальства. Звали ее Мария Павловна, Маша...

Чтобы она не знала, чем я в тюрьме занимаюсь, испросил у начальства разрешение купить дом в соседней деревне Ляхово — пятнадцать минут скорого ходу от тюрьмы. При доме был огород, и зажили мы, учитывая тюремные харчи, безбедно. Хозяйством ведали отец и мать жены — они к нам переехали.

Маша родила мне дочь Аннушку и сына Игоря. Вот радостей-то было! Ну а работа шла своим чередом. Я стал старшим особой команды, на работу меня возили уже на «черной Марусе» НКВД.

...Теперь мне бояться нечего, вся жизнь, считай, позади. У меня восемь взрослых детей, и все, как говорится, в люди вышли...

Мы непонимающе смотрим на собеседника. А ему явно приятно наша растерянность. В поблекших глазах едва заметно мелькает улыбка:

— Я вот о Серове все вспоминаю... Так с ним, точнее, с его сыном вот что произошло. Я часто ездил по службе «в город», как мы называли центральную часть Горького. (Переименовали к тому времени Нижний Новгород). И однажды заметил, что около одного дома по улице Свердлова два дня играет в песочке один и тот же крохотный мальчик. Похоже было, что он тут давно один. Худющий, в чем душа держится. Я вышел из машины, спросил: «Ты чей?». «Я Саса Серов», — еле выговорил он. «А папа и мама где?» — «Их увезли узе даву на такой зе масине».

Меня как кипятком обожгло: выходит, это сын убиенного мной Александра Серова! Я буквально схватил легкое тельце ребенка и отвез домой. Месяц выхаживала мальчика моя Маша. Ничего, оклемался. Вот с той поры после расстрелов я узнавал адреса убитых мной я, если совсем без родителей оказывались маленькие дети, заби-

рал их, усыновлял. Всего их стало у нас шестеро. Я уже интуитивно чувствовал, что многие родители невиновны. Ведь отец Сталины неспроста назвал ее именем вождя, а перед смертью кричал: «Да здравствует товарищ Сталин!» С этими же словами принял пулю и отец двух близняшек — Ревы и Люции, назвавший детей святым для него именем — революция. А совсем прозрел, когда съездил в саратовскую деревню к сестре Екатерине. Приехал, а там половина домов совсем заколочена, в остальных только старики, женщины да дети живут. Спрашиваю: мужики-то где, в поле, что ли? Давно всех позабирали, отвечают, а за что, знать не знаем и ведасть не ведаем. По оговору, ведасть. Оказалось, и в соседней деревне та же картина, и в той, что подальше. Во всей стране... А Екатериного мужика по той простой причине не взяли, что немощный был да в умом не особо удался.

APR 21 1991 * 3 4 3 0 2

LO00037

JAKOREWAA

21-APR-1991 15:26:48

ИСПОВЕДЬ ПАЛАЧА: В 37-38 годах НА ОДНОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ, СЛУЧАЛОСЬ, ПО ПЯТЬДЕСЯТ И БОЛЕЕ ЧЕЛОВЕК ПРИХОДИЛОСЬ, РУКА К УТРУ УЖЕ НЕ МОГЛА МАУЗЕР ПОДНИМАТЬ

"Труд", 11.4.91, стр.8

4

Враз прошла восторженность от причастности к борьбе с «врагами народа», наступила пора тяжелого прозрения. Слишком уж много было этих врагов — чуть ли не весь народ. Да и из следователей-садистов немало знал тех, что загоняли под ногти заключенным ислды, чтобы посговорчивее были, подвешивали их за ноги, прибивали ладони рук своих жертв к нагам.

И вот — раскаяние, суд совести. Он судит себя и не находит оправданий. Он судит время, в которое жил, систему, которой были нужны такие, как он, — исполнители.

Один просвет остался у него в жизни — дети. Всем сумел высшее образование дать. Аннушка — инженер в НИИ, Игорь — военный летчик, Александр — гидролог, Эмма — скрипачка, Сталина — директор универсама, Иван — художник, Рево — капитан дальнего плавания, Люция — писательница. А еще у него двенадцать внуков, ждет правнуков..

Такая вот судьба — еще один жестокий пример того, как трудолюбивого парня превратили в винтик огромной и ужасной машины, имя которой — ГУЛАГ.

Когда прощались, он тяжело поднялся со своей любимой скамейки напротив здания обкома партии, вздохнул и признался, что тяжело болен и дни его сочтены. Что сходил недавно в Печерскую церковь и, ко всеобщему удивлению, поставил сразу сто свечей — за им убиенных.

Дети... Именно из-за них мы и не называем фамилию этого человека. Изменили даже имя и отчество — дело деликатное. С одной стороны, он спас им жизнь, вывостил их, дал образование. С другой — лишил жизни их отцов и матерей. Не по своей воле, но лишил. И оправдание — что, если бы не он, нашелся другой исполнитель, — не утешает, не снимает греха.

В. ДОЛГОДВОРОВ.

А. ОРЛОВСКИЙ.

НИЖНИЙ НОВГОРОД.

- АЯ -

НА ВОПРОСЫ ПУБЛИЦИСТА ОЛЕГА МОРОЗА ОТВЕЧАЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ СССР
ВЛАДИМИР КРЮЧКОВ

2 стр. ● Знамя юности ● 9 февраля 1991 г.

КГБ-91

— Владимир Александрович, в одном из своих выступлений вы сказали, что, может быть, стоит не так быстро вести перестройку: «...Не стоит ли нам сделать более основательную оценку того, на какой точке развития мы находимся. Может быть, даже в чем-то остановиться, и, во всяком случае, просчитывать шаги вперед». И дальше последовала фраза: «Перестройка нам нужна», которая читается, как «Конечно, перестройка нам нужна, но...» Не означает ли это, что КГБ с трудом находит место в нынешнем времени (я сравнил бы его с прохождением плотного через пороги)?

— Не предполагая, что мои слова могут быть поняты, как предложение не так быстро вести перестройку. Вероятно, это случилось потому, что фраза вырвана из общего контекста рассуждений. Я сторонник перестройки. Именно забота о ее темпах и будущем делает меня противником как непродуманных крайних решений, так и бесплодных шараханьи из стороны в сторону. Я за научную обоснованность и тщательную выверенность принимаемых экономических и политических мер.

Чтобы задуманные реформы были успешны, необходимо как можно быстрее перейти от борьбы различных группировок за власть к консолидации различных общественных сил и движений на социалистической основе, необходимо добиваться разумных компромиссов. От уличной, митинговой демократии нужно быстрее переходить к повседневной организаторской работе по преодолению кризиса и оздоровлению нашего общества.

Что касается порогов, мы строго держимся в русле народных, государственных интересов, и на этом пути нам действительно порой приходится преодолевать «пороги» несовершенства административного, уголовного и иного законодательства, предвзятого отношения к органам госбезопасности, в том числе и со стороны средств массовой информации.

— Говорят, в КГБ есть две категории сотрудников: «едети аппарата» и «безродные». Перед первыми открыты все двери, они без труда делают карьеру, но в сущности это балласт, ничего не умеющий и не желающий. Вторые — истинные профессионалы, которым, однако же, на каждом шагу вставают палки в колеса...

— Нет ничего более далекого от истины. У нас очень строгий порядок отбора. Когда-то в наши учебные заведения брали с 18 лет, потом мы решили брать с 19—20 лет, то есть людей, отслуживших в армии или имеющих трудовой стаж (это относится ко всем, кроме математиков и физиков). Некотор-

ые обращаются ко мне с просьбой принять кого-то на работу в органы. Но у нас такое правило: мы благодарим за рекомендацию, а потом смотрим, подходит нам человек или не подходит. Ни одного сына руководящего работника, который не подходит нам по каким-то параметрам, мы на работу не взяли. Я не помню такого случая.

Могу сказать о себе — у меня не было никого, кто бы стоял за моей спиной. Отец был простым рабочим, мать — домохозяйкой. Я, правда, долго работал с Ю. В. Андропо-

вым, это верно, но до этого окончил два высших учебных заведения. «Вкалывал», как говорится, с утра до вечера. Да и сейчас работаю немало. То же самое можно сказать и о других руководителях КГБ.

У нас очень строгий отбор уже по физическим данным. Допустим, зрение. Физикам, математикам еще можно ходить в очках, а вот другим — нет. Строгие требования к слуху. И вообще к здоровью.

Когда молодой человек поступает в наше высшее учебное заведение, он обязательно должен прыгнуть с парашютом — сначала с вышки, а потом с самолета. Не все оказываются способны это сделать. Так же, как и выдержать «обкатку танком»: вы сидите в окопе, а над

вами проходит танк — земля вокруг шевелится. Тоже испытание на психологическую устойчивость. Если же мы готовим человека для работы в особых условиях, там проверка еще более суровая.

— Приходилось читать, что КГБ очень плохо оснащен технически, что компьютеры, например, его сотрудники до недавнего времени видели лишь по телевизору. Так ли это?

— Смотря что брать за точку отсчета. Я считаю, в техническом оснащении мы действительно отстаем от родственных нам спецслужб ряда капиталистических стран. У нас есть техника, вычислительные центры, есть неплохие информационно-аналитические подразделения — мы гордимся ими, но трудностей немало. Мы, например, так и не дождалось отечественных ЭВМ четвертого поколения. Хотя еще лет двадцать назад нас заверяли, что обеспечат советской вычислительной техникой высочайшего класса, советовали не покупать

зарубежную. Хорошо, не послушали тогда этих советчиков!

— Как известно, в прошлом году совершалась массовые переходы советско-иранской границы. Говоря об этом, вы как-то заметили, что предотвратить их можно было бы только с помощью огня и потому было принято решение не препятствовать им. Я от души приветствую это — хотя здесь кровь не пролилась. Но в то же время меня пугает такая альтернатива: либо бездействие, либо стрельба. Опасаюсь, что в другой раз кто-то даст команду стрелять (да и давали уже не однажды!). Между тем во всем мире при массовых беспорядках применяют сравнительно щадящие, сравни-

тельно гуманные средства — слезоточивый газ, водометы и т. д. — тут не надо изобретать велосипед.

Еще раз подчеркну, я вовсе не призываю использовать против кого-либо ни газ, ни брандспойты и был бы рад, если бы они никогда не использовались,

НА ВОПРОСЫ ПУБЛИЦИСТА ОЛЕГА МОРОЗА ОТВЕЧАЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ СССР
ВЛАДИМИР КРЮЧКОВ

но это все же лучше, чем пули, которые с удивительной легкостью вылетают из стволов в нашем Отечестве, это лучше, чем саперные лопатки и гусеницы танков... А вспомнить исключительно бездарные и жестокие в своей бездарности действия при захвате самолета с Овечкинскими (если помните, группа захвата открыла стрельбу по пассажирам, а после зверски избивала их, вырвавшихся из ада, прыгавших с большой высоты на бетон аэродрома...). Создается впечатление, что у нас никто всерьез не озабочен тем, чтобы противодействие экстремистам — раз уж есть такая необходимость — осуществлялось не преступно — дилетантски, а профессионально. Я понимаю, это вопрос не только к вам — он, в числе других, касается министра внутренних дел, министра обороны, — но и к вам тоже.

— Борьба с террористическими актами — важное направление деятельности органов КГБ. Наши сотрудники уже не раз демонстрировали высокий профессионализм, действуя в сложных, экстремальных условиях. Большой резонанс получили, например, операция «Гром», освобождение заложников в Сухуми, другие операции. Что же касается случая с Овечкинскими, сотрудники КГБ в этом деле участия не принимали.

В последнее время у нас радикально изменились подходы к решению такого рода

задач. Подтверждение этому — та же операция «Гром». Но в принципе с вами можно согласиться — проблема здесь есть. Особенно в том, что касается привлечения для наведения порядка подразделений Вооруженных Сил. Как бы нам ни хотелось этого избежать, но порой без участия армии восстановить общественный порядок не удается. Это происходит в тех случаях, когда беспорядки обретают широкомасштабный характер. Не обходятся без участия армии и за рубежом, однако подходят к этому вопросу несколько иначе. В ряде капиталистических стран, например, в рамках армии создаются специальные контингенты, обученные действиям по локализации беспорядков. Это, допустим, национальная гвардия в США, корпус карабинеров в Италии. Они привлекаются тогда, когда специальные силы безопасности

— полицейских формирований, внутренних войск и т. д. — оказывается недостаточно. Там действительно отработываются различные формы и методы пресечения противоправных действий. Среди этих методов применение оружия, конечно, самый крайний. Думается, нам стоило бы изучить эту практику и использовать ее у себя.

— Не могли бы вы рассказать о каких-то деталях случая со Шмоновым, стрелявшим на Красной площади 7 ноября прошлого года? Какие политические силы за ним стояли? Что означали эти выстрелы?

— Я думаю, надо немного подождать с разговором на данную тему. Интерес к личности Шмонова, видимо, немедленно пропадет, как только завершится судебно-психиатрическая экспертиза. Это серьезная вещь, она длится не один месяц. Пока мы узнали, что он состоял на учете в одной из психиатрических клиник. И врачи, которые осматривали его в предварительном порядке, пришли к заключению, что он нуждается в такой экспертизе.

— Стало быть, опять надоевший вариант сумасшествия?

— Ну, а что нам делать, если врачи ставят медицинский диагноз? Мы ведь не специалисты, не можем с ними спорить.

Никаких сил за Шмоновым не стояло. Мы проверили. Для всех его знакомых, близких этот поступок был неожиданностью.

— Следующий вопрос не относится прямо к КГБ, однако я хотел бы, чтобы вы на него ответили. В последнее время много нареканий на информацию ТАСС, но это ведь началось не сегодня. Например, на массовом митинге, проходившем в Москве 4 февраля прошлого года, один из ораторов в шутку сказал: «Нас тут собралось так много, мы такая сила, что можем идти на штурм Кремля и Лубянки» (цитирую по памяти, не дословно). Это слышали сотни тысяч людей, записывали десятки магнитофонов, в том числе — не сомневаюсь — и магнитофоны ва-

ших сотрудников. Тем не менее, на следующий день ТАСС сочло возможным уверять, будто это было сказано всерьез. Такая вот невинная подтасовка. А ведь ТАСС — не кто-то незведомый, распускающий слухи, искажающий истину, а правительственное информационное агентство (кстати, им руководил в ту пору небезызвестный Л. Кравченко, возглавляющий ныне Гостелерадио). Как полагаете, с какой целью это делается?

— В митинге, о котором вы говорите, участвовали сотни тысяч человек. По своей сути он имел острую политическую направленность, и при таких обстоятельствах подобные «шутки» просто неуместны. Они могли привести к очень тяжелым последствиям, как это, к сожалению, уже не раз было в последние годы. При массовом скоплении народа в экстремальных ситуациях верх начинают брать не разум и выдержка, а эмоции и чувства. В этих условиях достаточно одного неосторожного слова или призыва, и обстановка может стать неуправляемой.

Об атмосфере наэлектризованности, напряженности во время упомянутого митинга говорилось в материалах многих западных корреспондентов. Писала об этом и наша пресса. Можно только сожалеть, что те, кто причисляет себя к демократам, сблизил с далеком парламентарскую риторику, действуя по принципу «цель оправдывает средства». Ну, это, впрочем, вопрос политической культуры.

Возвращаясь к оценке процитированных вами слов, я бы в поисках истины рассматривал их не вырванными из контекста как самого выступления, так и всего митинга.

В последние месяцы мы стали превращать вполне серьезные политические проблемы в «шутку». Вспомните: выставили виселицу у ЦК КП Азербайджана в период известных событий — попытались изобразить это как невинную забаву. А вот в Армении такая шутка «выстрелила», когда участников чисто экологического митинга толкнули на погром здания КГБ республики.

НА ВОПРОСЫ ПУБЛИЦИСТА ОЛЕГА МОРОЗА ОТВЕЧАЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ СССР
ВЛАДИМИР КРЮЧКОВ

131

— Во время формирования правительства К. Прунскене в Верховном Совете Литвы у кандидатов неизменно спрашивали: «Сотрудничали ли вы с КГБ? При каких обстоятельствах возникло это сотрудничество и в чем оно заключалось?». От характера ответов во многом зависело отношение к кандидату. Что вы думаете обо всем этом?

— Обеспечение государственной безопасности — конституционная обязанность каждого человека. Поэтому те вопросы, которые задавались при формировании правительства республики, я считаю, по меньшей мере, некорректными. К тому же в этой ситуации, мне кажется, определяющими бы-

/

НА ВОПРОСЫ ПУБЛИЦИСТА ОЛЕГА МОРОЗА ОТВЕЧАЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ СССР
ВЛАДИМИР КРЮЧКОВ

Посторонним вход разрешен

(Окончание. Начало
на 1-й стр.)

ли не взаимоотношения кандидата с органами безопасности, а его принадлежность к «Саюдису» и приверженность идее выхода Литвы из Союза ССР.

К сказанному вами могу добавить, что от имени Верховного Совета Литвы делались заявления, содержащие призывы к гражданам республики не содействовать органам безопасности в выполнении ими своих функций. Более того, раздавались угрозы наказать тех, кто не прекратит оказывать помощь этим органам. Нечто подобное мы слышали также из уст одного из руководителей Верховного Совета РСФСР. Только он уже предлагает принять такой закон, который вводил бы суровую ответственность за сотрудничество государственно-служащего с органами КГБ. Вот вам уровень политического мышления «государственного деятеля»!

Комитет госбезопасности СССР заявил решительный протест в связи с принятием этого антиконституционного акта в Литве, попытками шельмования и морального давления на сотрудников КГБ Литовской ССР, стремлением определенных кругов втянуть их в противоправную деятельность. КГБ СССР и его подразделения на территории Литвы продолжают выполнять возложенные на них задачи.

— Еще цитата из вашего выступления: «Закон и правда стали нормой нашей жизни». Как тогда понять, что, например, полковник Я. Карпович, сказавший ПРАВДУ о нарушениях ЗАКОНА со стороны КГБ, происшедших в сравнительно недавнем прошлом, был вами наказан!

— Думаю, что ореол мученика, пострадавшего в борьбе за правду, не подходит для случая с полковником в отставке Я. В. Карповичем. Он действительно наказан — ли-

шен знака «Почетный сотрудник госбезопасности», которым, к слову сказать, не очень-то дорожил. Я. В. Карпович нарушил требования о неразглашении профессиональной тайны, в своих выступлениях перед общественностью дал необъективную оценку положения дел в КГБ. Именно поэтому чекисты-ветераны и сотрудники коллектива, в котором он работал, ходатайствовали перед руководством Комитета

один. Переоценка ценностей произошла во всем обществе — в партии, в государстве, в органах КГБ. И я как председатель, и другие сотрудники КГБ неоднократно высказывали свою оценку прошлой деятельности органов госбезопасности. Поэтому с полной ответственностью могу повторить: закон и правда являются нормой чекистской жизни.

Мы нуждаемся в укреплении правовой основы нашей дея-

ны ли вы с этим!

— Из деятельности Дзержинского мы извлекли в основном положительные уроки. Гордимся тем, что являемся продолжателями его дела. Разумеется, мы не склонны его канонизировать. Он, как и другие руководители того периода, допускал ошибки леворадикального характера, но эти ошибки не были определяющими в его деятельности. Вы говорите о концлагерях, сторонником которых был Дзержинский. Но ведь это были только по названию концлагеря (вскоре они стали называться лагерями принудительных работ). В этих лагерях содержались уголовные преступники, совершившие не тяжкие правонарушения — мелкие спекулянты, воры, аферисты, взяточники, проститутки и т. д. — а также служащие старого режима, которых в тех условиях было признано необходимым изолировать. Режим в этих лагерях был мягким: многие из заключенных работали в различных учреждениях, свободно ходили по городу и лишь на ночь возвращались в лагерь.

о лишении Карповича этого знака.

Во всех странах, в том числе и с высокоразвитой демократией, государство жестко требует от сотрудников разведки и контрразведки соблюдать режим секретности и конспирации. Без этого всякая деятельность в указанной сфере просто бессмысленна. Надо отметить, что в ряде государств (США, Великобритании, Франции, ФРГ и других) нарушение сотрудниками спецслужб нормативных актов о соблюдении секретности карается особенно строго. Не составляют исключения и те, кто по каким-либо причинам уволен со службы. Подобный порядок существует и в нашей стране.

Это что касается правды. Что до закона, то сейчас Комитет госбезопасности живет и действует в соответствии с теми правовыми нормами, которые пока еще не отменены. Например, Положением о КГБ от 1959 года. Да и Я. В. Карпович в прошлом действовал в соответствии с существовавшими тогда нормативными актами, причем в правомерности своих действий нисколько не сомневался — он сам признает это в опубликованных материалах. Теперь он «прозрел», но не надо делать вид, что только он

тельности и ждем, что на ближайшей сессии Верховного Совета СССР будет рассмотрен проект Закона об органах госбезопасности СССР.

— Наконец, последняя цитата из вашего выступления: «Из истории органов мы сделали долгие выводы и в дальнейшем забывать их не собираемся». Следует ли это понимать так, что вы сделали выводы из незаконной деятельности Ягоды, Ежова, Берии, Абакумова, Меркулова и т. д. или также из деятельности родоначальника нашей госбезопасности — Дзержинского?

Известно, например, что Дзержинский был горячим сторонником концлагерей, куда требовал помещать людей без приговоров суда, в административном порядке за «недобросовестное отношение к делу, за нерадение, за опоздание и т. д.» Предполагалось, что эти и другие меры государственно-террора — временные, однако теперь мы хорошо знаем: они надолго прижились на нашей почве.

Как и многие другие, я считаю, что террор сталинских времен возник не на пустом месте, фундамент для него был заложен уже в первый послеоктябрьский период, в том числе и Дзержинским. Соглас-

Не могу согласиться с вашим утверждением, что фундамент для террора сталинских времен был заложен уже в первый послеоктябрьский период и что Дзержинский имел к этому непосредственное отношение. Первые семь месяцев своего существования Советская власть вообще не прибегала к террору, не расстреляла ни одного политического противника. Лишь в середине 1918 года, ввиду усилившегося белого террора, она начала применять чрезвычайные меры в отношении своих врагов. Во-первых, нельзя ставить знак равенства между красным террором гражданской войны и террором времен сталинщины: первый был ответной мерой в ожесточенной классовой борьбе, второй — инструментом утверждения единоличной власти Сталина.

(ИМА-пресс).

ОТРЯДЫ МИЛИЦИИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ (ОМОН) СТАЛИ ОРУДИЕМ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ.

DAY MONTH YEAR

• Н О Б О Е В Р Е М Я • № 28 91

ОМОН

Они сами себе отдают приказы, а нагоняи начальства считают лицемерием. Они должны были служить государству, а служат — партии меньшинства. ОМОН стал опасен, как сорвавшаяся корабельная пушка...

Геннадий Ариевич

Сегодня на проспекте Саванорню, где расположена телефонная станция литовской столицы, ничто не напоминает событий 26 июня. В тот день отряд омонцев с автоматами наизготовку ворвался на станцию и, сославшись на указ Президента СССР о незаконных вооруженных формированиях, остановил ее работу. Телефонисток поставили лицом к стене и стали обыскивать помещение. Вскоре нашли... оружие.

«Они появились примерно в полпятого, — рассказывает заместитель директора вильнюсской телефонной станции А. Лузайте. — У них, мол, есть сведения, что здесь прячут оружие. Подошли к вентиляционным отверстиям и сразу вытащили мешочек. Сказали, что это и есть оружие. Действительно они нашли этот мешочек или принесли с собой, я не знаю».

Содержимое таинственного мешочка так и не показали ожидавшим литовским журналистам. По словам командовавшего этим отрядом И. Еременко, в нем были патроны, взрывчатка и пистолет. В департаменте охраны края меня уверяли: какие-то старые веревки да разобранный старый и ржавый пистолет. А вот в ЦК КПЛ (КПСС) информация была точна и категорична: 200 метров бикфордова шнура, 100 различных боеприпасов, в том числе крупнокалиберных, и большое количество 200- и 100-граммовых тротиловых шашек. Вместительный, однако, мешочек... «Да этим можно пол-Вильнюса взорвать», — авторитетно объяснял полковник С. Стародуб, которого я встретил в ЦК КПЛ. Услышав об этой оценке, заместитель директора департамента охраны края Альгимантас Ваиткайтис даже руками всплеснул: «Да у нас такого количества взрывчатки вообще нет. Даже мины, оставшиеся с войны, которые все еще иногда обнаруживаются, приходится не взрывать, а уничтожать на костре».

— Какой вой поднялся вокруг «захвата» телефонной станции! — говорит секретарь ЦК КПЛ генерал Альгимантас Науджюнас. — Это вместо того, чтобы спасибо сказать ОМОНу. А он единственный здесь становится правонарушитель! По подсказке лю-

дей, которые разузнали и сообщили, что на станции хранятся пулеметы, автоматы, другое оружие, ОМОН обезвредил этот центр, возможно, предотвратив крупную диверсию или серьезное кровопролитие. И действовал он, между прочим, с санкции прокурора (прокуратур, напомним, сейчас в Литве две — литовская и союзная, московская. — Г.А.). К нам пришло много писем и телеграмм с возмущением по поводу того, как извращаются события 26 июня в печати и некоторых выступлениях.

— Руководителя отряда вызывали недавно в Москву и там, говорят, он получил нагоняй за самоуправство...

— Вызвали в МВД для разноса, а когда наши омонцы объяснили ситуацию, разговор пошел совсем другой.

— Было же официальное заявление...

— Это они спасают свое лицо. В МВД СССР совсем не знают местную обстановку. Преступления, хулиганство, взрывы, антисоветские демонстрации, антирусские, антиармейские настроения... Не советуем выходить вечером на улицу: заговорите порусски — ни за что ругаться нельзя. Обстановка очень напряженная.

Русские, советская власть защитили Литву от коричневой чумы, все дали, всему научили, во многом помогли. А теперь Литва-ребенок плюет в лицо своему родителю — Советскому Союзу. Тех, кто помогал, называют оккупантами. Компартия Литвы, как «партия другого государства», запрещена, а это партия, которая после всех потерь сохранила больше членов, чем во всех 12 нынешних литовских партиях. Без нее не может быть решена ни одна проблема в Литве! В письмах люди требуют от нас взять власть и упрекают за то, что в январе не довели дело до конца. Иначе — грядет катастрофа. А Москва помалкивает, никто ничего не говорит и не делает. Российское руководство даже подогревает фашизм и национализм. Буш давно бы наказал за непослушание, как наказал Норвегу за его безобразия. И Хусейна наказал...

— События в Литве, — вступает в разговор помощник первого секретаря Виктор Бавыкин. — опережают союзные на год-полтора. Россия пройдет тот же путь, что и Литва. Ельцин — российский Ландсбергис. — Россия многого не знает и не видит. — с досадой заключает Станислав Стародуб, — но скоро узнает, когда сработает призыв «наших бьют!». И тогда содрогнется весь мир...

— Так вы за жесткость? Военную силу?

— Жесткость, но не военную силу, — генерал Науджюнас решительно отвергает, казалось бы, логичный вывод из всего сказанного. — Ваш журнал после январских событий уже извратил мои слова, преподнес мой план выхода из кризиса как программу национального спасения Литвы. Нужны немедленные переговоры, с которыми тянут и та и другая сторона. Идет перетягивание

каната с двух сторон. Но нельзя и спокойно смотреть на все, что происходит в Литве. Нужны санкции. Политические — решения советского парламента; экономические — нужно прекратить кормить местных бездельников за счет терпеливого русского народа, поставлять сюда 100 процентов сырья и все необходимое, чего и самим не хватает.

— Вы же только что говорили: законы, указы, постановления не действуют...

— Нужно, чтобы действовали. Вот мне знакомый юрист недавно сказал: «Ельцин, Горбачев и Ландсбергис — одна компания». А женщина одна позвонила: «Передайте Язову, чтоб брал дело в свои руки. Только армия способна навести порядок и избавить нас от бандитизма, пьянства, развала хозяйства». Это мнение простых людей.

— Выходит, только ОМОН сегодня и защищает социалистическую законность и порядок?

Вопрос остался без ответа, но жест был достаточно красноречив.

К сожалению, мне так и не удалось побывать на базе ОМОНа в здании филиала Полицейской академии, которую он захватил и которую, кстати, несмотря на пророчества Невзорова, так никто и не атаковал.

В ЦК КПЛ сначала легко обещали встречу с командиром отряда Болеславом Макутиновичем, но отыскать легендарного «капитана мушкетеров», который стал между делом майором (видно, одна рука Москвы наказывает, а другая — награждает), никак не удавалось, гонцы возвращались ни с чем...

По приказу вице-преьера З. Вайшвилы на омовской базе отключены телефон и электроэнергия. Одна из версий: за это и мстили омовцы, напав на телефонную станцию. Отключили же потому, как мне объяснили, что больше невозможно терпеть «подвиги» отряда, в опьянении от своей безнаказанности не считающегося ни с кем и ни с чем. Литовский Верховный Совет объявил этот отряд, отколовшийся от республиканского ОМОНа и переподчинивший себя дивизии внутренних войск МВД СССР, «бандой вне закона». Прокуратура Литовской Республики ведет расследование по подозрению омовцев-макутиновичевцев в нескольких преступлениях.

Как бы то ни было, список доказанных, не вызывающих сомнений «подвигов» ОМОНа достаточно представлен.

...10 марта вечером около своей

базы омовцы остановили автомобиль, на котором сотрудник департамента охраны края вез мебель, машину захватили, а водителя арестовали. Ему удалось бежать через окно.

...11 марта были захвачены, допрошены и разоружены четверо бывших коллег по литовскому ОМОНу.

...Задержаны два милиционера. У них отобраны радики и оружие.

...17 марта задержан депутат ВС Литвы генеральный директор департамента охраны края Андрис Буткявичус, произведен обыск, у него и у его шофера отобрано личное оружие.

...Перед референдумом 17 марта начались «профессионально сработанные» взрывы у общественных зданий литовской столицы. Никто не пострадал, но шум получился большой. Только в Укмергском районе полицейским удалось задержать трех человек, заложивших взрывное устройство на автобусной остановке. Двое оказались омовцами.

...21 марта омовцы гонялись по Вильнюсу на своем «уазике» за машиной шальчининской таможни, в которой якобы было спрятано оружие. В центре города подняли стрельбу, пробили колеса, избили

"НОВОЕ ВРЕМЯ" - ПРО ОМОН

(3)

двух таможенников, но оружия не нашли.

...22 мая в помещение таможни в Вильнюсском аэропорту ворвались несколько боевиков в форме, забрали документы и разогнали работников. Действиями нападавших руководил сам Б.Макутинович.

...Сожжены 22 таможенных поста, созданных на границах Литвы и союзных республик. Существование таких постов противоречит союзным законам. Но ничем нельзя оправдать кровь и унижения, неизменно сопровождающие эти нападения.

Сначала омоновцы не отрицали своего участия в разгроме таможен и даже бравировали лихими набегами «ради охраны социалистических законов». Как будто не замечая этого, министр внутренних дел Б.Пуго утверждал: нет фактов, подтверждающих причастность его подчиненных к поджогам. Пуго был опровергнут А.Невзоровым, который показал репортаж о нападении на один из пограничных постов, в котором сам участвовал вместе с рижскими омоновцами.

Генеральный прокурор СССР Н.Трубин признал нападения на таможни противоправными актами и дал указание возбудить уголовное дело. И вот тут произошла удиви-

тельная метаморфоза — оказалось, что Б.Пуго с самого начала все знал лучше всех: доказательств нет. Репортаж Невзорова? Так пятнистую форму может купить любой злоумышленник, желающий скомпрометировать ОМОН...

Американским корреспондентам Б.Макутинович сказал: задача его подразделения — борьба с организованной преступностью, поддержание общественного порядка, охрана на литовской территории имущества Советского Союза, пресечение происков оппозиционных сил. Он привел цифру: примерно миллион из трех с половиной миллионов жителей Литвы поддерживают ОМОН. И было бы, дескать, гораздо больше, если бы не печать, обливающая ОМОН грязью. «Нет, нынешний диктаторский режим в Литве мы свергать не собираемся, — продолжает Макутинович, — его свергнут и без нас». Приказы, довольствие и деньги получаем от дивизии внутренних войск. Но действуем иногда и самостоятельно... не нарушая законов.

Эта «самостоятельность» вызывает все больше вопросов по мере того, как операции ОМОНа ставят под удар уже не только отношения с Прибалтикой, но и всю политическую линию руководства страны. Акции

ОМОНа не раз осуществлялись в самое «неудобное» для Москвы время: последний раз — перед встречей в Лондоне. А тут всякое время неудобное, сказали мне на это в ЦК КПЛ, постоянно что-то происходит. Мы изучали график международных контактов президента и вообще международных мероприятий. В нем никакой отдушины. Он так хитро составлен, что любой день — неудачный для тех, кому необходимо действовать...

То, что Москва постоянно не в курсе происходящего, в ЦК КПЛ объясняют так: военная операция заранее не разглашается. А у ОМОНа — вообще особые правила, соответствующие его особому назначению. Иногда докладывают кое-что по инстанции, но где-то эта цепочка рвется. Впрочем, когда не рвется и сообщение доходит по назначению, бывает еще хуже: сведения нередко становятся известны противнику, и тщательно спланированная операция срывается...

Итак, с Москвой советоваться нельзя, потому что информация станет известна «неприятелю»? Серьезная информация к размышлению о том, кого считают «своими» и «чужими» в ОМОНе и в ЦК КПЛ.

ВИЛЬНЮС-МОСКВА

"НОВОЕ ВРЕМЯ" - ПРО ОМОН

(41)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ МВД

«Нам удалось создать формирование профессионалов»*Эдуард Рязанов,**первый заместитель начальника Главного управления охраны общественного порядка МВД СССР*

Отряды милиции особого назначения были созданы из-за той ситуации, которая сложилась в стране в конце 1988 года: рост дерзких, жестоких уголовных проявлений, захваты заложников, с которыми мы столкнулись впервые, факты уголовного терроризма... Возросло количество демонстраций, уличных шествий, сопровождавшихся правонарушениями, участились производственные катастрофы, аварии.

На сегодняшний день нам удалось создать формирования профессионалов. Раньше при задержании особо опасных преступников как работники милиции, так и сами правонарушители часто получали ранения, а то и гибли. Теперь потери значительно уменьшились. А все потому, что при подборе кадров для наших подразделений мы не гонимся за валом, предъявляем повышенные требования к уровню физической, психологической и специальной подготовки. Кстати, за последнее время и выбор у нас расширился: к нам идет поток писем от военнослужащих Со-

ветской Армии — хотят служить в ОМОНе.

ОМОНЫ Вильнюса и Риги привлекают к себе слишком много внимания, подчас ненужного. Но сейчас мы начинаем работать с ними напрямую (с апреля этого года они подчинены не только внутренним войскам, но и нашему управлению). Хотя я против двойного подчинения, считаю, что мы с Главным управлением командующего внутренними войсками сможем взаимодействовать без проблем.

Личный состав этих отрядов неожиданно для себя очутился на острие политической борьбы и отказался выполнять требования новых властей, заявив, что стоит на позициях Конституции СССР, Литовской и Латвийской ССР. Местные органы власти в свою очередь тоже их не признают... Но часть жителей этих республик видят в ОМОНе защитников своих интересов. Мы ежедневно получаем массу телеграмм, писем, обращений граждан, в которых они высказываются в поддержку этих подразделений. Полагаю, что не считаться с этим мнением нельзя. Да и ребята из ОМОНа считают себя защитниками русскоязычного населения. В общем, расформировывать эти отряды было бы большой ошибкой.

Недавно в МВД СССР были вызваны руководители вильнюсского ОМОНа. Поводом послужили действия сотрудников на телефонной станции. Генерал-майор милиции Э.Калачев — начальник Главного управления охраны общественного порядка предупредил командира отряда Б.Макутиновича, начальника штаба В.Разводова и заместителя командира И.Еременко, что в случае акций, которые могут скомпрометиро-

вать органы внутренних дел, к ним будут применены меры. Кстати, Макутинович получил звание майора несколько месяцев назад — очередное, а не за «захват» телефонной станции.

И еще мы создали группу, которая будет руководить действиями этих отрядов. Находиться она будет в Риге.

НЕОБХОДИМАЯ СПРАВКА

П рообраз ОМОНа – отряды милиции специального назначения появились в ноябре 1987 года. Объектом общественного внимания спецназ стал «жарким» августом 1988 года, после инцидента на Пушкинской площади в Москве – разгона не-санкционированного митинга Демократического союза. Ходили слухи, что тогда трое из спецназа пострадали. Еще на счету у спецназа усмирение демонстраций крымских татар все на той же Пушкинской площади столицы и прилегающем к ней Тверском бульваре.

3 октября 1988 года министр внутренних дел А. Власов подписал приказ о создании Отрядов милиции особого назначения, заменивших спецназ. Как удалось выяснить в Министерстве внутренних дел СССР, этот приказ – единственный документ, регламентирующий деятельность ОМОНа. Других нормативных актов не существует. По приказу на ОМОН возложены три задачи:

- охрана общественного порядка при проведении общественно-политических, спортивных, культурно-зрелищных и других мероприятий, а также во время стихийных бедствий, эпидемий, крупных производственных аварий, катастроф и других чрезвычайных обстоятельств;

- предупреждение причин групповых нарушений общественного порядка, массовых беспорядков;

- участие в мероприятиях по задержанию вооруженных преступников.

Вместе с тем на них распространяются приказы, регламентирующие деятельность органов внутренних дел.

По приказу министра ОМОН входит в структуру местных территориальных органов власти – городские или областные управления внутренних дел. В Москве ОМОН подчиняется Главному управлению внутренних дел Мосгорисполкома (хотя статус самого Главка пока не определен и неясно, чью волю он исполняет: МВД СССР или Мосгорисполкома). В двойном подчинении и ОМОНЫ Вильнюса и Риги – Главного управления охраны общественного порядка МВД СССР и Главного управления командующего внутренними войсками МВД СССР (то есть непосредственно генерал-полковника Ю. Шаталина).

ОМОН комплектуют из сотрудников милиции, прослуживших не менее года. В ОМОНе в основном рядовые и младший начальствующий состав – не старше 30 лет, офицеры – до 40.

Как уверяют в МВД СССР, партийность в ОМОНе, как и в милиции, не влияет на карьеру.

Зарплата в ОМОНе не намного выше, чем в среднем по органам внутренних дел. В первый год службы рядовой получает, как минимум, 240–270 рублей. Затем оклад увеличивается ежегодно и к двадцатому году службы достигает 500 рублей. В некоторых республиках платят больше. Это, утверждают в МВД СССР, – право самих республик.

Сейчас по стране 34 отряда общей численностью около 10 тысяч человек.

Подготовила Т. Лехто

(6)

ОМОН распустился. Пора его распустить!

В обществе, вставшем на путь демократического развития, существуют официально организованные группы людей, чья деятельность явно противоречит интересам этого общества.

На счету отрядов милиции особого назначения — беззакония в Вильнюсе и Риге, участие в репрессиях против мирных граждан в НКАО и депортация армян из сел у границы Азербайджана с Арменией, совместные с армией действия по «проверке паспортного режима» в Степанакерте, в результате которых в городе был установлен режим военной диктатуры. Самое «незначительное» из деяний ОМОНа — противостояние демонстрации в Москве 28 марта, которое не обернулось кровопролитием только благодаря организованности и спокойствию самих демонстрантов.

Регламентирует деятельность этих вооруженных формирований всегонавсего ведомственная инструкция: приказ бывшего министра внутренних дел Власова о создании ОМОНа. Внутреннее распоряжение по одному министерству, отданное единолично человеком, который уже давно ушел в отставку!

За три года страна могла убедиться, к чему приводит нечетко сформулированный приказ. Стало ясно, что ОМОН не только не поддерживает общественный порядок, но зачастую взрывает его. Что предупреждать причины «групповых нарушений» и «массовых беспорядков» можно только политическими средствами, а никак не вооруженным путем. Это, кстати, заявил нынешний министр внутренних дел, выступая на закрытом заседании Верховного Совета СССР. ОМОН не справился, не мог справиться с возложенными на него обязанностями и теперь уже, как видно из действий вильнюсского отряда, вообще ушел от них.

Даже критикуя ОМОН, большинство воспринимают его существование как неизбежность. Но ведь, для того чтобы этот раздражитель общественного спокойствия исчез, достаточно всего лишь отменить ведомственную инструкцию. В министерстве внутренних дел, похоже, так не считают, но существование ОМОНа перестало быть внутриведомственным делом. Существует Комитет конституционного надзора, который может проанализировать, насколько ведомственная инструкция соответствует Конституции СССР и другим законодательным актам, принятым верховной законодательной властью страны и гарантирующим права граждан. И тогда спросить с министра или призвать Верховный Совет страны дать оценку происходящему.

В последнее время разгорелся спор: ответственны ли омововцы за совершенное или вину за все возложить на тех, кто отдает приказы? Пытаясь заступиться за вильнюсский отряд, объясняют: они молоды, они запуганы, с одной стороны — в идеологических установках и клише, которые им «подбрасывают», с другой — в разноречивых приказах командования. В Литве даже начат сбор подписей в поддержку ОМОНа. Цель — оградить его от действий центра, направленных на «дискредитацию и нейтрализацию верного своему долгу и присяге» отряда. Но подобные рассуждения лишней раз доказывают, что существующая структура милиции особого назначения не вписывается ни в общественные процессы, происходящие в стране, ни в систему органов власти. При нынешнем положении вещей законы, следовать которым ОМОН обязан, все еще могут подменяться идеологически окрашенными требованиями момента, а сами эти отряды, обязанные охранять законность, начинают действовать на потребу определенным политическим группам и партиям, не всегда даже стоящим у власти. В этой ситуации ОМОН, хорошо подготовленная карательная структура, становится очень опасен.

Что же делать? Вероятно, полностью расформировать нынешний ОМОН. Допускаю, что подобные хорошо обученные и оснащенные отряды в милиции сейчас все-таки нужны: рост вооруженной преступности в стране, существование многочисленных мафиозных групп... Вместо ОМОНа можно было бы создать специальные отряды милиции. Но в обязанности их должна входить только одна задача — задерживать вооруженных преступников с ведома и санкции прокуратуры. Все относя-

щиеся к политике должно стоять вне поля зрения милиции и ее специальных подразделений. Эти новые специальные отряды могли бы действительно подчиняться местным органам власти — так, как изначально планировалось для ОМОНа.

Формирования милиции, которые должны действовать в районах национальных конфликтов, — о возможности их создания (вслед за созданием специальной группы следователей прокуратуры Союза) сказал начальник отдела прокуратуры — могут, по самой логике своего предназначения, подчиняться только центральному органам власти и президенту страны. Во всяком случае это исключит безнаказанное насилие, которое сейчас чинит ОМОН Вильнюса и Азербайджана.

Ирина Лагунина

сц/сп

ОСНОВАНИЕ ДЛЯ АРЕСТА, ССЫЛКИ И М.В. РАССТРЕЛА-БУМАЖКА БЕЗ ДАТЫ И ПОДПИСИ

"Диена" от 7.6.91 с.2

Памятные знаки жертвам чекистов

Парсля Междиема

Близится 14 июня. Прошло 50 лет со времени страшных событий 1941 года. Союз политических репрессированных и группа историков *Земельблазма* при поддержке ВС 11 июня в Улброке и 12 июня в Дарзиня в 16.00 откроют памятные знаки замученным. В эти дни возле Главпочтамта в 15.00 вас будет ожидать автобус.

Член правления Союза политических репрессированных ветеран Латвийской военной авиации Алфред Гейданс сказал в интервью *Диене*: «Мы установили большие белые кресты на Первом Лесном кладбище, в Балтээерсе, около Центральной тюрьмы и в лесу Бабите — в Бебербеки».

В Улброкомском лесу в 1941 году (может, даже в 1940-м) чекисты расстреливали и закапывали мучеников. Местные лесники тогда заметили что-то подозрительное, видели автомашины с офицерами и солдатами НКВД. Четыре места захоронения лесники указали в марте 1944 г. Там нашли 23 зверски убитых человека с руками, связанными за спиной колючей проволокой, и с простреленными затылками. Среди идентифицированных были генерал «шеф» скаутов Карлис Гонперс, начальник айзсаргов Карлис Праулс, Албертс Блюдинекс, а также эстонец Арвид Лане и другие.

В Дрейлини еще в 1941 г. были найдены 39 расстрелянных, из них идентифицированы 26 человек. Трех родственников отвезли похоронить на семейных кладбищах, 36 похоронены в Дарзиня (на кладбище *Катлакалина капсила*) рядом со звонницей.

Места захоронения многих жертв еще не известны. Долгое

время люди, что-либо знавшие, молчали из страха. Чекисты же сами не раскроют своих преступлений. Неужели в нашей истории останется так много «белых пятен»? С каждым днем уменьшается число свидетелей, и страницы истории уходят в небытие.

С 10 по 15 июня
в Латвии —
Неделя траура

Латвийский Союз политических репрессированных объявляет конкурс на Большой памятник жертвам репрессий. Совет Министров выделил на проведение конкурса 10 тыс. рублей, 14 июня будет проведен сбор пожертвований. ♦

LPSR IEKŠĪEITU TAUTAS KOMISARIĀTS
ВНЕШНИЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

VALSTS DROŠĪBAS PĀRVALDE
УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ORDERS
ОРДЕР № 004534

diena 194 gada
dien 194 gada

Izsniegts LPSR Iekšlietu TK VDP darbiniekam
Выдан сотруднику УГБ НКВД Латвийской ССР

арест и обвине

Криштанс Андриус Романович

Ланке улс.

Izveidots

K. Visām amatā personām un pilsoņiem ir pienākums raksturot vai personai, uz kuras izstrādāts izstrādātais orders, pēc viņa izpildīšanas.
ПРИМЕЧАНИЕ: Все должностные лица и граждане обязаны оказывать помощь, в том числе и анонимно, в выяснении фактов, имеющих значение для успешного его выполнения.

LPSR Iekšlietu TK:
Народный Комиссар. Внутренних Дел ЛССР:

2. att. dat. priekšnieks:
Начальник 3-го Спецотдела:

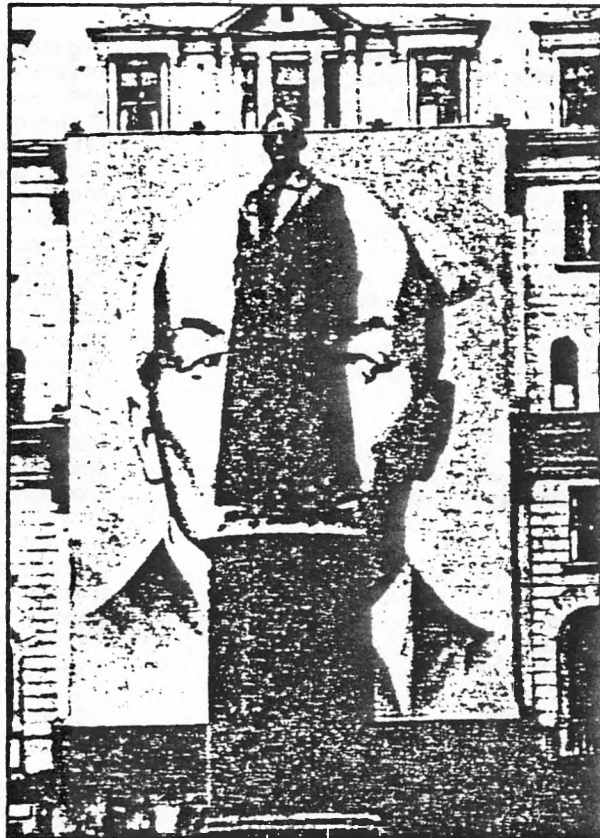
Вот такие документы — без печати и подписи — тоже были «законным» основанием для ареста и ссылки 14 июня 1941 года. Фото — Улдис Бриедис

Безропотно принятый Верховным Советом СССР закон «Об органах государственной безопасности в СССР» предоставляет КГБ неоправданно широкие полномочия

34 «НОВОЕ ВРЕМЯ» № 23 91

КГБ шагает как хозяин...

Эрнст Орловский

Феликс жил, Феликс коня?..

Эрнст ОРЛОВСКИЙ — математик и юрист, внештатный эксперт Комитета по правам человека ВС РСФСР, один из самых авторитетных правозащитников, соратник А. Сахарова, Р. Пименова, С. Ковылева.

Было бы ошибкой рассматривать принятие закона как шаг назад. Дело в том, что всеми указанными в законе полномочиями (и, возможно, многими другими) КГБ на практике пользовался и ранее. Не будучи записаны ни в одном опубликованном нормативном акте, эти полномочия опирались на многочисленные неопубликованные (секретные либо «для служебного пользования») указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления и распоряжения правительства СССР и еще на нормативные акты, издаваемые самим КГБ. В ноябре 1990 года Комитет конституционного надзора СССР признал существование и применение таких неопубликованных актов, касающихся прав и обязанностей граждан, противоречащим Конституции СССР

и международным обязательствам нашей страны. Тем не менее на практике КГБ эти права использовал. Не думаем, чтоб новый закон в чем-то расширил права комитета по сравнению с этим фактическим положением.

Охвачено всё?

То, что список полномочий КГБ наконец опубликован, должно быть оценено положительно. Заслуживает одобрения и то, что в новом законе (часть 10 статьи 11) четко записано: работники органов госбезопасности «не связаны решениями политических партий». Ранее постоянно подчеркивалось нечто диаметрально противоположное... Однако на этом, пожалуй, плюсы и заканчиваются.

Постановление о порядке введения закона в действие устанавливает

КГБ ШАГАЕТ КАК ХОЗЯИН...

2

весьма длительный срок (до 31 декабря 1992 года) для отмены постановлений и распоряжений правительства, а также подобных ведомственных нормативных актов самого КГБ, противоречащих новому закону. То есть еще более полутора лет будут действовать постановления и инструкции, которые никому не известны и которые предоставляют КГБ прав и полномочий намного больше, чем даже новый, весьма благоприятный к комитету закон!

Полномочия КГБ сформулированы в законе так, что он может вторгаться буквально во все сферы жизни общества. Например, КГБ обеспечивает высшие и любые другие органы государства не только информацией для решения задач, связанных с госбезопасностью и оборонным строительством, но и информацией, необходимой «для решения задач, связанных с (...) социально-экономическим (...) строительством и научно-техническим прогрессом, внешнеполитической и внешнеэкономической деятельностью». Тут уж охвачено буквально все!

В отношении борьбы с преступностью: КГБ будет заниматься борьбой не только с теми преступлениями, которые отнесены законом к ведению органов госбезопасности, но также с «терроризмом и организованной преступностью, затрагивающими интересы государственной безопасности». Но ведь «террор» как раз и входит в число преступлений, отнесенных законом к ведению органов госбезопасности! Зачем же отдельно упоминать «терроризм»?!

Очевидно, авторы закона под «терроризмом» понимают нечто гораздо более расплывчатое, чем то, что в законе определено как «террор». Но что именно — остается неизвестным (точно так же, как остается неизвестным, что понимает председатель КГБ Крючков под «саботажем», о котором говорил по ТВ, — ведь в действующем законе этого термина нет). Из дальнейших статей видно, что КГБ не ограничено в своей борьбе с преступностью даже этими очень широкими рамками и может, по существу, подменить, когда сочтет это желательным, любые другие правоохранительные органы. Так, закон позволяет КГБ заниматься обнаружением пре-

ступлений в сфере экономики (п.10 ст. 14), комитет может содержать в своих следственных изоляторах и «других помещениях» (!!) не только лиц, задержанных органами госбезопасности по подозрению в совершении преступлений, но и лиц, задержанных и арестованных милицией, проку-

рорами и судами, а кроме того, даже осужденных (п.12 ст.14)! Празда, добавлено: «в случаях, предусмотренных Законом». Но, поскольку такого закона нет, могут применяться любые секретные постановления, распоряжения и инструкции. Следующий пункт (п.13 ст.14), по существу, возлагает на органы КГБ контроль не только за всеми государственными органами, включая МВД, Министерство обороны и Вооруженные Силы, но и за органами общественных объединений.

Очень опасна, на наш взгляд, статья закона (п.16 ст.14), делающая КГБ полным хозяином всех архивных документов, касающихся его деятельности. Хозяином, самостоятельно определяющим порядок их учета, хранения и использования. Никакого срока для передачи этих документов в государственные архивы закон не предусматривает. Получается, что КГБ волен либо вечно скрывать эти документы, в том числе и от Верховного Совета, либо уничтожать их по своему хотению...

«Официальное предостережение»

Закон (п. 11 ст.14) легализует ранее установленное секретным указом от 25 декабря 1972 года право КГБ объявлять гражданам «официальное предостережение о недопустимости совершения противоправных действий». Казалось бы, безобидный пункт: каждый гражданин и каждый орган не лишены права кого угодно и о чем угодно предупреждать или предостерегать, если это предостережение — просто дружеский совет, не влекущий никаких правовых последствий. А ни о каких правовых последствиях в законе речи нет. Но если нет никаких правовых последствий, то зачем такое право специально предусматривать в законе? А ранее — издавать специальный указ да еще засекречивать его?!

Личный опыт показывает, что за таким предостережением следуют меры по существенному

КГБ ШАГАЕТ КАК ХОЗЯИН... 3

ущемлению прав «предостереженного» лица. Так, в 1973 году автор этой статьи не скрывал своего возмущения кампанией клеветы и оскорблений против А. Солженицына, А. Сахарова, организации «Международная амнистия». В результате в августе 1973 года органы КГБ вынесли мне «официальное предостережение», а в декабре 1973 года под прямым давлением КГБ администрация научно-исследовательского института, где я работал, снизила зарплату почти вдвое, сославшись на «склонность к восхвалению чуждой нашему обществу идеологии».

Что самое удивительное, подобные беззакония продолжают повторяться по отношению к иным лицам. А сейчас они легализованы новым законом!

КГБ предоставлено право (п.3 ст.14) осуществлять контроль почтовых отправок, прослушивание телефонных и иных переговоров без санкции прокурора, лишь с последующим его уведомлением. Не указаны ни предельный срок для такого уведомления, ни полномочия прокурора, ни ответственность сотрудников КГБ за необоснованное применение этих мер. А условия, при которых допускается их применение, сформулированы весьма расплывчато и противоречиво.

Легализовано (п.2 ст.14) широкое использование КГБ негласных и внештатных сотрудников, то есть так называемых «сексотов» и «стукачей», причем никаких ограничений для этой деятельности закон не предусматривает.

КГБ (п.7 раздела I ст.13 и п.2 раздела III ст.13) «ведет учет лиц, совершивших преступления», без всяких ограничений относительно сроков давности, снятия судимости и тому подобное. Конституционность этой нормы также весьма

сомнительна.

КГБ имеет право (п.16 раздела I ст.13) издавать нормативные акты, обязательные к исполнению не только для органов безопасности и даже не только для государственных учреждений и для предприятий, находящихся в собственности государства, но даже для органов общественных объединений. Обязательная публикация таких нормативных актов не предусмотрена.

И это далеко не все нормы нового закона, которые могут служить основой для неограниченного произвола.

Закон (быть может, умышленно) изложен в запутанных, расплывчатых выражениях. Широко применяется жонглирование сходными терминами, а различие не оговаривается. К уже упомянутому «террор» — «терроризм» можно добавить: «законодательный акт» — «акт законодательства», «военнослужащий» — «проходящий службу в войсках» и так далее, и тому подобное. Это крайне затрудняет, а порой делает невозможным уяснение точного смысла тех или иных положений закона. Короче говоря, новый закон ставит больше проблем, чем решает их.

Мы призываем Верховные Советы каждой союзной республики внести в Комитет конституционного надзора СССР предложение проверить, соответствует ли этот закон действующей Конституции СССР, а также международным обязательствам.

Мы призываем Комитет конституционного надзора СССР безотлагательно рассмотреть такое предложение, а если оно не поступит, дать заключение по собственной инициативе.

Пока этот закон не будет пересмотрен, все разговоры о правовом государстве останутся пустым звуком...

JUN 25 1991 * 530 09

БЫВШИЙ ГЕНЕРАЛ КГБ, ЧЛЕН СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ ССРС ОЛЕГ КАЛУГИН
ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА СОФЬИ ДУБИНСКОЙ

ЖУРНАЛИСТ

6/91

СОЮЗ ЖУРНАЛИСТОВ ССРС. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА», Москва

СЕКРЕТЫ ПОЛИШИНЕЛЯ?

— Олег Данилович, в графе «образование» вы пишете — высшее журналистское. Интересно, какой университет вы заканчивали? Где сегодня работают наши коллеги — ваши однокурсники?

— Очень трудный вопрос вы задали — я имею в виду второй. Где-то работают... Во всяком случае, не в Советском Союзе, ведь я получил журналистское образование в Колумбийском университете. Разве только с Александром Николаевичем Яковлевым у нас могут быть общие воспоминания — он учился в университете одновременно со мной, но, правда, не на журналиста. Или с Джеком Мэтлоком, послом США в нашей стране, — он филолог. Но альма-матер у нас общая.

— Интересно, как это простой советский школьник мог поступить, да еще в пятидесятые годы, в один из университетов США?

— Из лукавьте, вы ведь если не знаете, то догадываетесь, что я перед тем закончил спецшколу КГБ — этот факт из моей биографии довольно широко разрекламирован, — и после этого получил диплом филологического факультета Ленинградского университета. Так что учеба в США была у меня чем-то вроде аспирантуры. Я, конечно, не без помощи КГБ попал в первую группу аспирантов, которые поехали в Америку, как мы говорим, по обмену. Журналистика — удобная крыша для работы разведчика: много встреч с самыми разными людьми, много поездок по стране, да и задачи одинаковые — сбор информации. Но должен честно сказать: за меньший срок учебы «на журналиста» — один год — я приобрел там гораздо больше знаний и навыков, необходимых репортеру, чем наши журфаковцы за пять лет.

— Конечно, наше обучение на журфаке от совершенства далеко, но соотношение один к пяти... Не кажется ли вам, что года для подготовки полноценного журналиста все же маловато?

— Но это вполне объяснимо. В Америке полагают, что на журналистский факультет приходит человек, закончивший колледж, то есть получивший достаточно глубокое общее образование. Он изучает то, чему его в колледже не учили. Четыре доминирующие темы во время обучения были такими: свобода и общественная (государственная) безопасность, причем четко обозначены пределы свободы, на которую журналист имеет право; международное сообщество и международная безопасность, то есть та же свобода применительно к международному праву; Конституция и суды; общая история Америки в контексте мировой истории. В качестве пособий были еще различные сборники справочных материалов и пособие по практической журналистике, которое назубок должен был знать выпускник школы репортеров.

Мне запомнилось наставление из этого пособия, которое, думаю, не вредно знать любому журналисту: «Сегодня вы готовы стать репортером. Ваша задача — знать город, все его географические районы, знать население, особенности его характера, знать всех, кто управляет городом — муниципалитет, полицию и все другие службы. Если вы хотите знать город, не пользуйтесь картами,

хотя они и полезны, — ходите пешком».

— Видимо, не только журналисту, но и разведчику не вредно запомнить такую заповедь?

— Конечно! Я, можно сказать, на всю жизнь зарубил на носу...

— После шумных событий прошлого года, ваших первых выступлений в прессе вас знают как бывшего сотрудника Комитета государственной безопасности. А довели ли вас работать практическим журналистом?

— Довелось, и немало. После возвращения в Москву я получил назначение в Госкомитет по радиовещанию, где шесть лет работал редактором отдела новостного вещания на США. Готовил сводки новостей для передач, редактировал материалы, иногда брал интервью.

В общем, обычная текучка, довольно напряженная жизнь. Но ведь, кроме того, я был офицером КГБ. В 1960-м меня отправили на работу в Штаты.

— Под «крышей» журналиста?

— Я работал там корреспондентом Московского радио. Но это не была только «крыша». В общем-то, те четыре года мне запомнились напряженной, изматывающей журналистской работой. К тому же разница во времени. Часа в три ночи нередко раздавался звонок из Москвы — срочное задание, нужен такой-то репортаж. А передавал я свои заметки по телефону, и связь в шестидесятые годы не была такой устойчивой, как сейчас...

— Что больше всего запомнилось вам из того периода?

— Работа была довольно монотонной. Передавал рутинную информацию о деятельности ООН, общеполитические сведения. А запомнились по-настоящему, пожалуй, только три работы. Одна связана с приездом в Америку Н. С. Хрущева. Конечно, это было событие и для Америки, и для нас. Впервые видели здесь советского деятеля нового типа, раскованного, не «зажатого» имиджем официального лица. Вместе со спецкодрами радио Зориным и Кобышем мы каждый день передавали репортажи о пребывании советской делегации в Америке. Помню, увидев меня, Хрущев призывно махнул рукой:

— Эй, Московское радио, иди поближе, записывай на магнитофон, а то они все потом перевернут...

Вторая запомнившаяся работа — интервью с португальским диссидентом, генералом Дельгадо, который первым поднял флаг мятежа против режима Салазара. Я взял интервью по телефону, когда генерал тайком перебрался в Бразилию. Не зная португальского языка, я связался с ним по телефону и уговорил дать интервью. Хорошо, что он говорил по-английски. Разговор запомнился не только потому, что генерал Дельгадо интересен как личность. Это ведь был первый звонок, первое свидетельство того, что диктатура разваливается. Что она может разваливаться. Так что португальские события проецировались и на другие страны.

— Вы упомянули еще про третью работу...

— Да, сейчас расскажу. Но для этого надо вспомнить, как представляли Америку и ее народ в то время в нашей стране. В ходу были выражения «железный занавес»,

БЫВШИЙ ГЕНЕРАЛ КГБ, ЧЛЕН СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ ССРС ОЛЕГ КАЛУГИН
ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА СОФБИ ДУБИНСКОЙ

2

некрасивых делишках нашего ведомства. Но потом приехали и... отказались. Один из них работает до сих пор в КГБ — его понять можно. А двое, как и я, — пенсионеры. Так вот, один из них признался: ему позвонили и предупредили, что его постигнет моя участь. Он честно сказал: не хватает у него мужества в одночасье лишиться звания и пенсии. Ты, говорит, молодой пенсионер, еще работать можешь, а мне что делать? Я его понимаю: человеку преклонного возраста остаться на старости лет без средств к существованию тяжело...

— Судя по выступлению Ю. Феофанова в «Известиях», Верховный суд СССР отказал вам в иске к бывшему председателю Совета Министров Н. Рыжкову о лишении вас генеральского звания. Феофанов, судя по публикации, вам сочувствует, хоть и утверждает, что Верховный суд закона не нарушил, но сетует на несовершенство наших законов. Вы с ним согласны в этой позиции?

— Не вполне. Феофанов, опытный журналист-юридической, так сказать, направленности, все же недоговаривает главного: у нас в стране существует документ, который «главнее» всех законов, — Конституция СССР. И в нем есть два положения, принесенные в жертву постановлением Совета Министров. Во-первых, каждый гражданин СССР имеет право на пенсию. Во-вторых, никто не может быть подвергнут наказанию без суда и приговора. То есть на глазах у всех, в том числе и у «высоких» судей, произошло элементарное нарушение государственных норм и прав человека. В Америке, скажем, суд — все, самая последняя инстанция, обратиться в которую вправе любой гражданин США. Суд обязан рассмотреть иск, даже если не питает симпатии к истцу и даже если ответчик — президент страны. Одним словом, суд — это суд. А у нас?

Я расскажу вам, как проходил этот пленум Верховного суда страны. Сначала изложили суть дела, потом представили слово мне. Доказательства у меня были веские, частично я уже о них сказал. И, кроме того, мой адвокат принес документальные подтверждения того, что никакого заседания Совета Министров, где бы меня лишали звания, не было, решение принимали два человека: Рыжков и Шкабардия, тогдашний управделами Совмина, их подписи и стоят под документом. Но пленум в эти детали не вникал, до самого суда дело так и не дошло — по тем, дескать, мотивам, что нельзя рассматривать иск к коллегиальному органу, коим является Совет Министров. Не было ни споров, ни сомнений, ни предложений как-то пересмотреть закон, нарушающий права человека, напротив — утверждающий бесправие личности. Не обо мне конкретно речь: ведь это же страшно, когда гражданин в конфликте с высшей или какой-либо другой государственной властью лишен надежной защиты и права на правосудие. К сожалению, наша пресса не часто ставит вопрос таким образом.

— Лично вам, Олег Данилович, на невнимание прессы грех жаловаться. Больше года не сходит ваше имя со страниц разных изданий. Как оцениваете вы эти выступления?

— По-разному — потому что сами издания очень разные. Впрочем, только ли в «моем» вопросе? «Правда», «Советская Россия», «Рабочая трибуна», не задумавшись, осудили мои действия «по раскрытию гостайн» — хотя, повторяю, ничего этого не было. «Труд», как он это делает обычно, «славировал», опубликовал заметки «за» и «против». Более либеральная и осторожная пресса тоже коснулась «дела Калугина», но — с опаской, выжидая, дескать, посмотрим, как оно потом повернется. Особняком в этом ряду центральных газет стоят «Известия»: они писали о моем деле смелее, со сдержанным пониманием. Я не назвал бы это сочувствием — просто в каждой публикации чувствовалось желание разобраться, проанализировать мои действия и события, о которых я рассказывал.

И, наконец, пресса радикальная. Эти издания оперативно давали информацию, только сведения о том, что

действительности соответствует, что — нет. Мне представляли возможность высказаться на страницах «Комсомолец» и «Московских новостей», еженедельников «Мегаполис-экспресс», «Коммерсантъ», «Собеседник». Это ведь так важно — дать человеку слово, чтобы читатель узнавал не только о нем, но и его самого...

— В прошлом году вы сменили Ивана Кузьмича Полозова, став народным депутатом СССР от Краснодарского края. Какие отношения у вас с журналистами Кубани?

— О, тут позиционный разброс еще больше. «Комсомолец Кубани» активно поддерживал меня во время избирательной кампании и поддерживает теперь, «Советская Кубань» традиционно поливает грязью. Главный упрек: до сих пор я, как депутат, не накормил Кубань. Такой упрек абсурден, хотя, наверно, я мог бы сделать и больше. Пока же втянулся в «малые» дела. Впрочем, слово это неточное. Ветеран войны и труда получил квартиру, которую давно заслужил. Больному человеку поставили телефон, другого удалось определить на лечение — ну и так далее. Увы, без этих дел сегодня не обойтись...

— А писать в последнее время удается?

— Честно сказать, не очень. С тех пор как официально ушел из журналистики — сначала на дипломатическую работу, потом в аппарат КГБ, на это рук не хватало. Изредка выступал под фамилией О. Кедрова — это мой официальный журналистский псевдоним. Вышла небольшая книжка «ЦРУ глазами американцев», писал предисловия к книгам «Заговоры ЦРУ» и «Моя молчаливая война» К. Филби. Года полтора назад в «Неделе» был разговор под заголовком «Измена» о бывшем дипломате Шевченко, сбывавшем из Советского Союза. Выступал в журнале «Международная жизнь». Помню, статья «Разведка и внешняя политика» вызвала негодование у Крюкова, а ведь предлагал я то, что сегодня уже вошло в нашу жизнь: идею сотрудничества с западными спецслужбами в области борьбы с международным терроризмом, организованной преступностью, наркомафией...

— Ну и, наконец, последний вопрос: ваше дело номер один сегодня?

— Пишу книгу. «Сжигая мосты» — название условное, но само за себя говорит.

Корреспондент
Московского
радио
О. Калугин
на встрече
с Н. С. Хрущевым
в США.

НОВЫЙ "ЗАКОН ОБ ОРГАНАХ БЕЗОПАСНОСТИ" РАЗВЯЗЫВАЕТ ОРГАНАМ РУКИ
ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ БЕЗЗАКОНИЯ

КАК МЫШИ КОТА ХОРОНИЛИ

Господин Народ № 6, год 1991.

Наша семья в стенах ЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ давно и хорошо известна. Чекисты Дзержинского арестовали и выслали за границу моего деда, философа и литературного критика Юлия Айхенвальда, чекисты Берии расстреляли отца в 1941 г., а в 1949 г. арестовали меня.

Потом времена изменились. Меня чекисты не трогают вот уже шестнадцать лет, а в ходе "перестройки" мне стало как будто уже и нечего бояться. Однако не характер политической конъюнктуры, а именно Закон о функционировании КГБ мог - и должен был - обезопасить жизнь граждан этой страны, в том числе и мою, от произвольного вмешательства политической полиции. Поэтому я внимательно следил за прохождением Закона "Об органах государственной безопасности" в Верховном Совете СССР.

И вот закон принят.

Чекисты сталинских пори могли ворваться в квартиру в любое время дня и ночи для обыска или ареста.

По новому закону при преследовании лиц, еще только подозреваемых в совершении преступления, чекисты нашей недоделанной "перестройки" имеют право беспрепятственно войти "в жилище и иные принадлежащие гражданам помещения", а также "осматривать их в любое время суток" без предварительной санкции прокурора (Статья 14, пункт 9 "Закона...").

Сфера применения такого "права" - беспредел: чекисты горбачевской поры могут ворваться в дом, провести обыск, задержать, кого захотят и когда захотят. Ведь "подозреваемым" можно считать всякого человека: критерий тут забки до полной неопределенности.

Сталинско-бериевская практика теперь стала законом. Верховный Совет разрешил чекистам знать о каждом из нас все: органы безопасности проводят (опиты) - так

без предварительного уведомления прокурора, т.е. по слому (прошлому) "контроль почтовых отправлений и прослушивание переговоров отдельных лиц", подозреваемых, в частности, в покушении "на суверенитет и целостность государства" (см. ст.1 и ст.14 п.3 "Закона..."). Из последнего следует, что КГБ имеет законное право подслушивать телефонные разговоры миллионов эстонцев, литовцев, латышей, поскольку те хотят выйти из состава СССР, т.е. покушаются "на территориальную целостность государства. Всех их подслушать даже у КГБ денег не хватает, - но нам с вами от этого не легче: подслушивать и вскрышать письма гебелникам могут, осуществляя "защиту конституционного строя Союза ССР и Республик от противоправных посягательств".

А что такое "противоправные посяательства"? Значит ли это, что в нашей стране возможны "посяательства на конституционный строй", осуществленные законным путем? Что если Закон "Об органах государственной безопасности" в его нынешнем виде и есть посяательство на конституционный строй - в частности, на права человека - осуществленное законным путем?

Теперь закон меня обязывает поступать вопреки голосу совести: "Граждане СССР содействуют обеспечению государственной безопасности..." (Ст.6 "Закона..."). Раз офицер государственной безопасности спрашивает, - гражданин Советского Союза должен отвечать: такого отпала норма закона. А если гражданин при должности, то тем более: "... должностные лица обязаны оказывать органам безопасности содействие в обеспечении государственной безопасности".

В США никакое должностное лицо, не говоря уже о лице частном, не обязано по закону давать какие бы то ни было сведения

ЦРУ или ФБР. Не думаю, что у них там государственных тайн меньше, чем у нас, и эти тайны меньше нуждаются в охране. Просто в цивилизованных странах, в США в том числе, права человека охраняет конституция, а в СССР новый Закон о государственной безопасности берет самую конституцию под охрану от граждан. Я пишу в виду не только свободу совести, но и право на неприкосновенность личности и в чем не полноправного гражданина, ибо право признаться в нападении на любое время суток по одному лишь подозрению - это еще шесточку. А пот и ятолки, имело бы ятодо-ежикские в сталинском лагере: органы государственной безопасности "осуществляют гласные и негласные оперативно-розыскные мероприятия в том числе с использованием технических средств" (ст.14, п.1).

Связки прокурора не требуется ни до, ни после проведения "мероприятия".

Это значит, например, что в Вашу квартиру в Ваше отсутствие могут, открыв дверь, "техническим средством", войти сланные чекисты для негласного осмотра помещения. Если Вы неожиданно для них переноситесь - Вам прикажут сидеть тихо. Если Вы не подчинитесь тому, что в собственной квартире оказались задержанным, то охранники советской конституции вправе будут применить к Вам в соответствии с пунктом 5 ст.15 "наручники, резиновые палки, слезоточивое вещество, боевые приемы борьбы" и многое другое вплоть до служебных собак. Пункт 5 ст.15 уравнивает в смысле кар "неповиновение" и "сопротивление": не хотите палок или удара в солнечное сплетение ("белого приёма борьбы") - беспрекословно понижайтесь защитникам "конституционного строя", чье "негласное оперативно-розыскное мероприятие" нечаянно перешло в гласное.

"КАК МЫШИ..." (2)

Мне могут сказать, что такие вещи всегда были.

Да, но чекисты застойных времен торили свои беззакония втайне: не был создан конституционный суд, не существовал конституционный суд. Теперь беззакония узаконены.

Органы государственной безопасности имеют право беспрепятственно пользоваться средствами связи и транспортными средствами не только учреждений и общественных объединений, но и частных лиц, когда органам это нужно (ст.14, пп.7 и 8 "Закона...").

Новый Закон дает возможность органам безопасности проникнуть во все поры общества. В соответствии со ст.11 Закона к любой государственной или общественной организации могут быть прикомандированы военнослужащие органов государственной безопасности с оставлением их на действительной военной службе для замещения должностей в штатах указанных органов или организаций.

Т.е., например, руководство какого-нибудь совместного предприятия "Италия-СССР" согласится - а попробуй, не согласишься, раз ты обязан всемерно содействовать! - иметь в качестве старшего эксперта или младшего консультанта (по должности) капитана госбезопасности (по званию). Органы согласно ст.5 Закона обязаны не разглашать коммерческих тайн. Но это легко и приятно будет работать с нашим частным коммерсантом и государственными менеджерам под доброжелательным беззастенчивым надзором! Сам Дзержин-

ский во время "НЭП" а не додумался до такого! Особенно тут поражаются иностранные инвесторы. Боятся только, что они останутся при своей радости, а мы - без их денег.

А кто будет платить за эти новые конституционные радости?

"Формирование органов государственной безопасности в СССР осуществляется за счет средств союзного бюджета" (ст.12). Т.е. за наш с вами счет.

А сколько придется платить - гражданским достоинством мы, кажется, уже заплатили - сколько придется платить в рублях

"Численность военнослужащих органов государственной безопасности определяется Президентом СССР" (ст.11).

Значит, бюджет в этой части токмо, кроме Президента, не подконтролен.

Не только номенклатура КПСС, но и КГБ у нашего Президента в кулаке. Обратите внимание: "Порядок отчетности, характер предоставляемой Комитетом государственной безопасности СССР и другими органами государственной безопасности информации определяются Президентом СССР" (ст.19). Без указания Президента Вы не узнаете от наших чекистов ничего и никогда.

Как же отреагирует на все это Господи народ (если он не раб-народ)? Что скажут наши демократические кандидаты, у которых родное российское КГБ вполне закономерно может сделать негласный обыск с применением технических средств? Промолчат или нет Координационный совет Демократической России вместе с Мемориалом? Что-то пока не слышно ни о чем от вств.

ЮЛЙХЕНВАЛЬД

-----СЦ-----

ЗАДОЛЖНОСТИ ГОРНЯКОВ КУЗБАССА

19.00, М-1, 12.07.91

Из Кузбасса мы получили сообщение о том, что горняки отправили потребителям за сутки почти на 1000 вагонов угля меньше, чем было запланировано.

На некоторых предприятиях вообще отказались от железнодорожных вагонов из-за отсутствия продукции. С начала года шахтеры бассейна уже задолжали 7 миллионов тонн топлива и понятно, что в связи с этим энергетики могут оказаться без запасов угля на зиму.

Вообще по оценке специалистов, уровень добычи в Кузбассе будет в этом году таким, как 20 лет назад.

--пи--

ГРУППА КГБ "АЛЬФА" УЧАСТВОВАЛА В ВИЛЬНЮССКИХ СОБЫТИЯХ в январе 1991 года. РАЗОБЛАЧЕНИЯ Ю.ШЕКОЧИХИНА В "Лит.газете"

(23.00, 12.7.91, "Вести" Росс.ТВ) Александр ГУРНОВ:

Газетной сенсацией недели стала полоса в "Литературной газете", где Юрий ШЕКОЧИХИН утверждает, что январские события в Вильнюсе - дело рук КГБ.

Вильнюс, январь 1991 года. (кадры) Эти кадры обошли весь мир. Что происходило у телецентра Литвы, знают все. Но кто был автором кровавой постановки?

Ю.ШЕКОЧИХИН в статье в "Лит.газете" обвиняет в авторстве КГБ СССР

Начальник Центра общественных связей Комитета гос.безопасности генерал КАРАБАЙНОВ отказался комментировать эту статью, сославшись на то, что оценка комитетом своей роли в вильнюсских событиях уже была дана.

Всё же, опровергая слова журналиста о том, что антитеррористическая группа "Альфа" сеет за собой кровь, генерал подтвердил:

(видеозапись) "В том числе были представители этой группы".

Корр.: -А лейтенант ШАЦКИХ был сотрудником этой группы?

-Э, он был в этой группе, да.

А.ГУРНОВ: Напомню, генерал (лейтенант-мон.) ШАЦКИХ - единственный военнослужащий, погибший при захвате вильнюсского телецентра.

+ + +

СП

16. July 91

О. ГОРДИЕВСКИЙ: ТОЛЬКО В МОСКВЕ 65 ТЫС. ОФИЦЕРОВ КГБ

"Сов. Молодежь" № 75 (29.5.91) с. 4, 6

Я ХОТЕЛ УМЕРЕТЬ ЧЕСТНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Корреспондент нью-йоркской газеты "Новое русское слово" В. Козловский беседует с бывшим резидентом КГБ в Англии Олегом ГОРДИЕВСКИМ, бежавшим на Запад в 1985 году.
(Перепечатывается с незначительными купюрами.)

Бегство советского разведчика Олега Гордиевского в Англию летом 1985 года вызвало лавину публикаций в тамошней печати, с которой, возможно, скоро уже сравняется число материалов о нем, появляющихся сейчас в советской прессе. Среди них - интервью с Гордиевским в "Собеседнике" и статья в "Комсомольской правде", нападки на него в "Красной звезде" и ответ (в той же "Комсомольской правде") бывшего разведчика и друга Гордиевского - М. Любимова, письмо лорда Николаса Бетелла в "Новом времени" с призывом отпустить в Англию жену и дочерей Гордиевского и т. д.

Я пришел к Гордиевскому с советской журналисткой, имени которой называть не стану. 52-летний разведчик приезжал в США в связи с публикацией своей книги "История внешних операций КГБ от Ленина до Горбачева", написанной вместе с профессором Кембриджского университета Кристофером Эндрю, и остановился в отеле в центре Манхэттена.

"У вас, нагуюсь, нет с собой фотоаппаратов?" - спросил встретивший нас представитель издательства "Харпер, Коллинс", выпустившего книгу: хотя в 1985 году в газетах печаталась фотография Гордиевского, сейчас он выступает по телевидению в гриме. Причина этого маскарада была среди тем, которые мы обсудили у него в номере в ходе часового разговора, являвшего собою скорее вольную беседу, нежели обычное интервью: мы перескакивали с предмета на предмет, нарушали хронологию

событий, часто отвлекались от темы. Ниже следуют обширные отрывки из нашей беседы, во время которой Гордиевский произвел на меня впечатление человека откровенного и ни разу не уклонился от ответа на вопрос, отказавшись поведать лишь о том, как же ему удалось тайно пересечь границу СССР летом 1985 года, когда, по его словам, за ним уже ходила группа наружного наблюдения КГБ (корреспонденту "Собеседника" Ольге Белан он объяснил, что "это пока закрытый канал").

"Окончательно я сказал себе внутренне, что больше не буду сотрудничать с этой системой, в августе 68-го года, - заявил Гордиевский в ответ на вопрос о том, чем объяснялись его контакты с английской разведкой, на которую он работал 11 лет. - 21 августа, в день вторжения в Чехословакию. Это была последняя капля, переполнившая чашу.

- Сколько вы к тому времени работали в комитете?"

"С 1962 года. Мне казалось, что давно, а на самом деле только шесть лет.

- А что вас туда занесло?"

"В комитет? Людям с другим жизненным опытом этот вопрос кажется естественным, хотя на самом деле он искусственный. Для человека в возрасте 22 лет это была романтика: разведка! Иностранные языки! Работа в Европе! Изучение политики Запада, а я с юности занимался западной политикой. Во-вторых, в Советском Союзе шла либерализация. Многие верили, а тем более вери-

ли молодые. Я верил, что все либерализуется, комитет преобразуется, и, кстати, комитет в короткий период в 60-х годах был немножко лучше, и было тревожно и страшно наблюдать, как он после 68-го года начал превращаться в прежний НКВД. Происходила некая его брутализация.

- Это было сильно заметно?"

"Да, очень заметно, особенно после оккупации Чехословакии в 68-м году. В КГБ была такая мысль: "Ну, поигрались в эти либеральные игрушки - и хватит!" Опять классовая борьба, борьба с противником, оккупация, война, расстрелы, сажать всяких диссидентов и шпионов - все это возвращалось, и все опять было, как в прошлом. Афганистан был уже последней точкой: это был уже совершенно сталинистский КГБ. Он пытался приспособиться ко времени, к хрущевской либерализации, пришли многие новые люди, либо из тех же школ КГБ, но уже с другим духом, или с производством - и все это пропало, как-то растворилось, и к середине 70-х годов это был прежний, очень неприятный КГБ.

- Как вы думаете, в комитете много людей, которые не признают Кадугина, Любимова?"

"Много, но не слишком, по целому ряду причин. КГБ всегда был более реакционной и консервативной организацией, чем общество в целом. И естественно, он реакционнее сейчас. Либеральное течение в нем всегда было в процентном отношении меньше, чем в любой другой организации. А теперь, когда КГБ просто борется за существование, оно, возможно, еще меньше, чем было. Но такая прослойка наверняка есть.

16. Juli 91

О. ГОРДИЕВСКИЙ (2)

- А вам не страшно было работать на Западе? Помрешь же со страху.

- Я совершенно сознательно - на это пошел.

- Понятно, что сознательно, а не спонтанно, но все равно: страшно ведь ладверисе, было?

- Не то слово - страшно, все это нарастало! Риск нарастал все больше и больше... Вначале казалось, что как-нибудь переживем, а потом все хуже, хуже, хуже, и уже в 1974 году, всего через четыре года, появились признаки: в КГБ начали чесать в затылке - "что-то происходит, что-то происходит"...

- В каком году вы начали работать на англичан?

- В 74-м.

- Вы сами к ним пришли?

- Практически сам. Вернее, слал сигналы, потому что не придешь и не скажешь: "Ну, ребята, я хочу на вас работать!" Происходило постепенное сближение. В течение месяца, что ли... Я, конечно, хотел помочь Западу, считая, что режим преступный и стыдно перед собой, перед своей совестью продолжать оставаться в КГБ и в этой системе. Но просто прийти и сказать: "Я на вас хочу работать"? Было много пережитков обычного советского сознания. А вдруг чего-то натворят они страшно? Есть хорошие ребята в КГБ - как бы им не навредить.

- У вас там кто-то был соображением?

- Да, это главное было соображение. Но когда я им об этом сказал, они говорят: "Как вы им можете навредить?" - "Мало ли, может, вы как-то используете

мою информацию и что-то с людьми произойдет". Они говорят: "Во-первых, мы никогда таких вещей не делаем, никому не вредим. Во-вторых, если мы приобретаем источник, мы будем делать все возможное, чтобы об этом никто не узнал. Как же мы можем принимать какие-то меры, из которых станет ясно, что у нас появилась какая-то новая информация? Поэтому это вдвойне исключено".

- А за себя не было страшно? Все же за такие вещи в СССР расстреливают...

- Ну так и что?

- Страшно, вообще-то. Я, например, не люблю, когда меня расстреливают, я бы очень боялся.

- А я вот думаю: что если оставаться в системе и работать в КГБ, то это хуже, чем жить несколько лет, сделать что-то полезное, а потом быть разбитым. Примерно так: "Все равно помрем но тут по крайней мере честный человек умрешь"...

- В 85-м году уже было начато какое-то сасствие по вашему делу?

- Что произошло: меня назначают резидентом, главой КГБ в Англии. Страшно престижная страна для КГБ! Много народу туда рвалось. Юрченко был первый кандидат. Летом 1984 года. Тот Юрченко, который сбежал.

- А что с ним, кстати, случилось?

- Они держат его, потому что он связал КГБ и всю систему своей ложью! Он сказал: "Меня выкрали, меня отравили". Когда пресса все это поддержала, невозможно ничего с ним сделать! Потому что если его арестуют и расстреляют, они этим покажут, что все это неправда. Они его допрашивали и кололи что-то первые месяцы, когда он вернулся. Первые три месяца он распухший ходил, значит, явно ему что-то такое вливали. И так, в 1984 году я уже был вторым человеком в резидентуре. Первый человек уезжает, кончается срок его командировки. Я остаюсь заместителем. В центре уже решили назначить меня. За пару месяцев до этого я уже совершил специальную поездку в Москву, чтобы ознакомиться с материалами, провести беседы с разными шишками в КГБ - моими будущими работодателями, заказчиками... И вдруг приходит телеграмма: "Снова приезжай в Москву на собеседование с Чебриковым и Крючковым"! Под псевдонимами, как всегда в переписке. Крючков тогда возглавлял Первое главное управление.

- А какие псевдонимы были?

- Председатель КГБ был Владимиром. Это только для переписки. Его никто не называл Владимиром, это только в переписке, в телеграммах. "Для собеседования с товарищем Владимиром". Значит, ясно, что с Чебриковым. Причем это не псевдоним лично Чебрикова, а кто займет пост начальника КГБ, он будет опять Владимиром. Крючков, может быть, сейчас Владимир, а может быть, сменил. Второй псевдоним я не помню, но тоже какая-то простая русская фамилия.

Я почувствовал, что что-то не то, мне было неудобно перед англичанами. Нутром я чувствовал, что это конец. Я практически пошел на смерть. Мне было стыдно сказать англичанам: "Я боюсь. Боюсь, но не имею доказательств". И я поехал в Москву.

Приезжаю - и пошло, - продолжал Гордиевский. - Открываю квартиру - дверь не открывается. Зимой, когда я приезжал на собеседование, я запер ее на два замка, а квартира закрыта на три! Семья была в Лондоне. От третьего замка все ключи давно поте-

ряны. Что-то еще я обнаружил и стал подозревать. Я все еще думал: "Может, ошибаюсь, может, ошибаюсь". Через неделю меня вывозят на одну из дачек, очень близко от штаб-квартиры Первого главного управления, и дают мне наркотик. Высокотоксичный наркотик для того, чтобы развязать язык.

Были бутерброды и был армянский коньяк. Возглавлял допрос сам Грушко, который сейчас второй человек в КГБ, а тогда он был одним из заместителей Крючкова, и было два человека из специального отдела. Самых секретных дел, дознаний. Наркотик скорее всего был в коньяке. Поставили маленькие рюмочки на всех. Потом принесли другую бутылку, я не заметил. Они налили мне из нее, а себе из той, первой.

- Вообще, как кино какое-то.

- А это и было, как в кино. Меня однажды оперировали, и я помню, как меня усыпляли: раз в вену, и я мгновенно отключился. Здесь было точно так же. Я выпил эту рюмочку и мгновенно почувствовал, что я - другой человек. И какой-то кусочек, я помню, продолжал смотреть со стороны на меня, остаток мозга, подсказывая, что происходит нечто странное. Это продолжалось час-два, пока я не свалился и не заснул.

Первые два дня ничего не помнил. Только помнил, что я разоблачен, я разоблачен! Конеч, мне конец! А почему разоблачен, каким образом - ничего не мог вспомнить.

На третий день я начал вспоминать и почти все вспомнил. Они начали тихонечко: почему Маша (моя дочка, ей пять лет было тогда) почему вы хвастались, что она "Отче наш" по-английски говорит

- ага, я об этом только один раз упомянул в Москве, когда с матерью и сестрой разговаривал в квартире! Значит, это с микрофона схвачено.

Потом в какой-то момент они сказали: "А вот книги под кроватью вы храните! Как вы могли занести такие книги?!" Ага, значит, дома был секретный обыск, это первый пункт, а во-вторых, они дело клеят на тот случай, если шпионаж сразу не пройдет: у них дело по книгам будет. У меня была полная коробка нелегальных книг, которую они нашли во время секретного обыска и когда установили микрофоны. А у меня действительно книги под кроватью были спрятаны. Не от них, не от КГБ - от них не спрячешь, а от гостей Солженицын... Хорошая библиотечка была...

(Ничего себе шпион нынче пошел, думал я, слушая о том, как

16. July 91

О. ГОРДИЕВСКИЙ (3)

Гордиевский держал у себя под кроватью кучу "тамиздата", хотя уже одиннадцатый год работал на "Интеллиженс сервис". Вот что значит любить книгу.)

- То есть вам этот наркотик дали выпить и за тем же столом продолжали выпивать? - спросил я.

- Да, - сказал Гордиевский. - Потом перешли к тому, что "мы знаем, что вы завербованы английской разведкой! Признайтесь!" Я не признавался, несмотря на наркотик. Инстинкт самосохранения. Они начали уже факты приводить: "Вас вот такой-то вербовал!": Я говорю: "Почему вы считаете, что он меня вербовал? Он больше занимался другим". - "Кем? Вот этим? А где его справка?" "Справка" - это любой документ, то, что называют "репорт" по-английски. "Почему в делах справки нет?" - "Вы у него спросите, кто справку должен был написать".

- В какой степени они были осведомлены?

- Что-то они знали, как выяснилось, но очень много не знали. У них не было абсолютно конкретного доказательства, а был какой-то слух. Косвенный - и они на этом базировались.

- Это от англичан что-то утекло?

- Скорее даже не от англичан, а от кого-то еще. Например, недавно мне сказали, что незадолго до того, как они меня вызвали, заканчивался суд над Арне Трехольтом - это один из крупнейших агентов КГБ, ответственный работник министерства иностранных дел Норвегии. И там на закрытом заседании сказали, что информация о нем получена изнутри КГБ. Они могли просчитать: "А кто знает?" Если сопоставить еще с чем-то, то круг еще больше сужается. Кое-что они говорили правильно, когда меня допрашивали. Но базировалось все не на конкретных сведениях, а на дедукции. Поэтому трудно было сказать: "А что они такое знают или не знают?" На следующий день мне сказали: "Ну, идите. Сдайте паспорт, сдайте все, сдайте ключи". Они преднамеренно отпустили меня со слезкой. Я начал смотреть: "Ого! Ходят! Ходят топуны за мной". "Жигули" с радио, другой бежит вперед "Жигулей", толкует себе за пазуху... Семью вызвали в Москву через четыре дня после этого допроса.

- Чувствуете ли вы себя сейчас в безопасности? Или у вас есть все-таки какое-то ощущение беспокойства?

- Нет, такого нет. Просто я не хочу, чтобы знали, где я живу. Впервые, это из-за соседей. Я живу себе, взял немецкую фамилию. Если узнают - сразу возбужде-

ны, городишко маленький, ажиотаж. Журналисты начнут приезжать. Напишут. Напишут - КГБ будет знать адрес. У них есть специальные отделы, которые планируют...

- Акции?

- Да. Какие отделы, я могу для вашего сведения рассказать. Пятый отдел управления "К" Первого главного управления. Он расследует все дела перебежчиков, утечки и так далее. Они дают документацию и фактическую информацию для другого отдела. Он называется Восьмой отдел управления "С" Первого главного управления. Этот отдел планирует мокрые дела. В последние годы они ничего не сделали. Вообще, после убийства украинских националистов не было ни разу серьезного покушения (в октябре 1957 года в ФРГ был убит главный идеолог НТС Лев Ребет, а в октябре 1959-го - глава ОУН Степан Бандера. - В. К.)

- То есть они отказались от политического террора?

- Дело в том, что никакого решения о терроре или об отмене террора нет. А отдел есть. Нелегалы, которые специально тренируются для этих дел, - есть. Все методы - есть. Всякие яды, пистолеты - все это есть. Все это разрабатывалось в КГБ все эти годы. В 20-е годы начали, сейчас, конечно, достигли совершенства по этим вещам. Блестящие специалисты! У нас же частного бизнеса нет, и лучшие специалисты набираются туда за двойную зарплату.

- У них какая-то есть специальная лаборатория?

- Да, лаборатория есть. Это в рамках управления ОТУ КГБ (оперативно-техническое управление). У них ряд лабораторий, и оружие, и яды, и радио, и фото, и химия, и запахи, чего там только нет. Производство документов, паспортов. Ох, это же потрясающе! Примерно в 71-м году они до-

стигли высшего, так сказать, пилотажа, когда стали производить американский паспорт. Все остальные паспорта давно производили. А американский - посмотрите на его бумагу! Надорвите и пощупайте, какой состав!

- Но никаких сведений о том, что они грешили последние лет двадцать, у вас нет?

- У меня нет. Когда у Калугина спрашивали, вы помните, что он отвечал? "Подождите немножко, может, что-то узнаете скоро". То есть намекал, что что-то такое было. Или планировали, или затевали, или, как у меня в книге описано, с болгарками делились. Но сами не участвовали. Я, по крайней мере, никогда об этом не знал.

- А чего же не участвовали?

- Во-первых, начиная с хрущевской либерализации, был курс

на несколько более цивилизованное поведение. При Брежневеве - то же самое плюс бюрократия, боязнь всего нового, боязнь всего рискованного: "Давайте не будем ввязываться в сомнительные авантюры..." И Андропов, и все они чувствовали, что лучше не связываться с этими неприятными делами: "Всплывет, а мы вроде бы за разрядку с Западом, как же мы можем разрешить? Давайте не будем пока... Может быть, в будущем, когда понадобится, где-нибудь в Афганистане - может быть, а в Европе, в Америке давайте не будем..." А теперь, при Горбачеве, еще труднее. То есть все средства есть, планы будут делать, офицеры документацию будут составлять. Они, например, если узнают, где я живу, пошлют агентов выяснять мой образ жизни: куда я езжу, куда хожу, как охраняют, не охраняют? Будут это делать, вне всякого сомнения. А вот будет ли само убийство? Может быть, и нет.

- Наблюдая со стороны за тем, что происходит в Советском Союзе, как, по-вашему, строятся отношения между КГБ и Горбачевым?

- Ну, отличные отношения! Потому что никакой перестройки нет. Ведь они - единственное ведомство, которое не подвергалось никакой перестройке. Они переименовали два управления: Пятое и Девятое. Пятое понятно, почему - оно одиозное. Оно теперь называется "по защите конституционного строя". То же самое, только не против диссидентов старого типа, а против наиболее активных политических противников: Демсоюза, националистов, тех, кого можно обвинить в том, что они экстремисты или террористы... Все неформалы, но особенно те, кто сильно расходится с официальной линией, сильно критикуют. Те, кто близко находятся к середине, может быть, только под каким-то номинальным контролем: пара агентов сидят, бумажки пишут, а вот особое внимание - тем, кто резкие противники.

- А Девятое?

- Девятое управление - это охрана правительства. Знаменитая "девятка". В Москве все знают: "девятка", "семерка"... Девятое управление сейчас называется "Служба охраны президента".

- А правда, что Пеньковского живьем сожгли в песке краснотерия, или это все слухи?

- Я думаю, что это домыслы.

- А чем же все-таки кончилась ваша история? Никакого официального следствия не было?

- Нет, сначала было оперативное мероприятие - какое следствие? Это было оперативное мероприятие: отпустили, я ходил.

- Как вы думаете, к какому они пришли в тот момент выводу?

- Мне в феврале дали полков-

ушло

О. ГОРДИЕВСКИЙ (4)

ника. С полковника начинаются привилегии офицерские. Полковника, например, патруль не имеет права арестовать. Если они получили разрешение провести допрос полковника КГБ с помощью наркотика, это значит, что санкция была получена от Чебрикова. То есть председателя КГБ, не ниже. А это возможно только в том случае, когда у них нет никаких сомнений. Им только были нужны доказательства, чтобы дело уже начать. Чтобы передать в военную прокуратуру. На следующий день я понял, что все - это конец. Они бы не запросили санкции Чебрикова, если бы не были уверены. Они были абсолютно уверены! Мне конец! Или я спасусь, если сделаю рискованный прыжок с одной крыши на другую на уровне 25-го этажа, как в американских фильмах. Вот это была моя дилемма. Но это был мой единственный шанс спастись. Что я и сделал в июле (1985 года. - В.К.).

- Вы не рассказываете о том, как вы это сделали?

- В ограниченных пределах. Дом, где я жил, - это эгэбэвский кооператив: Ленинский проспект, 109/1, корпус 3. Это улица Обручева и Ленинский проспект. Я быстро прошел в вестибюль. Взял с собой минимум: пиджачок и бритвенные принадлежности.

- Этог пиджачок?

- Нет, попроче был. Самый простой, что нашел, чтобы выглядеть по-советски. Они потом доложили: "Он бегать пошел". А я пробежками занимался, до сих пор занимаюсь. Я перешел улицу, вошел в лесопарк и там побежал от слежки. Когда слежка отстала, я надел пиджачок. Купил перед этим простую советскую сумку, положил туда бритвенные принадлежности. Пошел на вокзал. А билет был приобретен заранее. Сел на поезд и поехал. Приблизился к пограничной зоне. В первый раз в жизни оказался в этой

зоне. Это вообще неприятное зрелище. Кишма кишит КГБ, милиция в форме и не в форме, плюс военные, какие-то маневры шли. Очень странное чувство. Меня никто не задержал, но смотрели многие явно! Потому что местные райотделы КГБ плюс погранвойска вербуют в пограничной зоне агента из местных жителей для того, чтобы выявлять перебежчиков. Поэтому они там все приучены доносить. И смотрят на меня: небритый какой-то, явно не местный... Глазами так испытующе: "Донести, не донести?" И никто не донес. Никто меня не остановил. С какого-то момента начался критический бросок на границу. Как вот я это сделал, я рассказать не могу.

- Но, по крайней мере, вы сами это сделали или кто-то вам помог?

- Нет, я уже знал...

- То есть вы не наобум схали?

- Нет, не наобум, у меня был план.

- Вообще, какое у вас профессиональное мнение об англичанах?

- Они не то, что даже молодцы, а они лучшие в мире! Но тоже не без недостатков. Потому что лучшие в мире - это все по сравнению

с другими. У американцев, скажем, слишком большая служба. Как у КГБ: когда слишком много людей, начинается понижение уровня.

- А какое у вас профессиональное мнение о КГБ?

- Все послевоенные годы он берет не уменьем, а числом, - сказал Гордиевский, крепко сколоченный господин среднего роста, похожий скорее на инженера, нежели на агента двух разведок. - Огромным числом. Народ в массе своей серый. На Западе говорят: "КГБ - элита!" Чепуха! Потому что кадровая политика - намеренно брать людей сереньких, средненьких, которые не будут иметь каких-то хобби, каких-то интересов, не будут читать диссидентов, которые будут честь отдавать и делать все, что им скажут. В массе они такие и есть. Если бы это была элитарная служба, то сейчас, в период перестройки, они бы бежали не по одному каждые два месяца, а по двадцать каждые два месяца!

В 30-е годы были блестящие люди, потому что служба была космополитичная в массе своей, а сейчас набирают сереньких. Вот я знал Скандинавию, Дания - 5 миллионов человек. Резидентура КГБ - почти 25 человек! Представьте себе - 25 офицеров на такую страну! Норвегия - такая же по размеру, и тот же самый состав. Швеция - чуть-чуть больше страна, но и немножко больше офицеров. Еще есть ведь и ГРУ. Это же страшное дело!

- А что они делают: коров считают на пастбищах?

- Стараются вербовать. При этом ему говорят: "Не надо слишком много местных: американцев вербуйте, которые там находятся, англичан, которые там находятся, китайцев, японцев, западных немцев", - основные нации, которые для нас важны.

- Ну и вербуются вообще иностранцы?

- С трудом, но вербуются. С трудом, китай с трудом! Но когда огромное количество людей, всегда кого-нибудь да завербуют.

- А вы кого-нибудь лично завербовали?

- Много вербовок липовых. Пишет, пишет, пишет отчет, что вот отношения такие глубокие, такие глубокие, и когда накапливается вот такой том, уже считается, что раз целый том справок о встречах, то наверняка отношения хорошие, и объявляют человека агентом. И вот такой агентуры в КГБ, наверное, из 20 зарубежных агентов один настоящий, а 19 - дутых. Но один-то все равно есть!

- Но вы-то хоть одного настоящего завербовали?

- У меня считалось после Дании, где я был с 1972 по 1978 год, пять с половиной лет, - пять вербовок. Из них четыре вот такие дутые были, как и все, а один был настоящий, но он был не европеец.

- А что с ним стало потом?

- Он уехал в свою развивающуюся страну и стал там...

- ...премьер-министром?

- Каким-то процветающим чиновником, но единственное, что я слышал, его КГБ в этой стране очень полюбил и подарил ему машину.

- Но вы англичанам о нем сказали?

- Они особого интереса к нему не проявили.

- Вам действительно предлагали вернуться на родину?

- Ну, они все время предлагают вернуться. Это же оперативное мероприятие - заманить обратно всех.

- А в какой форме предлагали?

- Они четыре раза встречались со мной в посольстве. Один от КГБ, а один - от посольства. Обычно так: "Приезжай, тебе приговор изменят, будешь жить нормальной жизнью. Даже на работу устроишься". Не говорят, конечно, что в КГБ устроят. Это все полнейшая чепуха. Письма жены - написаны под диктовку. Требовали от нее все эти годы, пока она все это не отбросила и заняла в феврале этого года независимую позицию, сказала: "Я больше не буду с вами сотрудничать!"

- Есть надежда, что ее выпустят к вам?

- Только если будет сильный нажим. Моя жена - азербайджанка. Она, бедная, несмотря на то, что с двумя маленькими детьми одна, все свое время посвящает армянским беженцам в Москве.

- О судьбе Валленберга: вы видели какие-то документы о нем?

- Нет, я встретил человека, который видел документы.

- То есть документы, по вашему мнению, существуют?

- Ну! Кто же уничтожает документы по такому важному делу! Ни у кого рука не поднимется подписать. То, что были найдены вещи, которые переданы семье, означает, что документы тоже есть. Потому что нет никакого смысла хранить записные книжки и какие-то вещи, уничтожая дело с документами. Документы-то гораздо важнее, чем то, что хранится при деле. Значит, документы, конечно, есть. Плюс наверняка имеется множество свидетелей. Я подсчитал, сколько еще должно быть примерно людей, которые хорошо знают обстоятельства дела Валленберга: наверняка тридцать пенсионеров

ушел

О. ГОРДИЕВСКИЙ..... (5)

16.11.91

еще живы, которые много могли бы поведать. Мой личный подсчет. В конце 70-х годов я встретил человека, который приближался к окончанию своей службы и просто по своей инициативе рассказал. Мы что-то толковали о прошлом, об истории. Он говорит: "Вот Валленберг - хотели же завербовать. Полгода уламывали, чтоб он согласился стать агентом". Он наотрез отказался, они его расстреляли. По-моему, он сказал, Валленбергу дело пришили - что он уже сам шпион. Иначе за что ж расстреливать? Просто так не расстреляешь - значит, надо дело сфабриковать." Но главный смысл: расстреляли за то, что отказался завербоваться.

- А на что вы сейчас живете?

- Англичане пенсию небольшую положили в расчете на то, что я начну писать и своим трудом зарабатывать на жизнь. Потому что Англия по сравнению с Америкой - бедная страна. Они деньги налево и направо не разбрасывают. Они щедростью большой не отличаются. Скромные, не любят никакой экстравагантности.

- На американцев надо было шпионить. Теперь уже поздно.

- Я не из материальных соображений работал.

- Это я смеюсь. А действительно, как вы установили с англичанами первый контакт - просто пришли и постучались?

- Нет, но там всегда был один или два человека, про которых мы знали, что они, видимо, разведчики. И мы начали беседовать...

- Это в Англии было?

- Нет, в Дании.

- Как вы считаете: появление Калугина его выступления в печати действительно были каким-то искренним порывом?

- Конечно, искренним. Что Калугин мое имя трепал и хотел дискредитировать Грушко и Крючкова таким образом, я это не одобряю, конечно. Категорически не одобряю. Но все остальное - это все настоящее. Я с ним лично не был знаком, но о нем говорили, я его видел выступающим, и уже было сильное чувство, что что-то в нем было порядочное. Либеральное. Хотя возглавлял он одну из самых зловещих служб. Внешняя контрразведка в рамках Первого главного управления - это самое мерзкое. Но так получилось: как-то он попал в нее смолodu и уже не было ходу назад. Но сохраняя какое-то приличие. Это в нем возоблада-ло, и он начал сейчас так выступать.

- А вы много вообще англичанам рассказывали? Польза им от вас большая была?

- Ну что вы спрашиваете: за 11 лет... У меня было чисто идеалистическое желание помочь Западу. Если бы не было тако-го, я бы не стал одиннадцать лет работать. Возьмите всех этих перебежчиков: с женой поссорился - на следующий день в ЦРУ побежал... Много таких...

- А вы от американской жены сколько ни ссорился, ни разу в КГБ не побежал. Теперь иногда жалею. Вы не жалесте ни о чем?

- Жалею, что они меня охмурили с семьей. А что я сотрудничал с Западом, то жалею, что не с 68-го года, а только с 74-го.

- Вы имете в виду, что, как только вас вызвали в Москву, надо было остаться с семьей в Лондоне?

- Да, но слишком меня гордыня обуре-вала. Надо было слушать, что мой инстинкт мне говорит, - что дело плохо.

- Семья абсолютно была не в курсе?

- Не мог я возложить на жену такое бремя.

- Жена сильно пострадала?

- Конечно. Во-первых, она пять лет не может найти работу. Почти все друзья отвернулись. И, главное, слезка ходит за ней с первого дня. Каждый день слезка, две тысячи дней под слезкой. Она под-считала, сколько уходит денег на это. Иногда по три машины - бригада в каж-дой. Она подсчитала, что уходит в три раза больше, чем на охрану мадам Горбачевой. Зачем?

- Мне рассказывали, что в интервью Би-би-си вы упоминали, как передавали деньги агенту в кирпиче.

- Таких много было операций. В мою бытность в Дании, кстати, я передавал кучу переписки в куске дерна. Валялся якобы кусок дерна на газоне, а это были какие-то письма и сообщения для нелегала. А в последний день моего пребывания в Англии, когда они меня вызвали, была операция по связи с нелегалом, и ему нужно было передать три тысячи фунтов стерлингов. Они были запрятаны в совершенно натуральный кирпич, и я его оставил в определенном месте на дорожке.

- А вдруг кто другой полберст?

- Ну, риск всегда такой есть. Но время между моим приходом и оставлением кирпича и появлением нелегала было 15 минут...

- Называется - сбили столку: идет че-то-вск и кладет кирпич, потом идет другой человек и поднимает кирпич. А кто кирпич вылабидил?

еще живы, которые много могли бы поведать. Мой личный подсчет. В конце 70-х годов я встретил человека, который приближался к окончанию своей службы и просто по своей инициативе рассказал. Мы что-то толковали о прошлом, об истории. Он говорит: "Вот Валленберг - хотели же завербовать. Полгода уламывали, чтоб он согласился стать агентом". Он наотрез отказался, они его расстреляли. По-моему, он сказал, Валленбергу дело пришили - что он уже сам шпион. Иначе за что ж расстреливать? Просто так не расстреляешь - значит, надо дело сфабриковать." Но главный смысл: расстреляли за то, что отказался завербоваться.

- А на что вы сейчас живете?

- Англичане пенсию небольшую положили в расчете на то, что я начну писать и своим трудом зарабатывать на жизнь. Потому что Англия по сравнению с Америкой - бедная страна. Они деньги налево и направо не разбрасывают. Они щедростью большой не отличаются. Скромные, не любят никакой экстравагантности.

- На американцев надо было шпионить. Теперь уже поздно.

- Я не из материальных соображений работал.

- Это я смеюсь. А действительно, как вы установили с англичанами первый контакт - просто пришли и постучались?

- Нет, но там всегда был один или два человека, про которых мы знали, что они, видимо, разведчики. И мы начали беседовать...

- Это в Англии было?

- Нет, в Дании.

- Как вы считаете: появление Калугина его выступления в печати действительно были каким-то искренним порывом?

- Конечно, искренним. Что Калугин мое имя трепал и хотел дискредитировать Грушко и Крючкова таким образом, я это не одобряю, конечно. Категорически не одобряю. Но все остальное - это все настоящее. Я с ним лично не был знаком, но о нем говорили, я его видел выступающим, и уже было сильное чувство, что что-то в нем было порядочное. Либеральное. Хотя возглавлял он одну из самых зловещих служб. Внешняя контрразведка в рамках Первого главного управления - это самое мерзкое. Но так получилось: как-то он попал в нее смолodu и уже не было ходу назад. Но сохраняя какое-то приличие. Это в нем возоблада-ло, и он начал сейчас так выступать.

- А вы много вообще англичанам рассказывали? Польза им от вас большая была?

- Ну что вы спрашиваете: за 11 лет... У меня было чисто идеалистическое желание помочь Западу. Если бы не было такого, я бы не стал одиннадцать лет работать. Возьмите всех этих перебежчиков: с женой поссорился - на следующий день в ЦРУ побежал... Много таких...

- А вы вот с американской женой сколько ни ссорился, ни разу в КГБ не побежал. Теперь иногда жалею. Вы не жалеете ни о чем?

- Жалею, что они меня охмурили с семьей. А что я сотрудничал с Западом, то жалею, что не с 68-го года, а только с 74-го.

- Вы имете в виду, что, как только вас вызвали в Москву, надо было остаться с семьей в Лондоне?

- Да, но слишком меня гордыня обурежала. Надо было слушать, что мой инстинкт мне говорит, - что дело плохо.

- Семья абсолютно была не в курсе?

- Не мог я возложить на жену такое бремя.

- Жена сильно пострадала?

- Конечно. Во-первых, она пять лет не может найти работу. Почти все друзья отвернулись. И, главное, слежка ходит за ней с первого дня. Каждый день слежка, две тысячи дней под слежкой. Она подсчитала, сколько уходит денег на это. Иногда по три машины - бригада в каждой. Она подсчитала, что уходит в три раза больше, чем на охрану мадам Горбачевой. Зачем?

- Мне рассказывали, что в микровью Би-би-си вы упоминали, как переслаивали жену агенту в кирпиче.

- Таких много было операций. В мою бытность в Дании, кстати, я передавал кучу переписки в куске дерна. Валялся якобы кусок дерна на газоне, а это были какие-то письма и сообщения для нелегала. А в последний день моего пребывания в Англии, когда они меня вызвали, была операция по связи с нелегалом, и ему нужно было передать три тысячи фунтов стерлингов. Они были запрятаны в совершенно натуральный кирпич, и я его оставил в определенном месте на дорожке.

- А вдруг кто другой подберет?

- Ну, риск всегда такой есть. Но время между моим приходом и оставлением кирпича и появлением нелегала было 15 минут...

- Называется - били с толку, идет человек и кладет кирпич, потом идет другой человек и поднимает кирпич. А кто кирпич выдалбивал?

- Работник резидентуры. Почти во всех резидентурах есть оперативно-технический отдел

- Сидел в кирпич выдалбивал?

- Он его слепил из натуральной глины, покрасил.

- Производство искусства.

- Да что вы, невозможно было даже в книге все рассказать! В Лондоне, например, были четыре пункта КГБ и ГРУ перехвата радиокommunikаций! Четыре! Один на базе посольства: КГБ, ГРУ. На базе торгпредства в другой части города - Хайгейт - еще два: КГБ и ГРУ.

- А куда девать всю эту пленку? Ну, вот перехватили, записали - куда девать? Ведь это же обалдеть сколько пленки.

- Все в Москву отправлялось.

- А сколько там - миллион человек на этом сидит и все прослушивает?

- Да в Москве 65 тысяч офицеров КГБ! Вы можете себе представить? А в российской службе безопасности в Санкт-Петербурге сколько было сотрудников, знаете? 200 человек!

- Так и наследие стало больше.

- Ну да, тогда было 170 миллионов, а сейчас - 270.

- Это же надо слушать миллионы километров пленки. И все посольства прослушиваются...

- Так возьмите, что письма все вскрываются, которые идут на Запад и с Запада! Все для одного. И фотографируются. Вы представляете, сколько всего хранится? Это же ужас сколько! Хорошо хоть, что они компьютеры теперь ввели, все на компьютеры идет, меньше места занимает. Огромные средства идут на тайную полицию, и это такой уродливый нарост, типичное явление тоталитарного общества.

- Сейчас в Союзе стали писать и говорить, что нужно менять КГБ, всю эту систему. Вы знаете ее изнутри. Как вы думаете, ее можно вообще изменить, трансформировать, реформировать?

- Но лучше ее, конечно, всю распустить и создать новую, потому что иначе она будет воспроизводить себя. Я посмотрел хороший период, 60-е годы, а потом в 70-х - опять возвращение к тому, что уже было. Такой же тип мышления, какой был при Сталине. Слегка смягченный, конечно. Раньше политика была не брать людей с высшим образованием, а при Андропове - брать только с высшим образованием. Значит, уже неминуемо утонченные манеры...

- Да, как же, помню: очень приятные люди меня всегда допрашивали.

- А суть примерно та же самая.

("Новое русское слово",
Нью-Йорк - ИМА-пресс.)

* Этот эпизод (без упоминания фамилии Пеньковского) описан в книге Виктора Суворова "Аквариум", изданной на Западе и рассказывающей о военной разведке. (Прим. ИМА-пресс.)

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ БОРЬБА ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ: УГРОЗЫ, НАСИЛЬ-
СТВЕННЫЕ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ В ПСИХУШКИ, ИЗБИЕНИЯ НА УЛИЦЕ,
И, НАКОНЕЦ, УБИЙСТВО НЕПОКОРНОГО ЧЕЛОВЕКА 1

ХРОНИКА

Информационный листок правоохранительных органов г. Тольятти

Июль
№12 (56)
1991 год

Расследование начал... журналист

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ НАДЕЖДЫ СПРОГИС

...Все, что осталось от нее, — так это неухоженная могила с выбитой датой на надгробье: 1948—1988гг. И, пожалуй, память. Помнят, скорбят, поминают — все те, кто с ней когда-либо соприкасался...

Это было, было... Раз—психушка...

Работала Надя в вазовском профилактории «Прилесье» официанткой. Тихая, скромная. Хорошо выполняла свои обязанности, одна растила сына. Но неумный характер, врожденная принципиальность не позволяли ей спокойно смотреть на недостатки, которые, как спрут, проникали тогда во все уголки «Прилесья». Спрогис добивалась, чтобы не было завышения нормы обслуживания посетителей, требовала элементарной порядочности со стороны руководства. Замечала она, что в профилакторий «на огонек» заезжало большое вазовское начальство, и отнюдь не только ради поправки здоровья...

Это, естественно, кое-кому не понравилось. Ее попытались уволить. Но не тут-то было: она пишет жалобу в ВЦСПС. Неудача не остудила пыл «гонимей» в продолжении борьбы с инкомыслящей. И тогда...

Когда Спрогис пожаловалась на установившиеся порядки в «Прилесье», начали писать заявления о ней соседи, что-де гражданка Н. В. Спрогис ведет себя «странно» — обрезает провода электросети, мажет их двери дерьмом... И тогда она попадает в поле зрения милиции. Повод нашелся. Начал нарастать следственный ком, в итоге которого родился план — в психушку! На обследование.

Ее насильно увозят в известное место для психически ненормальных людей. На свет появляется справка, мол, Спрогис на учете у психиатра находится... с 1973 года. Таким образом, подготовленная и состряпанная задним числом справка стала своего рода пропуском в «рай», и, само собой, отпала необходимость соблюдения при этом законного порядка. Уже

[Окончание на 2-й стр.]

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ БОРЬБА ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ: УГРОЗЫ, НАСИЛЬ-
СТВЕННЫЕ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ В ПСИХУШКУ, ИЗБИЕНИЯ НА УЛИЦЕ,
И, НАКОНЕЦ, УБИЙСТВО НЕПОКОРНОГО ЧЕЛОВЕКА

2

{Окончание.
Начало на 1-й стр.}

не было нужды обосновывать само выдворение туда заявлением о признании гражданином недееспособной от имени членов семьи, в отсутствие таковых — прокурора. Но была у нее мать, дядя, несовершеннолетний сын...

А чтобы там побывать, большую «помощь» ей оказал в то время психиатр Дедов, уловивший настроение «авторов» выдворения. Операция была с блеском выполнена. В итоге: она более полумесца проходит «обследование». Подруги рассказывали, что она не пила таблетки, дававшиеся ей там, и после «знакомства» с психлечебницей показывала целую горсть. Они же, ее верные подруги по смене, выручают Надю, вызывают из пекла. Теперь Н. Спрогис твердо решает выяснить: кто, каким образом и за что упрятал ее в психушку?

Вновь рождаются жалобы. Идут и идут комиссии. В орбиту борьбы вовлекаются все новые и новые люди. Как снежный ком, разрастались и сталкивались интересы, амбиции, стремление сторон любой ценой доказать свою правоту. Спокойного разбора и анализа конфликта не получалось.

Я, как журналист, далек от мысли давать оценку состоянию здоровья Н. Спрогис в тот момент. И не берусь оспаривать в принципе тенденциозные заключения врачей — психиатров. Не имею права.

Речь о другом. О гуманности и человечности людей. О дефиците чуткого и доброго отношения к человеку, тем более морально подавленному унижительно-принудительным знакомством с нашими весьма далекими от совершенства психиатрическими заведениями.

Сам факт принудительно-направления, как говорят, «в психушку» — достаточный повод говорить о правах человека. А если поводом к тому же служат сомнительные до сих пор обстоятельства или чья-то злая, мстительная рука?

Нужно заметить, что многие сотрудники «Прилесья» требовали наказать гонителей Надежды Спрогис. Так, например, врач А. Блинов написал первому секретарю Автозаводского райкома КПСС (а куда еще в те времена мог обратиться человек за высочайшей справедливостью?) письмо с приложением различных документов, защищая честь и достоинство Спрогис. Очевидцы утверждают, что резюме секретаря было таково: «Закругляйтесь...». Мол, прекращайте всю эту возню и склоку вокруг человека. Справедливости ради надо сказать, мнение «первого» во многом помогло тогда Надежде. Ее вроде бы оставили в покое. Но...

Покой ей

ТОЛЬКО СНИТСЯ...

Не захотела успокаиваться сама Спрогис. Она потребовала назвать истинных виновных ее выдворения с работы. В результате, разбором обстоятельств занялась

еще одна комиссия. Имен, фамилий, злых намерений и умыслов — обнаружено не было. Однако главного врача Е. Коптеву почему-то пересадили в другое кресло.

Как бы в ответ, в виде контрнаступления, правоохранительные органы возбуждают в отношении Н. Спрогис уголовное дело...

В довершение ко всему, однажды в арке своего дома по ул. Дзержинского, 49 она была жестоко избита. Есть свидетели, утверждающие, что ей неоднократно и откровенно угрожали...

А вот другого рода свидетельство очевидцев «гуманных» методов отношения к издерганному и затравленному к этому времени человеку...

Л. Гаврилова: «Почти каждый день к ней приходил следователь Пахомов: пойдем, говорил, на обследование. Я собственными глазами видела, как дружно гонились за ней милиционеры. Она всюду пряталась. Но о том, что дома не ночевала, бывая у меня и у других, так это — отдельный рассказ. После избития она вообще боялась оставаться одна. Чувствовала, где таится опасность...»

В первый раз ее увезли при сыне. Он был дома. Приехали два молодца-санитара да молоденький милиционер. Не церемонились, нет. Смирительный мешок — и айда в машину! Видели этот эпизод соседи, а одного из них она попросила следовать с ними. С трудом он сел в машину, а когда доехали до середины конечного пункта («Поволжское»), его высадили, сказав при этом: «Ты нас не видел, мы тебя не знаем».

Во второй раз все было проще. Ее вызвали в УВД (по ее уголовному делу. — М. Г.), но Спрогис мудро решила идти с товарищем по работе. Впрочем, ему слово.

— Начну с того, — рассказывал И. Сагетдинов, — что мы очень часто общались с Надей. Я видел, что ее обливают грязью, видел хамские выпады против нее, участвовавшая предложения пройти обследование в «психушке». Говорила она тогда, что одна идти боится. А мне-то что, я в жизни многое повидал. Пошли, говорю, Надя. И вот мы в кабинете. Женщина-следователь хотела меня выпроводить: все спрашивала, кто я, откуда. Затем, бросив эту затею, стала провоцировать Надю. Я понял сразу: следователь хотела вывести Спрогис из равновесия, чтобы она закричала. Я Наде говорю: «Успокойся». А потом следователь перешла к «делу»: «Вы, говорят, можете сте-

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ БОРЬБА ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ: УГРОЗЫ, НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ В ПСИХУШКИ, ИЗБИЕНИЯ НА УЛИЦЕ, И, НАКОНЕЦ, УБИЙСТВО НЕПОКОРНОГО ЧЕЛОВЕКА

ны... Соседи на вас жалуются». И как бы ненароком: «Провериться бы надо!». Тогда не выдержал я. Как же, доказываю я, у нее есть все документы, что она — нормальный человек. Реакция следователя — отвратительнейшая. Стала допытываться, а в каких мы отношениях. Всего ожидал услышать от женщины, но такого... Я ей, помню, тогда ответил: «У меня пятеро детей, и жена, между прочим, знает, что я у вас нахожусь». Следовательно стала тогда обхаживать Надю, что может замять дело, если она перестанет повсюду жаловаться...

Надя тогда сказала следователю: «Поедьте ко мне

домой за документами». А та ей: «Машина, которую за вами прислали, не милицмейская, и ехать к вам домой не имеем права». Словом, сопротивляться было бесполезно... Единственное, что я сделал, так это записал номер той машины. А Надя? Ее увезли под Куйбышев, в «дурдом»...

Содержали ее там без права общения и посещения родственниками и знакомыми. Изоляция полнейшая. Врачи успокоились, глядя, как Надя утихомирилась. Но это была видимость: она-то знала, какая уготовлена ей судьба — пожизненная отсидка в «кукушкином гнезде». И вот однажды она, в одном халате, в морозную ночь, совершает побег. Через форточку. Живет первое время у известных в Куйбышеве борцов за права человека Соловых и Карлова. Затем, переодевшись, едет в Тольятти, живет по квартирам друзей и знакомых...

Друзья, кстати, не сидели сложа руки. В начавшихся тогда разбирательствах за нее хлопотали многие. Очень убедительно выступал в защиту Надежды врач А. Блинов, директор школы, в которой учился сын Спрогис. Кстати, впоследствии и они, по их словам, имели неприятности. Но тогда они сумели ее отстоять...

Более того, Надежда, сумев убежать из заточения и скрыться, пришла на обшее собрание в коллектив, где дала свой последний словесный бой...

Ей вышел черт

Вы только представьте жизнь Надежды: одна сплошная черная полоса, непроходящие боль и обида... Может быть, и был у нее один просвет в этом кошмаре — подруги. Она, повторю, у них коротала ночи. И как-то...

— Мы часто подолгу засиживались, — вспоминала Л. Гаврилова. — Как-то Надя с моей дочерью гадали на бумаге: сжигали лист на тарелке, а то, что получа-

лось — и есть судьба. Моей дочери вышел цветок. Пепел от бумаги был так похож, что мы и не сомневались в этом. А вот Надежде вышел черт. И тогда она сказала: «Убьют, наверное...»

Смерть

Ее подруга по работе (фамилию она просила не указывать. — М. Г.) говорила Наде: «Уймись ты. Брось писать: ведь до ООН дошла! Опомнись: жизнь твоя стоит две бутылки водки. Или уберут, или калекой сделают...»

...11 октября 1988 года смена ждала ее на работу. Не дождалась. Надежду обнаружили в море.

«Она так любила жизнь»

Можно только догадываться, как ее достали. Ведь она не открыла бы чужому: жизнь научила. В это время сын ушел за хлебом, и его не было чуть меньше получаса. Придя домой, Игорь увидел открытую настежь дверь, в квартире беспорядок, балкон открыт... А внизу, в шести-семи метрах, в кустах лежала его мать. С вывороченными кистями рук, с выломанной ключницей, с разбитой челюстью...

Она была еще жива. Врачу «скорой» она прошептала: «Я не сама, я не сама... Двое, двое...»

Надя, говорили подруги, была, несмотря на свой маленький рост, крепкой и верткой. У нее были сильные руки, кисти, и справиться с ней можно было только силой. Одно ясно, доказывали они, ее избивали в комнате, выломав все, а после, раскачав, выбросили в кусты. Даже если предположить, что она, предварительное избив себя, выпрыгнула с балкона, то улететь так далеко просто невозможно...

«Она любила жизнь, — в один голос утверждали и И. Сагетдинов, и Л. Гаврилова, хорошо знавшие ее. — Она любила сына, мечтала когда-нибудь поставить его на ноги. Не довелось...»

Послесловие

«...А зачем вам все это нужно? — спрашивали многие, как бы говоря, что все давно быльем поросло. — Смерть? Так ведь каждый день люди трагически гибнут. И кто сказал, что ее убили: сама взяла да выпрыгнула. Ненормальная — что с нее взять!...»

Предвижу, предчувствую эти разговоры. Предполагаю позицию. Но все равно буду ходить по редакциям газет и просить опубликовать этот материал. Не могу молчать... А если завтра на ее месте окажется кто-нибудь из нас? Из наших близких?..

М. ГАЙФУЛЛИН.

USSR TODAY

No.

SOVIET MEDIA NEWS AND FEATURES DIGEST

COMPILED BY RFE/RL RESEARCH INSTITUTE MONITORING

ПОДРОБНОСТИ ДЕЛА БЫВШЕГО КАПИТАНА КГБ ВИКТОРА ОРЕХОВА 1

ЮНОСТЬ

(433) 6 '91

**ЧАСТНОЕ
расследование
«ЮНОСТИ»**

Игорь
ГАМАЮНОВ

КАК ИЗМЕНЯЮТ КГБ

*Преступление и наказание
оперработника госбезопасности
капитана Орехова*

Бывший капитан КГБ В. Орехов
Фото А Карзанова

USSR TODAY

No.

SOVIET MEDIA NEWS AND FEATURES DIGEST

COMPILED BY RFE/RL RESEARCH INSTITUTE MONITORING

ПОДРОБНОСТИ ДЕЛА БЫВШЕГО КАПИТАНА КГБ ВИКТОРА ОРЕХОВА 2

Этот человек среди политзаключенных стал легендой. В лицо его почти никто не помнил. Сведения о его деле были крайне скупы, но и они уже обрастали подробностями. Диссиденты стали вдруг вспоминать, как кто-то неизвестный, никем не видимый, иногда называвший себя по телефону именем Олег, помогал им. Предупреждал об обысках и арестах. Доставал и передавал пропуски на закрытые судебные процессы. Снабжал информацией, которой мог обладать только работник госбезопасности.

Потом выяснилось: человек-невидимка был капитаном госбезопасности Виктором Ореховым. Осужденным на восемь лет. Сгинувшим, как утверждали, в местах заключения. Впрочем, тут ходило несколько версий. Одни утверждали, что его навсегда погребли в психушке. Другие — будто он, искалеченный в лагерях, умер мучительной смертью. Третьи предполагали: он освободился, но живет замкнуто, чуть ли не под другим именем. В августе 1990 года в Ленинграде на съезде политзаключенных о нем говорили как о трагической фигуре минувших лет. Те, кто надеялся, что он еще жив, мечтали пожать ему руку.

Виктор Орехов жив. История его преступления и наказания записана у меня на магнитофонную пленку.

Арест

В тот день, перед тем как выехать на работу, он туда позвонил. Ему сказали: «Здесь тебя зажали». Он понял: случится сегодня. Но отступить было поздно, да и невозможно. Знал: за ним уже установлена «наружка»*, его телефоны прослушиваются.

В кабинете он снял пиджак — стояла жара невыносимая. Пошел по коридору к начальнику. Увидел: у окон, у лестницы маячили фигуры. Ага, вон и Толя здесь. Этот, молодой и спортивный, был ему особенно неприятен: Толю брали на самые «острые» дела. Это он в семидесятые годы на Пушкинской во время митинга в День Конституции изобразил возмущенную общественность, кинув в выступавшего А. Д. Сахарова заготовленный заранее целлофановый пакет с грязью.

Начальник велел надеть пиджак:

— Поедем в Лефортово.

— Зачем?

— Нужно провести служебное расследование.

Уточнять, почему его нельзя провести здесь, было бесполезно. Вернулся за пиджаком, заметив, как сдвигаются вслед за ним фигуры сотрудников. По лестнице шел в их плотном кольце. Успел подумать: уж не полагают ли они, что изловил в своих рядах опаснейшего шпиона?

Он был странно спокоен — сам потом удивлялся. Двигался, говорил, жестикулировал словно бы автоматически. Почему не боялся? Надеялся: его дело обретет огласку, дойдя до верхов КГБ и ЦК, и он сумеет доказать, что действовал не во вред стране, а во благо.

Сумеет всем раскрыть глаза на причины и смысл диссидентского движения. Он был тогда все-таки еще очень наивен (диагноз судебно-медицинской экспертизы: всмяем, но инфантилен). Верил: ни Андропов, ни Брежнев не знают всей правды о проблемах своей страны и особенностях работы госбезопасности, а вот теперь-то, после его громкого судебного процесса, наверняка узнают.

На первом допросе, через полтора часа. Орехов спохватился: попросил следователя отослать жене Нине два талона на посещение врача — сам ее записал, а то время пропустит. Следователь не выдержал:

— Да вы о чем думаете, Орехов?

И капитан Орехов немедленно ответил:

— О здоровье жены.

— О себе позаботьтесь. А жена, узнав, какой вам срок положен, тут же разведется.

— Да ни за что! Голову наотруб даю.

Следователь взглянул на него как на сумасшедшего.

Шел 1978 год. Прежде чем оказаться на скамье подсудимых, ему предстояло пройти через муку длинных, изматывающих допросов и освидетельствование в психиатричке, через утрату иллюзий о плохой осведомленности Брежнева и Андропова.

Следствие длилось немногим менее года. Его обвинили в том, что он, пользуясь служебной информацией, помогал диссидентам, покушавшимся на основы нашего строя.

* Наружное наблюдение.

USSR TODAY

No.

SOVIET MEDIA NEWS AND FEATURES DIGEST

COMPILED BY RFE/RL RESEARCH INSTITUTE MONITORING

ПОДРОБНОСТИ ДЕЛА БЫВШЕГО КАПИТАНА КГБ ВИКТОРА ОРЕХОВА 3

Судил его трибунал. Процесс был закрытым. Его осудили на восемь лет. Все восемь он отсидел — от звонка до звонка. Ни в нашей, ни в зарубежной печати об этом процессе не сообщалось.

«Я был закоренелым коммунистом»

Виктор Орехов стал мечтать о разведработе в армии, когда служил в погранвойсках, на контрольно-пропускном пункте, в Батуми. Учился он в Высшей школе КГБ в конце шестидесятых.

В «Вышку» (так сокращенно слушатели школы называли свое учебное заведение) входили по удостоверениям, и Виктор втайне гордился этим. На улице, в толпе ловил себя на мысли: он среди прохожих такой, как все, а ведь на самом деле это не так, он особенный! Не каждому было дано здесь учиться. Всех поступающих в «Вышку» тщательно проверяли — их рабоче-крестьянское происхождение. Даже предметы здесь были засекречены и обозначались номерами. Преподаватели же — люди военные, иногда приходили на лекции в форме.

Одна подробность портила картину. Он обнаружил: здесь не жалуют тех, кто задает много вопросов. А Виктор любил спрашивать. Может, оттого, что родом из крестьян, склонен к дотошной обстоятельности и всегда старался дойти до сути. Споткнулся же он на прошлом органов госбезопасности: чем объяснить массовость репрессий в 30—50-х годах? Какова цифра жертв этих лет? Что сделано, чтобы такое не повторялось?

Странно, но вопросы Орехова воспринимались преподавателями как попытка утвердить собственную, ни на чем не основанную точку зрения. Виктора даже как-то обвинили в демагогии. После чего в личном деле появился документ, который обращал внимание на одну из черт его характера: «...Любит спорить с начальством».

Возникли у него вопросы и по делу Даниэля и Синявского. Они были осуждены по 70-й статье — за антисоветскую агитацию и пропаганду, считались тайными сотрудниками ЦРУ (в чем Орехов тогда ни минуты не сомневался). Но эффект от их подпольной деятельности, то есть от публикации за границей собственных литературных произведений, представлялся Виктору если не нулевым, то крайне мизерным. Запустить из-за рубежа к нам их издания массовым тиражом было невозможно — Орехов это знал, так как служил на границе и отлично представлял себе, что такое тщательный таможенный досмотр. Читать по радиоголосам бессмысленно — их тогда так глушили, не пробьешься.

Единственно убедительным объяснением ему показались слова об опасности идеологической диверсии, которую надо пресекать в зародыше. Диверсия эта представлялась ему особо коварной. От хитроумно сочиненного произведения тысячи простодушных советских граждан могли засомневаться в правильности выбранного пути. Сомнения же он тогда считал страшной заразой, подобной массовой эпидемии — вроде чумы или холеры.

Издержки

В органы госбезопасности Виктор пошел выявлять мешающих.

Главными из мешающих, как он тогда считал, были не коррупционеры и взяточники, не руководители-халтурщики, по чьей вине гибли сельское хозяйство и промышленность, а инакомыслящие. Диссиденты. Болтуны-провокаторы, распускающие о нашей стране клеветнические слухи.

Орехов не сразу стал бороться с ними. Вначале, в одном из московских райотделов госбезопасности, ему поручили «обслуживать» институт, где учились иностранцы. Ни одного шпиона выявить не удавалось, но Орехов стрательно создавал там, среди студентов, свою агентурную сеть.

Уже тогда его стала коробить несообразность масштаба их работы с результатами. Вначале обижался: почему его донесения и рапорты, как он заметил, начальство не читает? Потом понял — незачем. Эти бумажки нужны для отчета. Но тогда к чему такое количество агентов? Ведь с каждым приходилось специально беседовать, и не один раз. Приемы вербовки не отличались благородством. Приходилось запастись компроматом, чтобы в критический момент припугнуть тех, кто не соглашался.

К тому же существовал план по вербовке. В конце квартала начальство нервничало: горим. Призывало «поднажать». Легче всего планы выполняли за счет наркоманов и прости-

88

туток. Наркомана достаточно было задержать на несколько суток, он на второй или третий день «ломался». Стоило в этот момент положить перед ним шприц, и подписка о сотрудничестве обеспечена: готов подписать все, лишь бы уколотся. А проститутке грозили высылкой за пределы Москвы, что означало лишить ее валютных доходов.

Виктор эту особенность их работы объяснял спецификой. Но и в ней были моменты, которые его, уже профессионала, «били по нервам». В посольства и торгпредства — он знал — направляют на работу привлекательных женщин. Как только замечают, что они становятся объектом внимания, с ними беседуют, подталкивая к физической близости с иностранцем — «для лучшего контакта». Тем, кто, не соглашаясь, заикался об «измне мужу», говорили: «Вы выполняете задание родины». И женщина выполняла его. За двойную плату — иностранца и того, кто ее «курировал». Но и такой ценой ничего, кроме мелкого компромата (постельные сцены снимали приборами ночного видения), получать не удавалось.

Из переписки Орехова с женой*

«...Можно прожить всю жизнь вместе, есть икру, бывать в фешенебельных кабаках и не ответить в конце жизни на простой вопрос — счастлив ли ты был? Если мне придется умереть через секунду после того, как допишу эти строки, я все равно скажу тебе — да, я испытал счастье. Счастливыми были и годы, и минуты, даже мгновения, за которые можно отдать годы... Приближается конец срока, а я все больше убеждаюсь — иного выхода в тот период у меня не было. Все было правильно, я все сделал так, как меня учили в жизни хорошие люди, умные книги... Просто всего не предусмотреть...»

Капуста под снегом

Его дотошность граничила с занудством. Ну, прочитал он в самиздате, потом слышал, как пересказывали, будто в Липецке капуста под снег ушла. А неубранный хлеб, подумать только, сожгли. Ведь уверен был: клевета. Провокационный слух. На этом бы и остановиться. Нет, задумал проверить. У него был отличный источник информации — два десятка общежитий лимитчиков. Поехал, походил по коридорам, нашел липецких. Но... не получилось опровержения. Подтвердили: да, под снегом капуста. И хлеб сожгли, чтоб глаза не мозолил. Значит, не врет самиздат? А почему молчат газеты? Где гласный судебный процесс над хозяйственниками, сотворившими такое?

А тут случилось ему оказаться прикомандированным «администратором» к театральному коллективу, поехавшему с гастролями в Японию. Присматривая за артистами и их неустойчивыми настроениями, Орехов успел разглядеть: частная собственность и свобода предпринимательства, оказывается, превратили «загнивающий» капитализм в процветающий.

Вернувшись домой, он в отпуск поехал в Путивль повидать родные места, завернул на свой хутор, побывал в окрестных селах. Контраст ошеломляющий! Брошенные дома, заколоченный магазин, одинокие старухи, колхозная земля, зарастающая бурьяном. Чем дальше, тем больше смущали Виктора Орехова трибунные речи. Ощущение, будто выступавшие жили в другом мире, где никогда не горит хлеб и не уходит под снег капуста.

Как-то разговорился со своим коллегой. Тот рассказывал: однажды он вместе с молодыми социологами разработал систему анонимного опроса, пошел к своему начальству. Система позволяла выявлять общественное мнение с максимальной объективностью. Отпадала необходимость в кустарных предсъездовских сборах информации с последующей ее селекцией. Начальство — ему: «Тебе делать нечего? А что думает народ о партии, сама партия и без тебя знает». И на следующий же день с подачи начальства об этом реформаторе пополз слух: мол, с головой у него что-то. Говорят, с мотоцикла упал.

Эту странность Орехов заметил в первый же год работы: негативная информация о парторганах блокировалась. Казалось бы, партия должна очищаться от всего плохого, а тут... Как-то появились у них данные на человека, работавшего за границей. Выяснилось: он там служебные связи

превратил в средство обогащения. Потянулась ниточка и в Москву. Но только было попытались установить за ним наблюдение — звонок от родственника, работающего в ЦК. «Наружку» сняли немедленно.

Уже работая в областном управлении госбезопасности, Орехов понял: их информация, прежде чем попасть в прокуратуру и в суд, проходит сквозь партийное сито. Только если из обкома дадут «добро», информация пойдет дальше. Не потому ли коррупция, взяточничество, протекционизм в партбюрократии стали привычным делом?

А эпизод, который случился чуть позже, окончательно выбил его из колеи. В поле его зрения давно была особа, щеголявшая в подпивших компаниях специфическими для работников госбезопасности словечками. Кто она? Провокаторша?.. Цель ее действий?.. Орехов пригласил ее на беседу. Держалась с наглостью, уходила от ответов. Пока не поняла: у Орехова на нее «информация». Стала рассказывать. Она, оказывается, вхожа в особую компанию. Там — крупные партработники и «гэбисты». Развлекаясь, не стесняются говорить о своей службе, как о надоевшем хобби. Откровенно циничны. Как-то в сильном подпитии один из этих людей ткнул пальцем в экран телевизора, где показывали встречу иностранной делегации: «Вот эта переводчица — наша агентесса... Завтра навалает донесение...» По описанию Орехов понял: многих из той компании он знает в лицо. Но с одним из них знаком близко. Это был один из его начальников.

Орехов тогда впервые понял: выступи он сейчас с разоблачениями, его уничтожат вместе с этой болтливой особой. Он так был потрясен своим открытием, что у него на лице появились аллергические пятна. Два месяца ходил к врачу, чтобы их вывести. Начальник, встречаясь с ним, шутил: «Орехов, а ты никак выпивать стал? Смотри, сопьешься».

Из переписки Орехова с женой

«...Ты и все мои родственники пишете, что надо терпеть. Но не потому ли мы так и живем, что без конца терпим?.. Вот, например: по тем жалобам о беззакониях, о ненормальных условиях в нашей зоне вело проверку — кто бы выдумали? — наше лагерное начальство... Я хорошо понимаю, что оно внимательно прочтет это письмо, но я не собираюсь менять свою позицию. Все равно о здешних злоупотреблениях станет известно всем. Я же оказался оплеванным, ведь по моим жалобам «факты не нашли подтверждения». И хотя вы все стараетесь меня успокоить, осуждаете затеянную мной голодовку, я стою на своем: у меня все-таки остался один весомый аргумент — это моя жизнь. И если возникнет необходимость, то я отдам ее, чтобы отстоять свою честь. Поймите меня — нет у меня другого способа остаться человеком...»

* Письма цитируются с разрешения автора.

«Завтра к вам придут...»

И еще одна особенность нашей жизни удивляла Орехова. Те, кто читал и передавал другому диссидентскую литературу, в общем-то не очень боялись. Хотя знали: за это сажают. Чем объяснить — простодушием? Надеждой на снисхождение? Уверенностью, что ничего преступного не совершают?

Вот перед ним студентка, лицо совсем детское. Читала тамиздатовскую книгу — о политической системе СССР. Скрупулезный анализ бюрократической машины. Вывод: система развалится. Никаких вмешательств извне — она «съест сама себя». Он, Орехов, обязан выяснить, откуда эта книга. На студентку «пришла бумага». Донос. Документ занумерован, остановить ход дела невозможно.

Девушка не сразу это понимает. Наконец лицо изменилось. Дрогнули губы. Нет, в перспективе пока не тюрьма. Но исключение из института — реальность. Откуда книга? Подруга дала. На следующий день приходит с подругой. Орехов, всматриваясь в их испуганные лица, думает: придется выявлять всю цепочку. Друг друга многие в лицо не знают, а образовалась преступная группа. Если следовать букве закона — распространяли клеветнические сведения, направленные на подрыв. Лет пять колонии и три года ссылки.

За что? За то, что знакомились с иной точкой зрения на нашу жизнь? За то, что пытались понять причины наших затянувшихся на десятилетия бед? А разве он сам, Орехов, не пытался понять, читая конфискованные книжки? Почему ему можно, а им, студентам, нельзя? И при чем здесь органы госбезопасности? Речь идет об убеждениях, значит, заниматься этим должна КПСС. Ведь задача партии — формировать взгляды. В том числе и в дискуссиях.

Орехов положил перед студентками по листу бумаги. Велел написать: да, действительно такая-то передала такой-то эту ужасную книгу, прочитанную из праздного любопытства. А купила ее у магазина «Детский мир» на книжном черном рынке, у какого-то пьяницы, да и то только потому, что цена была низкая.

Ну, ладно, молодых, неоперившихся понять можно: легкомысленны. Не понимают, что могут попасть в картотеку. А она незримо следует за человеком, притормаживая его служебный рост. Но вот те, кому за сорок, кого жизнь не раз прочлила, — они-то почему не боятся? Ксерокопируют. Раздают друзьям и знакомым. «Профилактические» беседы с ними Орехову были крайне интересны.

Ему объясняли: разве в этой деятельности есть криминал? Ведь в Конституции декларирована свобода слова. К тому же они не скрывают своих взглядов. Шлют руководителям партии и правительства открытые письма с анализом социально-экономической ситуации. Да, потом письма размножаются. Их рассылают по редакциям. Они попадают и за границу. Но ведь письма — открытые! Вот, пожалуйста, посмотрите копию.

И Орехов смотрел. Ощущение, будто с глазами что-то происходило. Текст, лишенный привычно-догматических фраз, буквально впечатывался в сознание. То, что ему, Орехову, казалось запутанным, там объяснялось с потрясающей душой простотой и ясностью. Становилось понятным, почему на его родине, под Путивлем, разорена земля, по всей стране один дефицит сменяет другой, а на экране телевизора возникает престарелый руководитель страны, в очередной раз получающий звезду Героя. Потому что есть у нас одна главная нехватка — дефицит правды. Орехов видел, что люди, прозванные в прессе диссидентами, готовы были ради правды — на все. И чем больше он всматривался в них, тем больше они ему нравились. Они были до конца честными.

Но работать капитан Орехов продолжал. Собирал информацию о диссидентах через агентурную сеть. Вел профилактические беседы, которые, правда, теперь затягивались. Выезжал с опергруппой на обыски. Однажды искали тетрадь со стихами, известными, по донесению агента, как порочащие наш строй. Автор стихов стоял тут же, в комнате, среди развала книг и рукописей. Тетрадь попала в руки Орехову. Он пролистал ее, мельком вчитываясь, понял — это она, взглянул на хозяина. Тот был бледен, но взгляда не отводил. Орехов еще раз пролистал и протянул ее хозяину, пробормотав: «Это нам не нужно, кинь вон туда». И тетрадь сгнула в кипе просмотренных уже бумаг.

А вскоре в квартирах, где намечался обыск, стали раздаваться телефонные звонки. Незнакомый голос предупреждал — уберите компромат, завтра к вам придут.

Из ответа пом. прокурора Мачехина В. П. гражданке Ореховой

«Осужденный Орехов В. А. в общественной жизни отряда участия не принимает. Встал на путь нарушения режиссных требований... Совершенного преступления не осуждает...»

Операция «Улика»

Об этом человеке знали: общается с известными правозащитниками, распространяет «Архипелаг ГУЛАГ». Инженер. Сорок пять лет.

На него был заведен ДОП (дело оперативной проверки). А в тот день он позвонил знакомому, работавшему в институтской фотолаборатории. В разговоре мелькнуло: «Привезу «Сказку». За обоими выехали машины. Фотомастера взяли в лабораторию. Инженера — у подъезда.

Орехов был в машине, когда инженер Морозов вышел из дому. Среднего роста. Черняв. Портфель оттягивает руку. На предложение пройти в машину сказал довольно спокойно: «А зачем, собственно...» Он и в кабинете на собеседовании не особенно волновался. Коллега Орехова, старший по чину, вел разговор напористо:

— Мы знаем, что у вас в портфеле. Рекомендуем все рассказать.

— А откуда знаете? Телефон прослушивали?

— Ну, совсем необязательно.

... Тогда считалось неудобным сознаваться в этом грехе.

— Вы хотите сказать: лаборант сам на себя донес?

Разговор не клеился, и старший по чину оставил Орехова

ПОДРОБНОСТИ ДЕЛА БЫВШЕГО КАПИТАНА КГБ ВИКТОРА ОРЕХОВА

6

одного — вести профилактическую беседу. Цель — склонить Морозова к сотрудничеству. Орехов понимал: попытка безнадёжная. Морозов уверен, ничего противоправного ни он, ни лаборант не совершили. Кто доказал, что «Архипелаг» — клевета? Чьим решением запрещена книга?

Орехову это бесстрашие импонировало. Морозова Орехов тоже, видимо, заинтриговал: этот странный оперативник явно интересовался их движением не по службе, а «от себя».

— Ну, если вы рассчитываете на мою откровенность, — сказал ему Морозов, — зачем меня считать дураком?! Ведь о том, что я выхожу из дому с «Архипелагом», узнал только лаборант, и только — по телефону.

Орехов признался: да, ваш телефон прослушивается. Это было началом разглашения государственной тайны — такая статья Уголовного кодекса будет потом ему инкриминирована. Орехов понимал, на что идет, — он тоже сделал свой выбор. Потому что уже тогда считал еще большим преступлением преследование правозащитников.

Затем они стали встречаться с Морозовым по-приятельски: тот снабжал Орехова правозащитной литературой. Подолгу разговаривали. Кое-что Орехов записывал. Он полагал, что сможет из этих заметок составить объективную характеристику правозащитного движения. Верил, что убедит — нет, не своих начальников, а высшее руководство КГБ и страны: эти люди хотят добра. Копил аргументы. Знал — его в конце концов вычислят, ведь у них существовал специальный отдел — для разработки своих же сотрудников. Конечно, он мог остановиться. Отступить. Даже сменить специальность. Многие так и поступали, текучка в их отделе была большая. Уходили чаще всего «по язве желудка» — о диагнозе договаривались с врачами. Хотя диагноз был другой — тошнило не от язвы, а от работы. Этот вариант Орехов для себя не исключал. Но дело в том, что он все больше привязывался к людям, которым помогал — теперь через Морозова. «Если они рискуют, — думал Орехов, — то неужели я не могу?» К тому же он видел: они рискуют не ради личного благополучия.

Все-таки они, эти диссиденты, думал Орехов, поразительно доверчивы. Им легче обмануться, чем залодозрить человека. Никак не могут привидеть к мысли, что их разговоры бывают слышны сквозь множество стен, если среди них человек с микроскопическим, заколотым, как булавка, радиопередатчиком. Что квартиры самых известных диссидентов не только прослушиваются мирно лежащим под паркетом «жучком», передающим все голоса в стоящую на улице, за углом, машину. Но и просматриваются. Конечно, аппаратура недешево стоит, зато проста в употреблении. Ее глазок, чуть крупнее макового зернышка, выведен через потолок, совершенно незаметен, а изображение происходящего в комнате четкое, как на экране хорошо отрегулированного телевизора.

Правда, были сложности с установкой. Приходилось изучать биографии жильцов почти всего подъезда: кто был судим, есть ли родственники за границей, у кого какие мечты. Пенсионерам вдруг приносили льготные путевки в престижные дома отдыха, куда они безуспешно пытались попасть несколько лет. Работавших вызывало начальство, спешно отправляя в отпуск, к теплomu морю. К моменту «икс», когда семейство диссидента отлучалось в запланированный отпуск, соседние квартиры тоже оказывались нежилыми, и «ремонтники», проверяющие электропроводку, без риска быть замеченными сверлили в нужных местах стены, потолки, пол, искусно маскируя тончайшую аппаратуру.

Лишь в особо экстренных ситуациях обходилось без такого выселения — тревожили верхних или нижних соседей диссидента, представляясь работниками уголовного розыска (для прикрытия существовали специальные удостоверения). Объясняли: из вашего окна удобно наблюдать за тем вон домом; там, по не проверенным пока данным, нашли пристанище особо опасные преступники. Затем в предоставленной комнате появлялись все те же искусные «ремонтники».

Сколько драгоценной техники, высочайшего мастерства и, конечно же, средств уходило лишь на то, чтобы уличить человека в элементарном инакомыслии!.. Да не для того ли это все делалось так масштабно, с таким потрясающим бесстыдством, чтобы оправдать существование громоздкой системы тотальной слежки?! К тому же охота за диссидентами могла быть неограниченно результативной. Стоило спустить директиву об усилении борьбы, нехватку шпионов легко было компенсировать теми, с кем проведены предупредительные беседы.

90

Были, надо сказать, сложности с уликами. Те, кто ждал обыска, успевали освободить квартиру от всего сомнительного. Ну и тут у оперативников оставалась возможность «вдруг обнаружить» в письменном столе мелкокалиберные патроны. Или, например, упаковку наркотика. Такие «улики» упрощали процесс превращения инакомыслящего в уголовника. Правда, очень мешало операции одно положение уголовно-процессуального кодекса: всех приезжавших к хозяйну квартиры положено впускать, но до конца обыска (а это длилось по 12—18 часов без перерыва) — не выпускать.

Случалось нелепое: в тесную квартиру вдруг набивалось два-три десятка человек, непонятно как подгадавших приехать к самому началу. Они торчали во всех углах, фиксируя каждое движение оперативников, что-то пометая в блокнотах. Как же они раздражали! Под их перекрестными взглядами подложить «улику» было невозможно — одно неловкое движение, и скандал с выходом на зарубежные «голоса» обеспечен.

Но ведь кто-то же успел их оповестить о выезде бригады на обыск? Кто?..

Из наброска письма В. Орехова в Политбюро ЦК КПСС, написанного после ареста

«...До каких пор мы будем уклоняться от того, чтобы все называть своими именами? Кого мы боимся? Должностных лиц, надевших маску?»

Когда следователь спросил меня с удивлением — «Неужели вы собирались бороться с органами госбезопасности?» — я ответил, что за справедливость и честность готов бороться с кем угодно...»

Из материалов уголовного дела

...В декабре 1976 года Орехов сообщил Морозову о предстоящем обыске у гражданина Слепака, зимой 1977 года — данные о лице, сотрудничавшем с органами КГБ, весной 1978 года — данные о другом лице, также сотрудничавшем с органами КГБ.

В январе 1977 года Орехов предупредил о предстоящем аресте Орлова, в феврале 1977 года — о проведении специальных оперативно-технических мероприятий в отношении Шаранского и о предстоящих обысках у Лавута и других граждан.

USSR TODAY

No.

SOVIET MEDIA NEWS AND FEATURES DIGEST

COMPILED BY RFE/RL RESEARCH INSTITUTE MONITORING

ПОДРОБНОСТИ ДЕЛА БЫВШЕГО КАПИТАНА КГБ ВИКТОРА ОРЕХОВА **7**

Орехов, зная, что Морозов имеет отношение к изготовлению и распространению антисоветских листовок, разгласил данные о проведении оперативно-технических мероприятий в отношении Морозова, а также в отношении Гринвиной и Сквирского. Получаемые от Орехова сведения Морозов передавал своим единомышленникам.

По заключению экспертов, сведения о методике и опыте практического проведения нескольких видов оперативно-технических мероприятий являются совершенно секретными и составляют государственную тайну.

Пропуск в историю

Почему Морозов заговорил о дочери? Некому исповедаться? Наболело? С женой в разводе, с дочерью в ссоре. Подозревает: именно дочь-студентка, видевшая у него фотокопию «Архипелага», вначале проболталась знакомым, а потом, приглашенная (как он предполагает) на беседу с сотрудником госбезопасности, выдала папеньку. А иначе с чего бы началось прослушивание его телефона, а затем слежка за ним и его приятелем-лаборантом? Он был так уязвлен, что назвал дочь «Павликом Морозовым». Сказал ей: «Фамилию можешь оставить, совпадает, а имя поменяй».

Орехов проверил все, что имело отношение к началу разработки Морозова. Сказал ему: «Дочь ни при чем. Помиришься с ней». Морозов не поверил. «Не могу ж я тебе секретные бумаги вынести!» — рассердился Орехов. «Поклянись», — попросил Морозов. И Виктор поклялся именем матери. А через несколько дней спросил, виделся ли он с дочерью. Да, виделся. Помирился. Спасибо. Помолчал, Морозов добавил: «Она плакала». И еще через минуту: «Ты мне вернул дочь, я тебе обязан...» Дрогнувший голос. Неловкий жест. Орехов возразил: «Ты мне ничем не обязан». Эмоциональность Морозова показалась ему чрезмерной. Человек, рискующий собой, на взгляд Орехова, должен владеть чувствами безукоризненно, иначе подведет других. Хотя Морозова можно понять: он, видимо, очень тяготился ссорой с дочерью... Так думал Орехов, заглушая в себе предчувствие близящейся опасности.

Говорил он им о микропередатчиках. Их легко вмонтировать в одежду. Да, нужно проверять. Как? На ощупь. И все-таки один из Хельсинкского комитета долго носил в воротнике пальто шитую «мушку». Каждая его реплика, каждый вздох ретранслировались в сопровождавшие его автомобили «наружки». Как «мушка» там оказалась? Вспомнил: его вызывали на беседу, и он оставил пальто в приемной.

Председателя Хельсинкского комитета Юрия Орлова предупреждение Орехова застало в очень неудобный момент — у него была намечена пресс-конференция с зарубежными корреспондентами. Уйти? Уехать? Но у подъезда уже томились скукающие фигуры, а в окрестных переулках стояли автомобили «наружки». В них отлично прослушивалось все, о чем говорили в квартире. Но и те, кто был у Орлова, хорошо это знали. Сам Орлов, переодевшись, незнанным миновал стоявших у подъезда, затем оказался далеко за пределами оцепленного микрорайона, а в это время сидевшие у него друзья имитировали шумный спор с ним, громко называя его по имени. Когда за Орловым приехала группа задержания, ее ждал сюрприз: кандидата в подследственные в столь тщательно оберегаемой квартире не оказалось. Конечно, жить нелегально Юрий Орлов не мог, да и не собирался. Но те десять дней свободы, которые он вырвал у своих преследователей с помощью Орехова, помогли ему на одной из московских квартир провести с зарубежными корреспондентами намеченную раньше пресс-конференцию.

Их тогда брали одного за другим. В марте 78-го по Москве разошлись листовки, сообщавшие об арестах Орлова, Шаранского, Гинзбурга. Текст заключали слова: «Позор КГБ». Орехов оказался включенным в «группу по выявлению» изготовителей листовок. Он заскакал к Морозову на такси. У Морозова были гости, пришлось говорить на кухне. Туда заходили, и разговор получился клочковатым. Но главное Орехов сказать успел: нужно готовиться к возможному аресту. Версия их отношений — беседа с целью вербовки. Сегодня же, лучше сейчас, убрать из квартиры заготовки к листовкам. Предупредить всех, кто имел к ним отношение.

Морозов сосредоточенно кивал. Казалось, тщательно просчитывал свои действия на ближайшие дни и недели. Прикидывал, как «лечь на дно». И вдруг оглушил Орехова просьбой: нужен пропуск на суд. Он должен быть там, где будет процесс над Орловым... Там, где каждый третий — сотрудник госбезопасности, где Морозов наверняка столкнется с тем, кто однажды убедил его, будто его телефон не прослушивается... Бесстрашие? Или безрассудство?

Орехов достал ему этот кусок плотной бумаги с оттиском одного слова «Пропуск». Там не было фамилии, проставлено лишь число. Морозов, благополучно миновав оцепление милиции, затем — людей в штатском, в коридоре суда ткнул не в ту дверь и услышал оклик. Он всмотрелся — лицо было знакомым. Один из тех, кто сопровождал его в машине с Ореховым.

Как вы оказались здесь? Пропуск? Откуда? Нашли? Где? Возле вашего дома? Очень интересно!

Нет его не задержали, отпустив с миром. Морозов нужен был сотрудникам госбезопасности на свободе.

Вызов из отпуска

Из отпуска его отозвали на неделю раньше. Сказали: много работы. И в самом деле, все какие-то дерганые. «Директива, наверно, спущена. — подумал Виктор. — верх требует усилить, улучшить». В первый же день в коридоре столкнулся с группой своих — шли плотной толпой, лица отрешенные. Прошелся по кабинетам. В разговорах «про жизнь» спросил между прочим, куда это такой толпой двинулись сотрудники. «Да к Сквирскому. — ответили ему. — Там мероприятие».

Он взглянул на часы и пошел вниз, к выходу. На улице резко свернул в проходной двор. Полождал. Хвоста не было. Позвонил из телефона-автомата Морозову.

— Где Сквирский? — Должен завтра приехать. — Кто у него дома? — Никого. — Теперь там хорошая вентиляция. Боюсь — простудится...

А вдруг это мероприятие — фикция?.. Попытка проверить, через кого уходит информация. И он, Орехов, в попытках проглотил наживку? Телефонный разговор, конечно, остался на пленке.

Несколько дней Орехов выжидал. Вматривался в лица — та же отрешенность. Пытался говорить. В ответ — скудные, вялые реплики.

Вдруг заметил: ему не дают сводок. Вызвали из отпуска, а серьезных поручений нет. Он знал, где лежат сводки, хватило нескольких минут пролистать. Ни в одной ни слова о мероприятии у Сквирского. Обычно после установки оборудования информация начинает поступать на второй, в крайнем случае на третий день. Может, Сквирский не вернулся? Позвонил ему. Трубку сняли, и в нее ворвался гул голосов — квартира, как всегда, битком набита. Так. Все ясно. Мероприятия не было. Значит его, Орехова, уже разрабатывают.

Вечером, дома, предупредил жену: возможны неприятности. Ничего особенного — служебное расследование. Немного потреплют нервы.

Орехов заметил «наружку». Эти три «Волги», обгонявшие друг друга, менявшие номера по нескольку раз в день, в общем-то ничем особенным не выделялись. Но куда денешь отрешенные лица сидящих? Их внимательно-равнодушные взгляды? Точно рассчитанные движения? Орехов понимал: эта команда из шестнадцати человек сейчас фиксирует каждый его шаг. И, наконец, день, когда ему по телефону сказали: «Здесь тебя заждались».

Через месяц пришлось расстаться с надеждой, что о нем доложат Андропову и «его люди» поведут следствие, а высшие чины с Лубянки захотят с ним, Ореховым, побеседовать. Оказалось: его анализ причин диссидентского движения никого там не интересует.

Тогда он стал защищаться, утверждая: никому ничего не передавал. Звонил он только из телефонов-автоматов, голос на пленке из-за плохой слышимости идентифицировать невозможно.

Но Морозов на следствии и на суде, начиная свои показания словами: «Я обязан Орехову, он помирил меня с дочерью», — подробно рассказывал, какие и кому передавал сведения от Орехова. Он знал, ради чего старался. Его осудили на четыре года ссылки.

Орехов же получил восемь лет лагерей.

Встреча на Кропоткинской

Он вернулся. Работал на фабрике грузчиком. Потом юрисконсульт. Недавно открыл кооператив — шьет теплые куртки. Ощущение необыкновенное, когда видит прохожих на улицах Москвы в своих куртках: будто все эти люди — его друзья.

Орехов ничего не знал о своих единомышленниках. Не знал, что его имя среди диссидентов, несмотря на закрытый суд, стало известным, а потом превратилось в легенду. Его долго не могли найти, считали погибшим, а многим он стал казаться просто мифом. Морозова, единственного из диссидентов, кто знал его в лицо, уже не было в живых — он повесился в Чистопольской тюрьме, получив вторую судимость за распространение «Архисллага» среди ссылнопоселенцев.

И все-таки они встретились. У метро «Кропоткинская», на Гоголевском бульваре, на подтаявшем мартовском снегу, под пронзительным воробьиным трезвоном стояла группа людей. Орехов подошел к ним. Его буквально прижали к газетной витрине, забрасывая вопросами.

Его трогали за локоть так, будто старались удостовериться — живой. Ему пожимали руку. Перед ним винулись: не смогли тогда, в те годы, найти его. Если бы знали, в каком лагере он находится, попытались бы помочь ему и его семье.

Его спрашивали, протянув к нему диктофоны, приготовить блокноты, что нужно, на его взгляд, сделать, чтобы охота за инакомыслящими не повторилась. Конечно, деполитизировать госбезопасность, отсвечал Орехов. КГБ должен стать подконтрольным не ЦК КПСС, а парламенту. Он говорил то, что сейчас уже растиражировано чуть ли не всеми газетами. Но его слова обладали иным весом.

И еще спросили Орехова: почему все восемь отбыл целиком — без условно-досрочного освобождения? «Не заслужил», — усмехнулся Виктор. — Вы же знаете, как это бывает». Они, стоявшие вокруг, знали. Многие из них прошли через лагеря и ссылки. Так вот, и там, в зоне, Виктор не успокоился — отправлял письма в инстанции. Лагерное начальство квалифицировало их как клевету на порядок, за что Орехов не раз сидел в штрафном изоляторе. Дважды он объявлял голодовку. Словом, не раскаялся. Выпущен был ровно через восемь лет.

СОТРУДНИКИ КГБ ..БЫЛИ "КАМИКАДЗЕ" В КОСМОСЕ ?

26. Juli

"Сов.Молодежь" № 81 (4.6.91) с.5

ЧЕКИСТЫ В КОСМОСЕ

О КОСМОНАВТАХ, начиная с полета Юрия Гагарина, у нас всегда писали много и подробно. У всех на слуху были их имена, названия кораблей - "Восток", "Союз", "Буран"... Казалось, мы все знаем о достижениях советской космонавтики, о ее героях.

Но это не так. Есть люди, о которых с первых робких шагов в космос у нас в стране знали единицы. Об этих людях не писали газеты, не сообщало радио. Их никогда не показывали по телевидению. Даже на Байконуре о них знали только два-три конструктора, отправлявших в космос очередную беспилотную станцию. Сегодня мы впервые начинаем разговор о космонавтах-ис-

пытателях, не раз уходивших в космос за минувшие тридцать лет. Иногда почти без шанса вернуться. И всегда без надежды на то, что их имена будут узнаны современниками. Кто они? Что совершили эти люди для советской космонавтики? Получить ответы на эти вопросы мы смогли только сегодня, после встречи с Вадимом ПЕТРОВЫМ, сотрудником КГБ, отвечавшим все эти годы за безопасность и тайну личности наших космонавтов-испытателей. Сегодня этот человек доступен для интервью. Недавно, выйдя на пенсию, он крепко связал свою судьбу с Олегом Калугиным и, последовав его примеру, рассказал многое.

СОТРУДНИКИ КГБ (2)

26. Juli 91

- Зачем нужно было городить столько секретов, зачем было скрывать от народа целую плеяду героев, даже саму их профессию замолчать, как будто ее нет вообще?

- Да, действительно, космонавты-испытатели - это вам не летчики-испытатели. О последних мы по крайней мере знаем, что они существуют на свете. Знаем некоторые имена. О космонавтах-испытателях, кроме меня, до недавнего времени знали только Генсек КПСС, шеф КГБ и несколько врачей, конструкторов, операторов. Всего не больше пятнадцати человек. Это была одна из самых больших государственных тайн эпохи застоя, таковой она остается, видимо, и поныне. Но я не могу больше молчать.

- Что же это за люди?

- Наш отряд был создан еще до полета Гагарина по инициативе тогдашнего шефа КГБ Семичастного. Тогда у КГБ еще не было уверенности в том, что автоматика, которой оснащались беспилотные станции, будет надежна - а на карту в этих полетах ставился престиж Страны Советов, престиж партии. Наши беспилотные станции должны были летать безупречно и всегда возвращаться.

И вот тогда решили: ставить на некоторые из этих станции пилотный модуль, чтобы находившийся в нем космонавт корректировал выход на орбиту и другие маневры ручным управлением, передавая все сведения на Землю по возвращении. Так, по мысли шефов КГБ, обеспечивались двести процентов надежности полета и отработывались системы управления как ручного, так и автоматического. В отряд набирались только добровольцы из КГБ, вызываемые на собеседование после заочного предварительного отбора. Все прошедшие собеседование и все не попавшие в отряд всегда давали подписку по

форме "три нуля" - высшая степень секретности.

Я ничего не знаю о первых полетах этих парней, поскольку сам попал в отряд только в 1969 году, когда полным ходом велись работы по созданию лунохода. Но судя по тому, что к полету на Луну

тогда готовились двое - 13-й и 14-й номера (имен, кстати, у них не было - только номера), - я полагаю, что до старта лунохода была уже дюжина испытательных полетов. Все мы знали, что 13-й и 14-й не вернутся из этого крайне сложного полета. Им предстоя-

ло, находясь в отдельном модуле рядом с луноходом, сразу после посадки исправить повреждения шасси, отладить настройку солнечных батарей и обеспечить наводку телекамер. Кстати, знаменитые съемки лунохода со стороны были сделаны именно этими

ребятами. Когда мы провожали 13-го и 14-го в лунный рейс, многие, даже выдавшие виды чекисты плакали. Но эти ребята не дрогнули и довели до цели корабль, обеспечили выполнение всех программ. Пожалуй, это самый трагический эпизод в истории со-

ветской космонавтики.

- А были эпизоды светлые?

- Ну а как же? Например, беспилотный старт "Бурана-1", наш парень там сидел - все прошло без сучка, без задоринки: в нужный момент взял управление на себя и выровнял корабль на орбите. Эти люди - настоящие чекисты, подлинные герои. Я понимаю, что даже сегодня партии нелегко, не роняя престижа, сказать правду об этих людях, вернуть Родине их имена, но это надо сделать немедленно. Поэтому я и даю вам это интервью. Я пенсионер. Мне терять нечего. Я до конца буду бороться за правду.

Александр СИДОРКО.

(Из "Мегаполис-экспресс".)

СТОЛИЦА № 24-25
1991КГБ СССР-АППАРАТ ТОТАЛИТАРНОГО ГОСУДАРСТВА
В ГОСУДАРСТВЕ, "ЗАКОН О ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ" ЛЕГАЛИЗУЕТ ЕГО ТАЙНУЮ
ВЛАСТЬ НАД ОБЩЕСТВОМ (1)Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

Валентин КОРОЛЕВ

стр. 19-21, 37-39.

НА ТАЙНОМ ПОЛЕ БРАНИ

«У чекиста должны быть чистые руки,
холодная голова и горячее сердце».

(Ф.Дзержинский, основатель ВЧК)

«У нас есть чем гордиться».

(В.Крючков, председатель КГБ)

Комитет в законе

В мае союзный парламент принял Закон об органах государственной безопасности в СССР, сохранивший самую мощную в мире политико-сысковую спецслужбу, наделивший ее неограниченными правами, гарантировавший особую личную и имущественную неприкосновенность сотрудников, агентов КГБ и членов их семей, превративший всех остальных в кандидатов на вербовку в качестве агентов Комитета: «Граждане СССР содействуют обеспечению государственной безопасности» (ст.6). Речь идет не о рекомендации содействия. Оно утверждено Законом как факт. С учетом нижеизложенных возможностей, форм, методов и целей бесконтрольной агентурно-оперативной деятельности органов КГБ Закон дает основания для серьезных размышлений всем, включая парламентариев, чья неприкосновенность ограничена во времени.

Закон максимально облегчил агентурно-оперативную работу, перечеркнув ради этого ряд статей союзной Конституции, в т.ч. гарантировавших неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений. Раньше чекисты нарушали их повседневно на основании секретных внутриведомственных нормативных актов. Теперь они будут делать это «на законном основании», несмотря на верховенство Конституции над всеми иными законами и любовью парламентариев к разговорам на эту тему.

Чтобы наделить «неприкосновенность жилища», чекисту уже не нужно брать с собой участкового или самому переодеться в милиционную форму. Не требуется и ордер на обыск, достаточно «последующего уведомления прокурора». Равно как при перлюстрации корреспонденции (ПК) и контроле технических средств связи. Это означает, что прокурора будут уведомлять лишь при наличии доказательств преступной деятельности «объекта» в то время как ПК и негласный служебный контроль будут осуществляться тотально, как и прежде.

Указанные в Законе основания для несанкционированного вторжения в помещения (непосредственное преследование преступлений, преследование подозрева-

емых и чрезвычайные обстоятельства) неконкретные. В планах многих оперативных мероприятий (установка микрофонов, негласный обыск и др.) всегда был обязательный пункт: «В случае появления в районе мероприятия объекта или его связей они будут доставлены в отделение милиции якобы в связи с внешним сходством с разыскиваемыми преступниками». Точно так же чекисты будут «ошибаться» теперь в отношении наличия в квартирах оружия, шпионских принадлежностей, наркотиков и т.д.

Наличие в КГБ следственных отделов сохраняет возможность примата ведомственных интересов над законностью при расследовании уголовных дел. В то же время рамки оперативных интересов КГБ настолько широки, что подразумевают агентурное проникновение во все государственные и общественные структуры, в которых Комитет и впредь обязан заниматься не только «режимом секретности», но и «другими вопросами государственности».

Нацеленность на тайную работу в обществе логически неотделима от порученной Комитету дальнейшей борьбы «с разведывательно-подрывной деятельностью иностранных спецслужб и иностранных организаций». На мой взгляд, Комитету следовало бы ограничиться борьбой с разведывательной, диверсионной и террористической деятельностью. Дело в том, что «подрывная деятельность» в трактовке «чекистской науки» означает нанесение ущерба не только экономической и оборонной мощи СССР, но и идеологическим устоям социалистического общества. Наличие в Законе термина «разведывательно-подрывная деятельность» резервирует за КГБ возможность возобновления борьбы с «идеологическими диверсиями» и осуществления функции политического сыска при одновременном указании Законом на то, что работники КГБ в своей деятельности «не связаны решениями политических партий и массовых общественных движений». Они «руководствуются требованиями закона». И этого Закона — в первую очередь.

Круг замкнулся, и из Закона о КГБ получилось дышло, которое «куда хочешь, туда и воротишь». Тем более что предусмотренные в нем ответственность сотрудников, контроль и надзор за их деятельностью носят чисто декларативный характер. Зато конкретны статьи, защищающие жизнь, здоровье, имущество, честь и достоинство сотрудников и агентов. Закон охраняет всех, кто в рядах органов ВЧК — КГБ противостоял, противостоял и будет противостоять народу.

Честь и достоинство советских чекистов позволяет им использовать в этом противостоянии не только те методы, которые разрешены принятым Законом (агентурное проникновение, ПК, негласный контроль технических средств связи) но и те которые не запрещены. Последний повод больше, негласный обыск, обра-

КГБ СССР - ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ (2)

ботка «объектов» и их вещей химическими и радиоактивными веществами; психологическое и физическое воздействие на подследственных с использованием внутрикамерной агентуры, информационного голода и других методов ведения следствия; планирование, причем не ограниченной вербовочной деятельностью; использование агентуры в политических целях; нейтрализация объектов с помощью агентов из числа психiatров; негласная цензура силами агентуры и офицеров действующего резерва КГБ, работающих в средствах массовой информации, творческих союзах и т.д.

Благодаря безграмотности и бесхребетности союзного парламента народ вынужден испытывать на себе плоды чекистской изобретательности и маяться в скрипучей телеге социалистической государственности, глаза на привинченном к ее оси дышло Закона о КГБ: куда-то из последних сил повернет его правящая партия?

Система

Нынешний КГБ представляет собой идеал тоталитарного государства в государстве и обладает структурами, необходимыми для автономного существования. У него есть свои заводы, научно-исследовательские институты, совхозы, дома отдыха, армия, флот, специальные средства и методы контроля за населением и воздействия на его поведение, различные виды вооружения, строительные войска и техника, транспорт, средства связи, различные, в том числе секретные, каналы материально-технического обеспечения, скрытый под вывесками различных министерств, ведомств и организаций бюджет.

Агентурно-оперативной работой среди населения занимаются десятки тысяч офицеров. Определенная их часть использует для этого прикрытия различных государственных и общественных структур. Это так называемые офицеры действующего резерва. Существует также большое число внештатных сотрудников КГБ — официальных представителей ведомства в различных организациях, включая гостиницы и мотели. Огромный аппарат негласных помощников состоит из агентов, доверенных лиц, содержателей явочных и конспиративных квартир. Негласные помощники КГБ живут почти в каждом доме. Туда, где их еще нет, непременно вхожа агентура из числа различного рода обслуживающих контор и организаций.

В ряде случаев в интересах КГБ используется не менее многочисленная агентура органов МВД. Согласно сложившейся практике и совместным приказам по КГБ и МВД оперативным начальником на каждой конкретной территории является начальник территориального органа КГБ — от райотдела и выше. Ему подчинены как военная контрразведка, так и милиция, что позволяет в необходимых случаях задействовать в контрразведывательных мероприятиях личный состав этих подразделений. Прочие задания КГБ выполняют и многочисленные агенты, работающие в органах МВД. Прокурорский надзор за оперативной деятельностью КГБ отсутствует полностью. Она совершенно бесконтрольна. Надзор за работой следственных подразделений КГБ осуществляют специально подобранные самими же «органцами» прокуроры, верхний контроль за которыми возложен на заместителя Генерального прокурора СССР генерала КГБ Абрамова.

Конечно, в подразделениях КГБ в той или иной сте-

пени отражаются все процессы, происходящие в экономической и общественно-политической жизни страны. Однако, в силу воинской присяги, партийной дисциплины, бесконтрольности и волюнтаризма, эти подразделения легко управляемы руководством «органов», не желающим «поступаться принципами». Кроме того, ведется постоянное воспитание сотрудников в духе корпоратизма, элитарности, «социалистического патриотизма», «социалистического правосознания», безоговорочной веры в авторитет руководителей КПСС и КГБ.

Думаю, ошибочно возлагать надежды на реальную реформу КГБ. Его аппарат не склонен к проведению такой реформы. Для него это было бы самоубийством, которое, естественно, не предусматривалось его создателями. Поэтому не исключено, что в критический момент Комитет увидит для себя единственный выход в том, чтобы уничтожить любого, сующего железки в его шестерни.

В то же время я убежден, что в нынешнем КГБ есть немало сотрудников, пересмотревших свои жизненные позиции, взгляды на сущность и роль своего ведомства. Понятно, что они не могут открыто об этом заявить. Отступничество чекистов от антинародной деятельности «органов» и посягательство на лжеавторитет КГБ чреваты преследованиями со стороны Системы. Ибо независимость в КГБ — понятие относительное, не подлежащее от карательного мышления и повсеместной правонарушительной деятельности. Далеко не каждый чекист-руководитель видит в подчиненных ему офицерах и агентах людей, имеющих чувство собственного достоинства, право на мысль и самоопределение. У Системы есть много эффективных способов сломать и заставить молчать практически любого.

Цели

Основной декларируемой целью органов КГБ является обеспечение внешней и внутренней безопасности государства. И это верно. Весь вопрос в том — какого государства.

Корень проблемы лежит в сущности политической системы СССР является государством диктатуры партийной олигархии. Большевики, захватив власть в октябре семнадцатого, в общем-то и не скрывали, что, в силу малограмотности «гемона», диктатура пролетариата должна быть «временно» заменена диктатурой их партии, действовавшей якобы в интересах этого самого «гемона». Но любая диктатура предполагает безусловное насилие над ее противниками. Именно для осуществления насилия в интересах большевистского партаппарата и были созданы органы ВЧК.

Роль «вооруженного отряда КПСС» безоговорочно подразумевает выполнение «органами» функции политического сыска как основной их функции.

Таким образом, главными, я бы сказал, глобальными целями КГБ являются политическая и физическая охрана «элиты» КПСС и, как производное, обеспечение внешней и внутренней безопасности тоталитарного государства.

Структура и функции

Внешняя охранительная функция КГБ возложена на разведку. Сбором политической, экономической и научно-технической информации о противнике заниче-

тся Первое главное управление (ПГУ) КГБ СССР. Оно же создает разведпозиции на случай войны с целью сбора шпионской информации, проведения террористических и диверсионных акций. В мирный период готовит и осуществляет просоциалистические государственные переводы в зарубежных странах, выводит на территорию СССР потерпевших фиаско марионеток Кремля. Для «революций» ПГУ содержит войска специального назначения, скромно именуемые группой «Каскад», и диверсионно-террористические школы.

Как и в других странах, разведка ведется с легальных и нелегальных позиций.

Легальная разведка осуществляется под прикрытием дипломатических и иных представительств СССР за рубежом. Помимо сбора открытой информации о противнике, содержащейся в средствах массовой информации и литературе, сотрудники посольских резидентур занимаются агентурной разведкой.

Нелегальные разведчики — это, как правило, советские граждане, которые после тщательной проверки и изучения завербованы Первым главком в качестве агентов. После прохождения специальной подготовки и присвоения воинских званий они выводятся за рубеж с документами граждан иностранных государств. Некоторые агенты-нелегалы готовятся с детства. Они воспитываются в специально создаваемых условиях копирующей образ жизни страны предполагаемой разведдеятельности, что в значительной степени снижает возможность их провала.

Агенты-нелегалы и агенты, завербованные из числа иностранцев, являются наиболее продуктивной частью советской разведки. Легальные разведчики и аппаратчики ПГУ гораздо менее надежны и продуктивны. Причиной кроется в «элитарности» ПГУ, состоящего в основном из «детей партсаппарата». Эти поступают в главк в основном по «звоноквой системе» с целью «упаковаться» в период работы за границей.

ПГУ не занимается сбором военной информации о противнике. Это единственная специальная функция, которая не находится в ведении КГБ. Ее выполняет Главное разведывательное управление (ГРУ) Генштаба. Однако работа ГРУ контролируется Третьим главком КГБ. Последний занимается агентурно-оперативной деятельностью в ГРУ Генштаба, в МБД СССР, но основной его функцией является руководство военной контрразведкой, т.е. координация агентурно-оперативной работы Особых отделов КГБ по воинским частям, соединениям, объединениям и округам. Особые отделы занимаются агентурной контрразведкой не только в частях, но и в их окружении.

Ведущим контрразведывательным органом является Второе главное управление (ВГУ) КГБ СССР. Оно занимается выявлением сотрудников иноразведок из числа дипломатических и иных представителей зарубежных стран в СССР, осуществляет контрразведку среди туристов и некоторых других категорий иностранцев, «разрабатывает» советских граждан из числа связей дипломатии, курирует контрразведывательную деятельность КГБ союзных республик и областных УКГБ.

Еще при Андропове на базе отделов ВГУ были созданы самостоятельные 4-е управление (контрразведка на транспорте и предприятиях связи) и 6-е управление (контрразведка в министерствах и ведомствах).

5-е управление КГБ, занимавшееся противодействием «идеологическим диверсиям», ныне переименовано

в Управление по защите советского конституционно-го строя (Управление «З» КГБ СССР). Оно занимается агентурно-оперативной деятельностью в политических партиях и других общественных организациях, в первую очередь оппозиционных КПСС, выявлением и разработкой лиц, призывающих к изменению существующего государственного строя. Особое внимание уделяется тем, кто призывает к насильственному его свержению.

7-е управление КГБ («семерка») осуществляет наружное наблюдение за объектами заинтересованности оперативных подразделений и ведет агентурную работу в ресторанах и кафе с целью организации там визуального и слухового контроля за посетителями.

Служба охраны КГБ (бывшее 9-е управление) осуществляет физическую охрану членов Политбюро ЦК КПСС и центрального руководства страны. Охрана, водители и обслуживающий персонал, включая горничных и официанток, — штатные сотрудники КГБ. Остальные — агенты и доверенные лица (Снабжение госдач охраняемых лиц производится независимо от регулярности их посещения. Так же, по развернутой схеме, снабжаются и законсервированные дачи. Поступающие туда продукты и вина полностью присваиваются охраной и обслугой.)

В 10-м отделе КГБ сосредоточены учеты действующей и бывшей агентуры, действующих и архивных «дел оперативного учета» и сами архивные «дела». По имеющимся сведениям, 10-е отделе КГБ и УКГБ в настоящее время в срочном порядке уничтожают тысячи архивных «дел». Интересно, сколько сотен миллиардов рублей мы затратили на эти разработки и на эти агентов? И сколько планируется тратить на них впредь?

12-й отдел КГБ, осуществляющий негласное прослушивание телефонов, жилых и служебных помещений, по сути, является полнокровным управлением. (Точно так же Следственное управление КГБ лицемерно называется Следотделом, 9-е управление — Службой и т.д.) 12-й отдел ведет агентурную работу на телефонных станциях в организациях и на предприятиях, занимающихся совершенствованием средств связи, а также созданием инженерно-технических аналогов таких феноменов, как телепатия, ясновидение, дистанционное воздействие на объекты живой и неживой природы.

Вопросами использования операторов-экстрасенсов и приборов, основанных на парапсихологических технологиях, занимаются также 6-е, Оперативно-техническое и другие управления КГБ, которые всего лишь несколько лет назад относились к экстрасенсам как к шизофреникам. Подход к этой проблеме изменился благодаря конкретным достижениям прикладной парапсихологии, в также выявлению фактов использования соответствующих технологий и методологий иностранными разведками. Последние, например, используют так называемых агентов-зомби, т.е. людей, в подчинение которых с помощью методов многоступенчатого гипноза внедрены специальные знания шпионские задания и легенды прикрытия «Прочитать» эти «записи» может только сильный гипнотизер, владеющий шифрключами к каждой из 16 ступеней гипноза.

В высшей степени засекречена деятельность 15-го управления КГБ, которое занимается строительством, охраной и контрразведывательным обеспечением подземных сооружений — бункеров, коммуникаций и складов, предназначенных для жизни и деятельности

Окончание на 37 стр.

КГБ СССР - ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ (4)

Окончание. Начало на 19 стр.

высших партийных и государственных руководителей в военный период.

15-й отдел КГБ — крупное самостоятельное подразделение, осуществляющее негласные обыски по заданиям оперативных служб КГБ. В задачи его сотрудников входит проникновение в помещения, обнаружение в них тайников, материалов и предметов, интересующих оперативников, фотографирование, подмена, порча, изъятие этих материалов и предметов. Попросту говоря, это домушничество, поставленное на широкую государственную ногу.

Оперативно-техническое управление (ОТУ) КГБ занимается разработкой, производством и эксплуатацией различных оперативно-технических средств, контролем и учетом внутрисоюзной и международной почтовой корреспонденции, обработкой объектов оперативной заинтересованности КГБ химическими, психотропными и радиоактивными веществами.

Таковы вкратце структура и задачи подразделений Центрального аппарата КГБ, известные, можно сказать, всему миру, за исключением советских граждан, защитой интересов которых КГБ мотивирует необходимость своего существования.

Указанная структура дублируется всеми республиканскими КГБ и областными управлениями.

Кроме того, в Центральном аппарате имеется Главное управление пограничных войск (ГУПВ) КГБ, которому подчинены сухопутные и морские части. По официальным данным, общее количество погранвойск достигает 216 000 человек.

По сообщениям советской печати, руководству КГБ подчинено не менее трех дивизий специального назначения. Постановлением Совмина СССР от октября 1990 г. ему поручено создать дополнительные части спецназначения, якобы для борьбы с организованной преступностью. Тем же постановлением запрещаются любые структурные изменения в КГБ. Этот запрет стал первым шагом к сохранению КГБ как государства в государстве. Вторым стало принятие союзным парламентом Закона о КГБ СССР. С учетом наличия нескольких миллионов сотрудников КГБ и 20 миллионов их негласных помощников это означает, что, в соответствии с планами руководителей КПСС и КГБ, страна должна по-прежнему оставаться государством диктатуры партийной олигархии, тотального тайного контроля за населением и подавления инакомыслия в тех или иных формах и пределах.

Кадры

Воспитание молодых чекистов всегда начиналось с внушения о двух основных корпоративных постулатах КГБ — восхождение в ряды КГБ; каждый чекист и органы КГБ в целом занимают особое место в обществе. Преимущественным правом поступления на работу в КГБ и на служебный рост пользуются родственники партийных и государственных чиновников, включая во-

енную и чекистскую «элиту». Считается, что воспитание в «элитарной» семье является достаточной политической, моральной и дисциплинарной подготовкой к перипетиям чекистской деятельности. В связи с этим до середины 70-х годов они принимались в Высшую школу КГБ без предварительной службы в армии, которая была обязательным условием для всех остальных.

Если бы было достаточно «детей аппарата», желающих служить в КГБ, то «безродных» туда принимали бы еще меньше, чем вынужденно принимали всегда («дети аппарата» составляют 70—80% оперативного состава, а в подразделениях Центрального аппарата их еще больше). Но все равно принимали бы, поскольку в «органах» немало опасной и черновой работы. Есть участки, связанные с риском для здоровья, личной свободы и жизни.

В разведке наиболее опасна, на мой взгляд, работа агентов-нелегалов и сотрудников, участвующих в операциях по связи с закордонной агентурой. Поэтому большую часть агентурных мероприятий за рубежом проводят «безродные» сотрудники посольских резидентур (подробнее я писал об этом в статье «Секреты» секретных служб», журнал «Огонек», № 43 за 1990 г.). В контрразведке наиболее рискованными участками являются борьба с организованной преступностью и наружное наблюдение, сотрудники которого принимают самое активное участие в документировании преступной деятельности и в захватах «объектов разработки» оперативных подразделений.

Строг гвардия, борьба с преступностью — не дело контрразведки цивилизованной страны. Но наша страна таковой, как известно, не является. Эта линия возникла в КГБ в связи с тем, что в конце 70-х — начале 80-х годов некоторыми подразделениями Комитета были получены достоверные данные, свидетельствовавшие о деятельности в СССР мафиозных структур и об их сильнейших позициях в органах МВД и прокуратуры. В одном из этих подразделений я проработал пять лет. Его тоже не обошли своим присутствием «блатные». Все они были отчаянными лодырями, но надо отдать должное: некоторые из них буквально рвались на операции по захвату преступников.

Единственным подразделением, где я не встретил ни одного аппаратного отпрыска, была «смерка». Это «чернорабочие» КГБ. Лентяи там долго не задерживаются. Профессиональная болезнь — язва желудка. У многих она появляется уже в тридцатилетнем возрасте. Это самоотверженные, отчаянные мужчины и женщины, лишенные нормальной семейной жизни, уюта, комфорта, досуга, адекватной работе зарплаты, устойчивого распорядка дня и регулярного питания. Может быть поэтому порой кое-кто из них с чувством вымещает в подворотнях свою злость на «объектах наружного наблюдения» — и по просьбам оперативников, и по личной инициативе, если объект доставляет слишком много хлопот.

«Дети аппарата» далеко не всегда наказываются даже за серьезные дисциплинарные нарушения и промахи в

КГБ СССР - ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ (5)

работе. «Принципиальность» руководства проявляется лишь после ухода на пенсию их высокопоставленных покровителей. Основная масса оперсостава состоит из замшелых чиновников, которые проведению оперативных мероприятий предпочитают просиживание штанов, часовые перекуры, сплетни, интриги, стукачество, бумаготворчество.

Специальная подготовка молодых чекистов оставляет желать лучшего. Главная причина — в низком профессиональном уровне преподавательского состава учебных заведений КГБ.

Социальный состав преподавательского корпуса примерно тот же, что и в других подразделениях КГБ. Наиболее квалифицированными специалистами являются преподаватели «открытых» дисциплин. Большинство сотрудников специальных кафедр — это люди, которые в силу полной бездарности не справились с обязанностями в оперативных подразделениях или, напротив, были «высланы» из них за принципиальность или талант. Последних единицы. Материалы для лекций и диссертаций черпаются из личного оперативного опыта (часто счень скромного), бесед с бывшими коллегами и однокашниками, из архивных дел многолетней давности.

Поскольку все диссертации «секретятся» и на защите присутствует узкий круг «своих людей», многие работы напоминают бред или представляют собой компиляцию материалов академических институтов с заменой некоторых терминов на чекистские аналоги. Засекречивание диссертации обеспечивается наличием в ней хотя бы одного слова «агент».

Выпускников учебных заведений тоже явно более чем достаточно. Ежегодно по тысяче офицеров выпускает одна только московская Высшая школа, не считая ее филиалов и прочих учебных заведений КГБ в других городах страны. При этом каждый оперработник обязан иметь на связи не менее 15 агентов. Многие имеют по 30, некоторые до 50. И примерно по столько же доверенных лиц.

За последние 35 лет лишь один раз прокатился по «органам» слухок о возможном сокращении штатов оперсостава. О сокращении агентурного аппарата речи никогда не шло. Напротив, самым актуальным вопросом из всех стоящих перед оперативными подразделениями неизменно является вопрос о его увеличении.

Сокращение было при Хрущеве, штаты КГБ при Брежневке раздулись до невероятных размеров. В период активной борьбы с инакомыслием они еще как-то оправдывали свое существование, поскольку неудобные Политбюро мысли искореняли буквально все подразделения «органов», а не только 5-е управление. Оно лишь направляло и координировало эту работу, вело наиболее сложные и наиболее политически значимые «дела».

В связи с развитием «перестроечных процессов» в стране и с паникой, вызванной слухом о предстоящем сокращении штатов КГБ, в 1988—89 гг. большинство «дел оперативного учета», называемых в народе секретными документами, было сдано в архив, уничтожено или «отфутболено» в низовые звенья оперативных структур — в райотделы. Последние тоже постарались от них избавиться. Причина этого явления заключалась отнюдь не в перепенке сущности оперативных материалов, а в страхе заниматься чем-либо вообще. Каждый понимал, что любой его промах мог быть расценен как некомпетентность и послужить основанием для увольнения по сокращению штатов или в аттестационном порядке. «Бой» невидимого фронта остались на у дел, вре-

мя девать было некуда, разве что на интриги с целью «выжить» да на шахматные турниры в рабочее время. Благо что кампания борьбы с алкоголизмом приказала долго жить.

ПОЛИТИКА

В такой обстановке назначенный председателем Крючков встретился с Генсеком КПСС Горбачевым. Михаил Сергеевич был известен советским чекистам как человек, который в период своего интенсивного партийного роста на благодатной ставропольской земле на них не переносил органы КГБ, но по каждому малозначимому вопросу звонил лично товарищу Андропову. Теперь же, в преддверии ряда важных общественно-политических событий в стране, с учетом специфики служебного роста Крюčkова и, видимо, на почве приснопамятного андроповского покровительства, Михаил Сергеевич позволил Владимиру Александровичу сохранить штаты КГБ в неприкосновенности, обещал всестороннюю поддержку чекистам со стороны партийно-государственного руководства и передал сотрудникам «органов» свой большой личный привет. Получив вскоре прибавку к жалованью, чекисты успокоились окончательно.

Чтобы хоть как-то занять свою армию, председатель реанимировал идею участия КГБ в борьбе с организованной преступностью (в Московском управлении, например, эта линия была закрыта еще в 1984 году). Поскольку создание соответствующих отделов в центре и на местах проблему не решало, была организована широкомасштабная кампания: каждому сотруднику, независимо от участка работы, вменялось в обязанность иметь первичные сигналы по линии борьбы с преступностью.

Приказ есть приказ, и сигналы появились. Но офицерам, привыкшим к «активным чекистским мероприятиям по делам оперучета», эта работа была попросту неинтересна. К тому же они не знали ни преступной среды, ни агентуры в ней, у них не возникло серьезного желания скрестить мечи с хорошо вооруженными «пехотинцами» мафии. Кампания провалилась, издав лишь несколько трубных всхлипов о поимке мелких контрабандных групп и изъятии у каждой из них ценностей на полмиллиона «деревянных» денег. В 70-х годах такую сумму всякий уважающий себя мафиози проигрывал в карты за одну ночь. Получается, что многомиллионный «вооруженный отряд КПСС» за год работы испортил вечеринку четырем карточным шулерам.

На ниве борьбы с особо опасными государственными преступлениями урожай КГБ тоже никогда не соответствовал задействованным силам и средствам. Приоткрывшись к плодам этой деятельности, убеждаешься, что собирали лишь то, что посеяли сами. Сеяли классовую ненависть, равенство в нищете, атеизм, социализм и демалогию. Пожигали диссидентство, теневою экономику, разврат и измену. И неудивительно, поскольку основополагающими принципами социалистического образа жизни всегда были некомпетентность, доношительство и рабление. Достаточно вспомнить наиболее яркие и поучительные образы в советском искусстве: безграмотного рабочего на посту директора банка юного пионера, «стучащего» на родного отца изможденных полумертвых дмитчиков-матростроевцев, сжигающих при виде «стаи народа» генерала орущего при

КГБ СССР - ГОСУДАРСТВО В ГОСУДАРСТВЕ (6)

рострел «да здравствует товарищ Сталин»; чекиста, прочитавшего за всю жизнь три газеты.

Но партию это устраивало всегда, ибо только в подобной обстановке она и могла остаться правящей. И ей нужны были «органы», компетентные ровно настолько, чтобы в заданные сроки «привлечь» заданное число тех, кто не вписывался в рамки содейственности или потенциально мог за них выйти.

ФОРМЫ И МЕТОДЫ

Правомерность использования специальных форм и методов органами КГБ доказывается целым рядом строго секретных научных диссертаций, которые никто, кроме их авторов, толком не читал в силу некачественности. Но любая из них обосновывает эту правомерность марксистско-ленинской мощью фундаментальных теоретических основ советского правопорядка, классовым характером борьбы за сохранение и умножение социалистических ценностей, социалистическим правосознанием сотрудников КГБ, коллегиальностью управления ведомством, конституционностью государственного и общественно-политического устройства, наличием секретного Положения об органах КГБ СССР образца 1955 года и не менее секретных внутриведомственных нормативных актов, приказов, указаний и инструкций председателя КГБ, регламентирующих все нюансы агентурно-оперативной и иных форм деятельности Комитета.

Все приказы изданы исходя из политической и оперативной целесообразности и отражают реакцию партийно-чекистской «элиты» на явления окружающей ее действительности. Таким образом, «подзаконные» нормативные акты КГБ являются незаконными. Это нормально для тоталитарного государства, где господствует не право, а сила.

Не отставшие от хозяев чекисты судорожно протаскивали через карманный союзный парламент свой проект Закона о КГБ, чтобы юридически обосновать факт и необходимость собственного существования и узаконить свои антиконституционную, то есть преступную, деятельность. С принятием этого Закона характер агентурно-оперативной деятельности не изменился. Председатель конечно, не отменил ныне действующие «подзаконные» нормативные акты КГБ. А именно они возводят антиконституционную деятельность оперосостава в норму, узаконивая повседневное нарушение сотрудниками прав тысяч и тысяч советских граждан.

Приказы председателя отменяют гражданские права, провозглашенные союзной и республиканскими конституциями. Его подпись де-факто выше высшего закона государства. И если за деятельностью следственных подразделений КГБ хоть как-то наблюдают подобранные чекистами и руководимые генералом КГБ Абрамовым прокуроры, то работу оперативных подразделений не контролирует никто. В Комитете Верховного Совета СССР по вопросам обороны и госбезопасности проблемами жизни и деятельности сотрудников Комитета занимается сами чекистские чиновники, а редкие несотрудники ничего в этих проблемах не понимают. Может быть, поэтому они так ратуют за узаконение КГБ, пекутся о защите прав действующих чекистов и членов семей тех, кто лично репрессировал десятки миллионов соотечественников. Но среди демократов нет троллей, которые способны отдавать приказы взрывать могилы бывших противников. А среди потомков сталин-

ких чекистов каберняка немало достойных людей. Опасения некоторых депутатов за судьбу членов семьи следователя НКВД Хвата, пытавшего академика Вавилова, явно безосновательны. Как бывший агентурист, я понимаю их обеспокоенность, но убежден, что в вопросе создания системы безопасности страны должна превалировать обеспокоенность за народ в целом.

МОРАЛЬ

Моральный аспект агентурно-оперативной деятельности чекистов вытекает из ее антиконституционности, политико-сысковой сущности, из узаконенного разложения общества доноситељством, из повседневного полноразличия общечеловеческих ценностей и христианских заповедей.

Сотруднику КГБ трудно согласиться с этим утверждением. Прислуживая лжебогам, он полагает, что служит истине. Таким его воспитали задолго до этого, тем более в «элитарной» семье. И именно сегодня кадровая политика наибольшего благоприятствования продвижению в КГБ «детей аппарата» может дать свои «лучшие» плоды. Немаловажное значение имеет и то, что в «органы» идут в основном люди, склонные к авантюризму и демонстрации силы, если не сказать, к насилию. Это пассионарии — люди, которые не могут жить без ореола славы (в той или иной форме его выражения), не могут не ставить себя выше всех.

Отсутствие какого-либо контроля за агентурно-оперативной деятельностью создает условия для проявления личной власти над людьми в официальном общении с ними, на явочных квартирах, в следственных изоляторах и в темных подворотнях. Бесконтрольность порождает склонность к ужесточению способов проявления превосходства, воспитывает карательное мышление. Покровительство партократии, поощряемый ею рост могущества и лжеавторитета КГБ позволяет его руководству оказывать влияние на деятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, протаскивать различные законы и нормативные акты, облегчающие и стимулирующие агентурно-оперативную деятельность ведомства.

Эта же деятельность позволяет сотрудникам видеть множество темных переулков и тупиков, скрытых за фасадом социалистической действительности. Она заставляет их ежедневно ходить по колену в грязи и учит одновременно, что не всякая грязь подлежит выносу.

Начесные органы госбезопасности — это не спасительная соломинка для тонущей партократии. Это ее броненосец. Но вряд ли его устойчивость выше, чем у тех, что с началом Цусимского сражения от одной пробоины уходили на дно, превращаясь в стальные гробы — и для дворян-офицеров, и для бесправных матросов. В том, что и те, и другие были героями, сомневаться не приходится. Но чьи интересы защищали эти герои?

Чьи интересы защищают офицеры и агенты КГБ? Нравственно ли делать из них национальных героев?

Никому из нас, чекистов бывших и действующих, нечем гордиться. Вовек не оплатить людям долги нашей совести. Но в каждом человеке, даже несущем зло, есть неизмеримое добро начало. Может, мы еще не совсем потеряны для общества?

Адрес редакции:
125824, Москва, ГСП
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, 19
Типография ИПО СП СССР
Москва, Цветной бульвар, 30
Заказ N 426

НЕЗАВИСИМЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

РУССКИЙ КУРЬЕР

УЧРЕДИТЕЛИ: Международная ассоциация
интеллигенции в поддержку
перестройки и гласности,
издательство "Третья волна"
(Париж - Нью-Йорк).
Международное коммерческое агентство
"Планета-арт"

ТАСС УПОЛНОМОЧЕН ШЕЛЬМОВАТЬ?

Чем решительнее Ельцин, тем лучше будущее Горбачева

НЕЗАВИСИМЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК N 15 ИЮНЬ 1991 1 рубль / 1.5 доллара / 6 франков

THE RUSSIAN COURIER LE COURRIER RUSSE

Кого обязана защищать безопасность?

Стр. 6

Василий Аксенов объясняет экономикку эмиграции

Стр. 7

Авангардная проза и традиционная поэзия

Стр. 8-9

Владимир Набоков и "Краткий курс..."

Стр. 10

Анастасия Цветаева: наставление в вере

Стр. 12

"Халва, сэр!" - сказали депутатам

Стр. 15

РУССКИЙ КУРЬЕР

НЬЮ-ИОРК МОСКВА ПАРИЖ

МЕЖДУ НАМИ, ПОЛКОВНИКАМИ

Открытое письмо военному летчику полковнику А. Руцкому

"Зенитчики" партаппарата пытаются сбить полковника Руцкого. До этого его дважды сбивали моджахеды

Стр. 5

Прежде всего, хочу повзникнуться перед Вами, Александр Владимирович, что не написал раньше, хотя и порывался это сделать давно. Сдерживало меня чувство тревоги, которое, как мне тогда казалось, могло коснуться и вашего сердца. Боялся обидеть Вас своими предчувствиями, которые могли показаться Вам вздорными. К моему великому сожалению, интуиция уже тогда, как стрелка магнитом, настойчиво ткнулась в одном направлении - в сторону большой беды. И для Вас, и для армии, и для нашего общества в целом. Бедой этой мне видится Ваш взлет в паре с вездущим Б.Ельциным в трюзовое небо политической бури, что бушует над нашей Россией.

Окончание на стр. 5

МЕЖДУ НАМИ, ЖУРНАЛИСТАМИ

Сначала по существу. Вот запись ответа Бориса Никлаевича Ельцина сделанная мною на встрече в зале "Октябрь" 1 июня:

- Чем объяснить ваш выбор вице-президента?

- Руцкого... Вы знаете, у него много положительных качеств. Конечно, ожидали от меня стандартных решений, известных очень людей... Да, конечно это было бы тоже оправдано, в какой-то мере. Но я, скажем, одновременно хочу, чтобы Попов был мэром... Руцкой знает военных, это мое слабое место. Руцкой знает хорошо работу с ветеранами войны, работу с инвалидами. Проще Афганистан. Он закрывает ту сферу, в которой я пока слабее него.

Окончание на стр. 5

КГБ ВЫХОДИТ ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ КПСС И НАЧИНАЕТ
ИГРАТЬ ДОМИНИРУЮЩУЮ РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ

С В О Й З Г Л Я Д

"РУССКИЙ КУРЬЕР"
№15/91

Что такое статуя?
Глыба камня,
от которой отбили все лишнее (Роден)

УМИРОТВОРИТЬ

КГБ

ТАК и в любом деле. В политике этим талантом в огромной мере обладал Ленин - выхватывал "решающее звено" и разматывал всю цепь. Каждый раз стереть "случайные черты" невероятно трудно. События то морсят, то ливнем с градом лупят по стеклу - цены, стачки, Горбачев - Ельцин, "Союз" требует диктатуры, выборы, урожай, "долгой КПСС", ленинский юбилей, павловские обещания, кадрили литературы, будет ли летом эпидемия "испанки", Цхинвали, Кургинян, московская милиция... Все это выпихивает друг друга, стекает куда-то, а на смену уже новое - и так непрерывно. Как выйти из потока, глянуть со стороны?

Интересная попытка в этом смысле сделана в статье Евгения Альбаца в N 16 "Московских новостей" от 21 апреля. Ей удалось, как мне кажется, поддеть и вытащить на поверхность одну очень важную струну в нашей политической жизни, очистить ее от ежедневной копоты. Речь идет о вещах в общем-то известных, но вечно остающихся на втором плане, о которых мы не успеваем толком подумать.

Статья о политической роли КГБ. Коротко ее смысл я бы выразил так: все видят перетягивание каната власти между КПСС и демократами. Но мы забываем, что речь идет не о двух полюсах, а о трех, не о прямой линии, а о треугольнике. Третий полюс - КГБ.

Демократы как быки бросаются на красную коммунистическую тряпку и уже порядочно изодрали ее в клочья. Но когда они наконец выдерут эту тряпку окончательно, вздернут на рога - вот тут-то чекист-матадор и всадит им победоносную шпагу в глупый демократический загривок.

О КПСС демократы говорят, когда проснутся, и перестают говорить, когда заснут. Про КГБ вспоминают раз в год, в день политзаключенного. КПСС здорово

ослаблена; КГБ сохранил свою идеологию насилия и свои кадры - сотни тысяч сотрудников, миллионы сексов. В результате тихонько сдвинулась вся конфигурация власти.

Основа тоталитарного режима всегда и везде - тайная полиция. Партия - лишь "надстройка". Везде демократические революции начинаются с борьбы с главным врагом - тайной полицией. Пока есть всевластная тайная полиция - о какой же свободе, каком правовом государстве можно заикаться? У нас же ситуация скоро станет такой: надстройка диктатуры провалится, а базис останется. Срубив одну голову дракона (КПСС), демократы почувствуют горячее дыхание второй головы - КГБ.

Но это - полбеда. Главное же вот в чем. КПСС худо-бедно сдерживала экстремистское крыло КГБ. Теперь демократы сами сбили тормоз, КГБ будет отныне предоставлен самому себе. И мы увидим совсем другой КГБ... Грубо говоря, КГБ+КПСС=брежневщина; КГБ-КПСС=бериевщина. Вот - первый итог борьбы демократов с КПСС.

Надо сказать, что это - не досужие размышления.

Отношения партии и ее "вооруженного отряда" всегда были простыми, больше того, отчасти загадочными. Телохранитель знает свое место, он не выстрелит в затылок бизнесмену - ведь сам он заниматься коммерцией без хозяина не может. Но к тандему КГБ с КПСС это неприменимо. КГБ давал КПСС руки - охрану, системы связи и т.д. КГБ мог многое из того, чего не могла КПСС. Но что же в общий котел давала партия? Что, КГБ - руки, а партия - ум? Тогда, может,

еще "честь и совесть"?

Да, странная пара! КПСС, ее руководство, партаппарат не могут того, что может аппарат КГБ; но КГБ может все, что может КПСС. Зачем же комитет терпит над собой "партийное руководство"?

Как известно, примерно с середины 30-х годов до 53-го года МГБ не подчинялось партии, скорее уж наоборот. Однако в конце концов обе половинки сходились в одной точке - в Хозяине. Он один контролировал и то и другое. Почему ему это удавалось, почему его 20 раз не пристрелили его охранники, почему Ягода, Ежов, Абакумов как бараны покорно шли в тюрьму и не ликвидировали Пахана, который сам, без чекистов, не мог дозвониться в соседний кабинет - это особый (и до сих пор непонятный!) вопрос.

После смерти Сталина столкновение стало неизбежным. По всем вероятностям его должно было выиграть МГБ, которое, кстати, прямо и без всяких "ценных указаний" КПСС - руководило львиной частью экономики страны. Весь военно-промышленный комплекс, в частности, атомная и ракетная промышленность, почти все строительство, вся вообще экономика Севера и Дальнего Востока - все это находилось на архипелаге ГУЛАГ, входило в бериевскую опричнину, в МГБ. Партийной "земщине" оставались такие отрасли, как сельское хозяйство, торговля, невоенная промышленность и т.д. И тем не менее, как известно, 26 июня 1953 г. руководство КПСС вероломно, без объявления войны нарушило партийно-чекистский договор о дружбе и сотрудничестве и, напав на своего союзника, осуществило с помощью военных блестящий блицкриг. Берия ликвидирована, как горшок с полки сняли, партия оседлала госбезопасность.

УМИРОТВОРИТЬ КГБ (2)

DAY MONTH YEAR

Но с тех пор партия с КГБ глаз не спускала. Подчинение "органов" обеспечивалось тем, что во главе их вечно ставились партийные аппаратчики, "свои люди". КГБ имел огромные преимущества, ко всем запросам своей преторианской гвардии КПСС была исключительно заботлива, но еще более заботлива она была к главному - как бы "органы" не вышли из-под контроля.

Не было ни экономической, ни иной рациональной причины, чтобы КПСС командовала КГБ. О "законах" я, понятно, не говорю. Но была традиция, подбор кадров, была психологическая ненужность и невозможность для КГБ совершать переворот. И еще была, конечно, армия, которая подчинялась КПСС примерно по тем же основаниям, что КГБ. Но КПСС разделяла и властвовала, Политбюро образовывало верхушку треугольника, у оснований которого - КГБ и Министерство обороны. Так тихо-мирно скоротали добрых 37 лет (53-90 годы)...

Сейчас верхушка "треугольника" проваливается с каждым часом. Фактически КГБ и армия не то что выходят из-под контроля - контроль сам уходит, без всякого активного действия с их стороны. Президент, кувырк-коллегия Кабинета министров, не говоря уж о Верховном Совете, - все это настолько легковесно, беспомощно, шатко, что удержать тяжелые глыбы, такие, как КГБ, явно не может. На IV съезде народных депутатов СССР, казалось, намечалась развязка - был шанс, что Крючков станет вице-президентом, сдав КГБ своему выдвиженцу, первому заму Грушко. Тогда бы, может быть (!), вице-президент на том же механизме традиций и неформальных связей контролировал комитет. Но тогда, по той же причине, вице-президент, пожалуй, контролировал бы и президен-

та... Как бы то ни было, это не стоялось.

Конечно, 67-летний партийный функционер Крючков вполне лоялен и явно не подходит на роль Пиночета. Но, во-первых, неизвестно, что представляет собой его окружение и, во-вторых, он-то может и рад подчиниться, но с каждым днем это все труднее. Крыша раскалывается, над комитетом никого не оказывается - чистое небо.

Итак, если КГБ так или иначе "департизируется", выходит из-под контроля КПСС и, предоставленный сам себе, "берет власть" (или становится властью), то - что это может быть за власть? И второй вопрос: что делать демократам, чтобы предотвратить такое развитие событий?

Мы очень мало (вернее, ничего) не знаем о политической ситуации внутри КГБ. Казенно-мрачные фразы Крюčkова о "происках" и "враждебных силах" не только ничего не говорят о реальных настроениях и соотношении сил разных групп габэшной номенклатуры, но даже ничего не говорят о подлинных мыслях Крюčkова. Ясно, что когда шеф тайной полиции говорит о "происках", - это его социальная маска. Маска старая. А лицо?

Ясно одно. Коммунистическая шелуха отвалится от КГБ так же легко, как от любого иного ведомства в стране. Что из этого следует?

Из этого следует, что частная собственность, рынок вполне могут входить (и, наверное, входят) в "политическую программу КГБ". В сущности, сегодня нет такой власти имущей группы в стране, будь то научная элита, воры в законе, партийная номенклатура, - которая бы, бормоча самые разные слова, не считала при этом, что лучше быть богатым, но здоровым, чем бедным, но коммунистом, и реально не занималась бы одним и тем же - быстрой-быстрой приватизацией государственной собственности в свой карман. Здесь между коммунистами и антикоммунистами различие одно: кто первый? И вполне понятно, что номенклатура КГБ, почти полностью контролирующая экономические связи с Западом (все знают, кого посылали в торговые представительства и иностранные представительства советских фирм, кто в СССР "вел" научные, торговые и любые иные западные делегации), просто обречена лидировать в беге к капитализму. Так и есть -

"молодые волки", командующие государственно-кооперативными СП, вышли либо из габэшной, либо из комсомольской стаи, притом, что две эти стаи в огромной мере пересекаются.

Итак, первый пункт в "государственной программе" этого ведомства весьма банален - вперед, к капитализму! Точнее - за нами, к капитализму! Вот в этом "за нами" все и дело. КГБ должен стремиться сохранить свою монополию на контакты с Западом (монополию, уже сильно подорванную), как и вообще свое право в любой момент положить руку на сонную артерию любой фирмы, любого потенциального конкурента. Не просто "капитализм", а - габэшно-монополистический капитализм притом что внутри КГБ, понятно, не может не идти свара своих мафий, кланов, групп. Разумеется, абсолютную монополию долго не сохранить, но важно с самого начала захватить (удержать) ключевые позиции.

Вот это уже объясняет и возможную политическую тактику КГБ - несомненно антидемократическую, диктаторскую, пиночетовскую. Дело тут в живом экономическом интересе, а не в пережитках проклятого, прошлого, тяжелой бериевско-ежовской наследственности... Хотя, разумеется, и типичная идеология бесконтрольной тайной полиции идеально соответствует такой линии.

Перед нами - один из вариантов "латиноамериканского" капитализма. Может быть, самый реальный вариант - сохранить имеющиеся структуры власти, нарастив на этот скелет мясо частной собственности.

Какой же в этой ситуации может быть тактика демократов? Надо бы, конечно, воспользоваться старой мудростью - иметь терпение принимать то, что изменить нельзя; иметь мужество изменять то, что изменить можно. Но для этого нужно, главное - мудрость, чтобы отличить первое от второго. А это сложнее всего.

УМИРОТВОРИТЬ КГБ (3)

DAY MONTH YEAR

Если вспомнить о безнадежно искореженной структуре нашего общества, то все-таки надо признать, что какой-то вариант номенклатурного капитализма почти неизбежен. Лозунг "приватизация - всем поровну" очень хорош, так же хорош, как "всякая кухарка должна уметь управлять государством". Ясно, что те, кто наверху пирамиды, при мирном развитии событий сумеют отсрвать себе куски получше, более того - занять доминирующие позиции.

Я считаю, что более реальной (хотя, конечно, более "низкой") задачей демократического движения является, как говорил Ходасевич, "привить-таки классическую розу к советскому дичку" - по возможности состыковать свободные политические и экономические институты с гбэшно-номенклатурным капитализмом. Выбор идет сегодня не между "социализмом" и "капитализмом" и не между "шведской" и "колумбийской" моделями, а между капитализмом жестко нацистским - и "чилийским", а в идеале - "испанским", "франкистским". Конечно, такое исходное понимание проблемы есть то, что Салтыков-Щедрин называл "действовать применительно к подлости", но именно так и действовали осмеянные им русские либералы - наименее "подлая" из всех бывших в России партий.

О чем практически может идти речь? Быстро идущий выход КГБ из-под контроля КПСС и растущее (доминирующее?) влияние этой организации на всю нашу общественную (хорошо бы, чтоб не на личную!) жизнь - это уже факт. Противопоставить сегодня этому факту нечего. Не станешь же требовать

"партизации" КГБ! Демонстрации "долой КГБ!" не опрокинут здание на Лубянке - случай, когда от крика повалились крепостные стены, в истории человечества зафиксирован лишь один раз. Наконец, любой, самый лучший закон о КГБ очень хорош - если бы были силы добиться его исполнения. И так, этот факт надо принять как данность. На обломках КПСС напишут имена генералов гбэш. И я, в отличие от Е.Альбаца, не уверен, что такая замена очень уж плоха. Да, КГБ - страшная организация. Но самое страшное в ней все-таки - партийные функционеры, носители человеконенавистнической идеологии КПСС. Идеология раннего, хищнического капитализма, первоначального накопления куда разумнее и безобиднее - она жестока, но не противоестественна.

Исходя из этого, я бы, наоборот, предлагал демократическим силам помогать отрыву КГБ от КПСС, блокироваться, скорее, с той частью гбэшной номенклатуры, которая может считаться "технократами" (разведка, экономический шпионаж и т.д.) - в противоположность "партийным чекистам", функционерам партаппарата, направляющим "органы" на истинно партийную стезю.

Если КГБ лишится абсурдной, ему самому мешающей идеологии, часть сотрудников оккупирует (уже оккупировала) СП, кооперативы и т.д., то он будет вписываться в общество, переходное от тоталитарного к свободному. И тут я хочу оспорить формулу, предложенную в начале статьи. КГБ+КПСС-брежневщина. Да, это так - в спокойные времена. Но в переломный момент, когда власть партии шатается, ее агрессия резко возрастает. Тогда КГБ+КПСС-ежовщина. Хуже этого быть не может уже ничего. Поэтому задача демократических сил - не вести заведомо донкихотскую сегодня борьбу с КГБ в целом (а целого, к счастью, нет - КГБ отнюдь не монолит), а, напротив, искать союзников в комитете. Союзников не по "любви и свободе", а просто по желанию избавиться от рамок, задаваемых партийными структурами.

Номенклатура безболезненно, бескровно может победить только номенклатура. Сегодня девиз всех отрядов номенклатуры - приватизация. Но одни не мыслят дела без старых партийно-государственных структур, на которых они привыкли паразитировать; другие хотя бы быстрее ломать эти структуры - конечно, не для того, чтобы создавать рыночную экономику с нормальной конкуренцией, а чтобы захватить ключевые позиции в своем монополистическом капитализме. Если символом первых является Полозков и К., то может быть, как раз в КГБ и найдется им противовес.

Поэтому надо стараться быть политиками. Внутри КГБ надо искать временных союзников, заинтересованных в приватизации и широких контактах с Западом. Если такой союз удалось бы заключить, то именно КГБ мог бы стать силой, поддерживающей - ради своей выгоды, своего обогащения - некоторый порядок в стране в период, переходный к построению нормального общества.

И тогда - что ж! Тогда демократы были правы, нападая на КПСС и обходя стороной "вооруженный отряд партии."

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

P.S. Хотя, что говорить, идти на такие контакты ... "некрасиво". Утешает лишь то, что такое же скверное чувство во рту останется - ведь и у вашего партнера - не правда ли?

-----СЦ-----

кгб-бакатин-пресса

.новый председатель кгб провел в москве свою первую пресс-конференцию.

москва, 30 августа. /дип.корр.тасс игорь песков и ростислав герцев/. законность, полная департизация, сохранение целостности системы комитета государственной безопасности при децентрализации и усилении роли республиканских органов, открытость для общества - этими основными принципами будет руководствоваться в своей деятельности реформированный кгб ссср, заявил вадим бакатин. он провел сегодня свою первую в качестве председателя кгб ссср пресс-конференцию для советских и иностранных журналистов.

вадим бакатин сказал, что необходимо в кратчайшие сроки реформировать этот орган - "очиститься от реакционных сил, сохранить честных людей и не растерять профессионалов". вести эту работу новый председатель кгб намерен в опоре на демократические силы.

в преобразованном виде, сообщил вадим бакатин, кгб будет вести работу по пяти основным направлениям, это разведка, контрразведка, борьба с наиболее опасными видами государственных преступлений - терроризмом, коррупцией, наркобизнесом, финансовыми и валютными преступлениями, обеспечение жизнедеятельности наиболее важных государственных объектов и аналитическая деятельность.

в настоящее время, сказал он, штаты кгб сокращены в 2,6 раза, переданы вооруженным силам ссср войска кгб, подчинено непосредственно президенту страны подразделение его охраны, все виды правительственной связи переданы во вновь образованный госкомитет по спецсвязи. готовится указ о придании самостоятельного союзного статуса погранвойскам, планируется передать в подчинение армии управление военной контрразведки.

по мнению вадима бакатина, кгб нуждается и в изменении стиля работы. "союзный кгб должен не стоять над республиками, а работать на республики, вместе с ними обеспечивая совокупные интересы государственной безопасности тех республик, которые образуют новый союз", - сказал он.

отвечая на вопросы журналистов, вадим бакатин назвал "нелепыми" утверждения о причастности михаила горбачева к попытке государственного переворота.

говоря о возникших в последнее время территориальных проблемах между отдельными союзными республиками, руководитель кгб сказал, что по его мнению, "таких проблем не должно существовать", так как единственно правильным считает принцип нерушимости границ.

вадим бакатин сообщил, что на основании указа президента россии архивы кгб будут переданы в ведение росархива, однако их часть, касающаяся агентурной работы, "передаваться никуда не будет".

касаясь вопроса о предоставлении независимости прибалтийским республикам, председатель кгб сказал, что проходящие там процессы "справедливые и независимость должна быть им

предоставлена". по линии кгб с прибалтийскими республиками подписаны протоколы о решении вопросов, связанных с будущим сотрудников комитета, действовавших на их территориях.

отвечая на вопрос о судьбе семьи бывшего сотрудника кгб олега гордиевского, сотрудничавшего со спецслужбами великобритании и ныне проживающего в этой стране, вадим бакатин сказал, что после знакомства с делом гордиевского он дал команду положительно решить вопрос о воссоединении семьи последнего. "я считаю, - сказал он, - что в ближайшее время семья гордиевского сможет выехать из ссср".

вадим бакатин подтвердил, что его сын, работавший в кгб, был им уволен из органов. он считает, что "по моральным соображениям" сын не может работать в организации, которую возглавляет его отец. --0--

пу/шо

301828 авг 91

23.00 Российское ТВ 30.08.91 "ВЕСТИ"

На пресс-конференции В.БАКАТИНА 30.08.91

ВОПРОС. Скажите, пожалуйста, известно ли вам что-либо о деятельности Оперативного штаба КГБ под руководством бывшего первого заместителя председателя КГБ СССР БОБКОВА, созданного, как утверждают, в 88-м году для предотвращения отделения Прибалтийских республик от СССР?
БАКАТИН. Нет.

ВЕДУЩИЙ. По всей видимости за эти несколько дней БАКАТИН не успел еще узнать все подробности недавней истории своего ведомства, а поэтому, возможно, Вадиму Викторовичу будет интересно следующее интервью, в котором компетентный источник дает ответ на тот вопрос, на который не смог ответить Вадим Викторович.

КОРР. Мой собеседник - действующий старший офицер КГБ СССР, лицо которого мы вам, к сожалению, показать не можем, также не можем и назвать его фамилию, поскольку, повторяю, этот человек находится на работе в КГБ и по служебным инструкциям не имеет права для широкой публики показывать свою внешность.

Тем не менее он сегодня пришел к нам в редакцию и согласился рассказать нам о том, что известно ему о причастности КГБ к попытке государственного переворота в нашей стране.

ОФИЦЕР КГБ. Видимо это началось где-то в начале 88-ого года, когда по указанию КРЮЧКОВА был создан Оперативный штаб во главе с бывшим первым заместителем председателя генералом Армии БОБКОВЫМ Филиппом Денисовичем. В задачу его входило получение информации, ее анализ, отработка соответствующих мер, в том числе оперативного политического характера, дача рекомендаций для наших высших государственных структур по пресечению или недопущению центробежных, сепаратистских если пользоваться терминологией нашей, тенденций, прежде всего тогда в Прибалтийском регионе, в прибалтийских республиках. Но уже в то время были большие опасения в благонадежности оперативного состава данных республиканских комитетов, поэтому в основном опорой этого штаба в получении информации, в проведении оперативных мероприятий каких-либо действий стали центральные структуры, которые поддерживались в Москве.

Ну, в частности по линии военной контрразведки уже тогда обсуждались вопросы настроений в офицерстве среди прапорщиков, в солдатской среде тех частей, которые там базировались, дислоцировались: в какой мере можно на них рассчитывать в случае использования военной силы, какие действия могут предпринять структуры, тогда еще не сформированные законодательным образом, Народные фронты. Ну а после выборов, естественно, и Верховные Советы и местные власти, какие они силы могут противопоставить нашим группам оперативным, которые будут направлены на изъятие тех или иных анционалистов или на интернирование обльшего количества?
Т.е. предусматривался весь комплекс возможных шагов по пресечению сепаратизма в Прибалтике.

Ну а потом этот вопрос стал более обширен, потому что вспыхнули волнения в Баку, известные трагические события, потом была Средняя Азия, ну и естественно Карабах, в се эти печальные события находились в сфере внимания этого штаба.

КОРР. А Вильнюс?

ОФИЦЕР. Вильнюс безусловно. Я думаю, это один из тех сценариев, который был разыгран непосредственно руководством, я думаю прежде всего КРЮЧКОВЫМ, для того, чтобы принудить президента ГОРБАЧЕВА ввести чрезвычайное положение на территории всех трех республик.

КОРР. А что делал здесь, в Москве, КГБ?

ОФИЦЕР. Группа АЛЬФА отказалась категорически участвовать в перевороте и выполнять приказы КРЮЧКОВА. Я знаю, что руководству этой группы грозили трибуналом, но это очень смелые и мужественные офицеры, которые не пошли на это.

Какие-либо другие оперативные подразделения к этому делу не привлекали, хотя, как я слышал из разговоров со своими знакомыми товарищами из Московского управления, активные попытки к этому предпринимал тов. ПРИЛУКОВ. Во всяком случае на совещании 19 числа, в 10 утра он собирал руководство районных отделов, служб и произносил там пламенные речи в поддержку мятежников, предлагал принять конкретные меры по интернированию ряда депутатов Моссовета, Российской Федерации, народных депутатов, которые находились в Москве.

Не знаю, точно ли эта информация, боюсь ошибиться, но говорили о том, что создавались уже специальные группы, во всяком случае на бумаге, для того, чтобы выезжать по адресам и изымать оттуда народных депутатов.

Я думаю, что трагедия В.А.КРЮЧКОВА, бывшего председателя КГБ, ныне взятого под стражу, видимо заключается в том, что он не понял, как руководитель такого руководителя, что КГБ, как любая спецслужба должна не организовывать путчи, а со всей жестокостью их пресекать.

ВЕДУЩИЙ. Напомню, что с целью выяснить роль спецслужб в перевороте президентским Указом создан специальный орган, ктстати не заменяющий следственные органы - Государственная комиссия для расследования деятельности КГБ.

Кстати одним из результатов деятельности этой комиссии явился приказ нового министра обороны о расформировании бригады Спецназа КГБ.

ВЮ

ИНТЕРВЬЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РОССИЙСКОГО КГБ В. ИВАНЕНКО
"ПРАВДА", 6.11.91, стр. 6

Разведчик, знай меру

Председатель российского КГБ В. Иваненко прост в одежде и общении с журналистами, что разрушает привычный стереотип «человека из органов». Он доступен подчиненным, а не только людям своего ранга. Карьера 44-летнего генерала типична: Тюменский индустриальный институт — оперуполномоченный — ...зам. начальника областного управления — аппарат КГБ СССР и с 6 мая с. г. генерал Иваненко руководит республиканским комитетом. С ним беседует специальный корреспондент «Правды».

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО!

— Виктор Валентинович! Вы возглавляете российский Комитет госбезопасности, хотя союзной структуры с таким названием не существует. Ваше ведомство становится преемником КГБ СССР? Если нет, то в чем состоит разница?

— Да, мы становимся преемником бывшего КГБ СССР, но только в части структуры, материально-технической базы (зданий, сооружения, техника). Только в этом плане мы — правопреемники. А разница между нами — принципиальная. КГБ СССР служил прежде всего интересам номенклатуры КПСС. Мы будем служить только Закону.

— Сохранится ли в дальнейшем скомпрометировавшая себя аббревиатура «КГБ»?

— Мы уже вошли в законодательные органы России с предложением создать временную правовую базу для деятельности комитета. И в проекте заложено новое название нашей организации — Агентство федеральной безопасности (АФБ).

— Чем станет заниматься ваше агентство? Будет ли у России своя разведка, контрразведка?

— Как бы это непопулярно ни звучало, но без разведки не может существовать ни одно независимое государство. Говорят, разведка укрепляет доверие между странами. Я с этим согласен. Добытая специфическими методами информация подтверждает или опровергает официальную версию и помогает политикам принимать решения. Так что не стоит становиться в позу известной птицы и фыркать при слове «разведка».

И контрразведка у нас есть. Но здесь произошла своеобразная переоценка угроз. Скажем, мы не будем гоняться за каждым установленным разведчиком, как это было до недавних пор. Если он собирает общедоступную информацию, бога ради. Но мы пресечем попытки проникновения к государствен-

ным секретам, тем более если это будет происходить путем подкупа секретносителей. Вмешательства в наши внутренние дела мы не допустим, от кого бы они ни исходили.

И третье, приоритетное, направление: борьба с организованной преступностью, контрабандой и коррупцией.

Четвертое — борьба с терроризмом. Этот вид преступности растет. Ежегодно органы госбезопасности России проводят работу по сотням заявлений. И у меня нет сомнения, что эта сфера должна быть сохранена за органами госбезопасности. Всегда есть опасность, что какое-либо крайнее движение родит очередного террориста.

— У КГБ всегда была функция приглядывания за инакомыслящими...

— Борьба с инакомыслием, надеюсь, осталась в прошлом. Что будет — это информационное обеспечение органов власти и управления. Эту работу предполагаем вести по трем направлениям: содействие экономическим реформам, особенно во внешнеэкономической области; положение на транспорте и в общественной сфере. Последний вопрос деликатный, пахнет политическим сыском. Но мы будем действовать в соответствии с законом. Возьмем те же международные столкновения. Мы должны их прогнозировать и предупреждать. Но различие между нами и прежним КГБ есть — мы уходим от принципа тотального контроля за обстановкой. Это иррационально и антизаконно.

— В этой связи возникает вопрос: сократится ли ваше ведомство или его нужно увеличивать?

— Я сторонник того, чтобы в ближайшее время разработать для каждого подразделения конкретные задачи, а не заниматься бесполезной «всеохватностью». И сокращение возможно лишь в том случае, если четко просчи-

тано, что столько-то сотрудников будут заниматься конкретным делом, а какой-то процент — лишний. Мне говорят: надо сократить на 20 процентов. А почему не на 23? Кто это подсчитал?

— В связи с путем проводилось расследование причастности структур КГБ к переводу. Считаете ли вы, что расследование полностью вскрыло всех участников заговора?

— Основных — да. Но не стоит искать косвенно причастных по принципу: «А где ты был 19-го?» Люди десятилетиями приучались системой к безоговорочному послушанию, и трудно ждать от них, чтобы они в одночасье изменили свою психологию.

— А были ли конкретные факты активной поддержки гэкачпистов в российском комитете?

— Активных не было. В ходе расследования мы пришли к выводу, что ряд начальников областных управлений занял двойственную позицию. И вот за это девять человек уволены. Еще 25 начальников сами написали рапорты.

— Что требуется предпринять, чтобы шутка не повторилась?

— Нужна четкая правовая основа, регламентирующая деятельность органов безопасности «от» и «до». И строгий государственный, парламентский, прокурорский контроль.

— Поддерживаете ли вы В. Бакина в том, чтобы создать общественный совет по контролю за органами?

— Полностью. Надо только, чтобы совет этот не превратился в очередную комиссию на бумаге.

— Недавно на встрече с советскими журналистами В. Бакин на приоритетное место для работы органов поставил борьбу с коррупцией. Каково ваше мнение?

— Я считаю, что коррупция — это только часть. В целом же

ИНТЕРВЬЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РОССИЙСКОГО КГБ В. ИВАНЕНКО
"ПРАВДА", 6.11.91, стр.6

организованная преступность — это слагаемые из преступного бизнеса, коррумпированных связей в государственных органах и разветвленная сеть преступных групп. И при этом цель — прорваться к власти. Вот такой организованной преступностью и должны заниматься органы безопасности.

— Имеются ли у вас такие группировки?

— К сожалению, уже есть, и мы располагаем материалами на них. Но довести их до суда очень сложно.

— А что мешает?

— Прежде всего отсутствие законов. Нет в законе даже самого понятия «организованная преступность». Далее, слабая доказательная база: все строится на показаниях свидетелей, документах ревизий, проверок. Я считаю, что надо признавать в суде материалы, полученные с помощью технических средств. Но проблему борьбы с преступностью не решить одними репрессивными мерами. Надо построить нормальную экономику.

— Вернемся к политической сфере. Раздаются голоса, что в связи с приостановкой деятельности КПСС органы безопасности могут быть сориентированы на поиск новых диссидентов, только с определением «коммунистический».

— Повторюсь, необходим закон. Только он может гарантировать обществу от ошибок прошлого. Однозначно скажу, что от российского руководства к нам такого заказа не поступало. Единственное требование — не просмотреть подготовки нового путча. Но это, согласитесь, две большие разницы, как говорят в Одессе.

— Проведенная департизация — последняя ли в истории органов и не грозит ли им «демократическая партизация»?

— Вы имеете в виду назначение на руководящие должности в КГБ и милицию предста-

вителей «Демократической России»?

— Верно. Многим непонятно: чем функционер «Дем. России» лучше аппаратчика из КПСС?

— Знаете закон механики: если маятник далеко отклонить в одну сторону, то он неизбежно пойдет в другую. Но я бы не делал обобщения из единичных фактов. Я думаю, определяющим

должен быть и останется профессионализм, а не партийность.

— Раньше в КГБ набирали по идейному принципу, привлекали высокой зарплатой, а теперь?..

— Вопрос больной. В прошлом году из российских органов уволилось полтысячи офицеров. В этом, видимо, будет не меньше. И уходят не самые худшие. Мы исследовали причины увольнения. На первом месте стоят не социальные вопросы, а отсутствие условий для реализации себя. А сейчас к этому добавились неопределенность, огульная критика всех без исключения, плюс к тому правовая и социальная незащищенность.

— Остается ли у вас время для семьи, увлечений?

— Очень мало. Два месяца назад стал дедом, но так и не могу съездить в Тюмень, где живет старшая дочь (у меня их три). Живем в трехкомнатной квартире вчетвером. Пытаюсь до работы два-три раза в неделю поиграть в волейбол, да с младшей дочкой (ей десять лет) в шахматы...

— Пользуетесь ли вы привилегиями?..

— Ну, если служебная автомашина — привилегия, то — да. О квартире в 44 метра я уже сказал. Охраной не пользуюсь. На улице сам способен постоять за себя.

Беседу вел
В. АНДРЕЕВ.

ИНТЕРВЬЮ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА Ю. РОДИОНОВА
"КРАСНАЯ ЗВЕЗДА", 31.10.91, стр.1

Генерал-полковник Ю. РОДИОНОВ:

«НЕ ХОЧУ РУБИТЬ ПО ЖИВОМУ»

После небольшого, образно говоря, представительского выступления в нашей газете нового заместителя министра обороны СССР по кадрам — начальника Главного управления кадров Министерства обороны СССР в редакцию пришло немало писем. Их авторы, в том числе бывшие офицеры-политработники, чья судьба еще не решена, просят детализировать те или иные положения в прохождении службы, реформирования Вооруженных Сил СССР, задают острые вопросы. Откликаясь на просьбы читателей, наш корреспондент встретился с генерал-полковником Ю. Родионовым.

● Актуальное интервью

— Юрий Николаевич, сегодня наши Вооруженные Силы переживают непростое время. Именно этим, видимо, можно объяснить стремление наших читателей как можно больше узнать, что называется, из первых рук о военной реформе, кадровой политике в армии. Среди них — подполковник А. Немцев, капитан А. Бархударян, старший лейтенант А. Александров.

— Людей, активно занимающихся сейчас законодательством, предлагающих различные варианты военной реформы, можно условно разделить на две группы. Первая — мечтатели. Это, как правило, дилетанты, весьма упрощенно понимающие проблемы армии, мало

знакомые с военно-политической, военно-экономической структурой государства, составом и принципами строительства Вооруженных Сил СССР. Их проекты наиболее радикальны и чаще обращены к зарубежным моделям, прежде всего США.

Вторая группа — политики, как правило, из числа народных депутатов, уже получивших достаточный информации и имеющих опыт реформаторства. Сюда же следует отнести некоторых военных. Отличительные признаки этой группы: стремление создать имидж реформаторства для достижения политических целей, саморекламы.

Объективно и те, и другие

делают полезное дело, но, даже не желая того, нередко тормозят прогрессивные идеи, отталкивая на себя значительные силы общественности и специалистов. Почему? При создании таких программ, как военная реформа, нужны мощные авторские коллективы профессионалов — специалистов в различных областях военного строительства. Мы опираемся на научную проработку всех версий и предложений, на детальный анализ предпосылок и ситуа-

ИНТЕРВЬЮ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА Ю. РОДИОНОВА
"КРАСНАЯ ЗВЕЗДА", 31.10.91, стр. 1

2.

ций, сопутствующих реформе. Поломать и разрушить «все до основания» легко, создать — гораздо труднее.

— Не кажется ли вам, что все же несколько затягивается пауза в решении судьбы примерно 80 тысяч бывших офицеров-политработников, которые находятся сейчас, образно говоря, в подвешенном состоянии? Не будут ли нарушены их социальные права?

— В ходе проведения военной реформы никто не должен пострадать. 23 октября с. г. министром обороны СССР подписан приказ, в соответствии с которым введены должности помощников командиров рот (батареи), батальонов (дивизионов), полков, бригад по работе с личным составом и даны указания по назначению офицеров на эти должности. Продолжается работа по созданию новых структур в органах управления. Полным ходом идет работа по аттестованию офицеров упрощенных военно-политических структур. Что касается ГУКа, то мы издали целый ряд руководящих документов по проведению аттестования. Даны указания рассматривать, к увольнению офицеров бывших военно-политических органов, имеющих выслугу 20 лет и не аттестованных на какую-либо конкретную должность. По каждому из них решение будет принято индивидуально, на основе закона и при активном участии демократических институтов армейской общественности. До 1 декабря они находятся в принципе на своих должностях. Большинство продолжит службу. Но! Если в роте, батальоне, полку, бригаде введена должность офицера по работе с личным составом, это совсем не значит, что на нее назначат офицера-политработника. Значительное их число придет на командные, инженерные должности...

— Не создается ли у наших читателей легковесное представление о характере идущих реформ? Недавно опубликовано сообщение ТАСС о том, что новые органы боевой и морально-психологической подготовки будут

не штатной численности меньше военно-политических на одну треть. Это значит, каждый третий офицер-политработник окажется за бортом? Может, так прямо об этом и сказать людям?

— Поймите, пока нет штатов всех новых структур, мы не можем сказать, что и на сколько сокращается. Есть лишь глобальная схема, которую я видел. Причем в нескольких вариантах. Хотя окончательно еще не принят

ни один из них. Комиссия в соответствии с теми приказами, на основании которых она создана, должна подготовить предложения о задачах, порядке деятельности и сроках создания органов боевой подготовки и структур по работе с личным составом. Поэтому сказать об этом так, как вы предлагаете, я не имею права.

Как и о другом. В печати, например, сообщалось о принятом якобы решении к 15 октября перепрофилировать военно-политическую академию. Но тот человек, который знает, как это делается, не мог бы такое написать. Пока мы не будем знать, сколько у нас офицеров с высшим военным образованием задействовано на воспитательной работе с личным составом и сколько нам нужно готовить ежегодно, мы не можем сказать, какой будет академия. К чему все это говорю? Я не хочу рубить по живому. Мы — за последовательность, постепенность преобразований в кадровой политике.

— И все-таки многие тысячи офицеров будут сокращены, не выслужив предельных сроков службы. От них поступают просьбы о том, чтобы на увольняющихся с выслугой 20 лет были распространены льготы по квартирной плате и медицинскому обслуживанию, которые пока положены лишь для выслуживших 25 и более лет. Справедливо было бы им как-то помочь в этом.

— Да, к этим просьбам мы должны прислушиваться. И уже прислушались: соответствующие предложения проработаны и включены в проект

Закона о социальной защищенности военнослужащих. Но, к сожалению, Верховным Советом СССР еще не приняты. Если этот закон будет принят, многие офицеры без всяких колебаний будут увольняться со всеми льготами и приличной пенсией.

— После директивы министра обороны СССР об увольнении из армии офицеров, достигших предельных возрастов, в войска пошли дополнительные разъяснения и указания. Чем они вызваны? Не была ли нарушена здесь законность, юридические нормы и не связано ли это с предстоящим сокращением армии на 700 тысяч человек?

— Как известно, мы взяли ориентир на омоложение командно-начальствующего состава. Но при обязательном сохранении преемственности. Достаточно сказать, что коллегия Министерства обороны обновилась более чем наполовину. Приступили к выполнению обязанностей ряд новых командующих войсками военных округов. Однако к офицерам, генералам и адмиралам, обладающим, скажем так, редкими, уникальными специальностями, на чью подготовку ушли годы (уже не говоря о затратах), подход будет сугубо индивидуальным. Лучшие интеллектуальные силы армии и флота решено сохранить, пока им не будет подготовлена достойная замена. Поэтому разъяснения даны в основном в отношении научного, научно-педагогического и руководящего состава научно-исследовательских организаций.

— Согласитесь, Юрий Николаевич, странная сегодня создалась ситуация в армии: десятки тысяч офицеров старших возрастов «за штатом». И в то же время около 20 тысяч молодых не хватает на первичных должностях. Свообразные «гожицы»...

— О «заштатниках» «Красная звезда» писала. При массовом сокращении армии это, увы, естественное явление. А вот нехватка молодежи... Отток ее начался три года назад, когда молодые офицеры

ИНТЕРВЬЮ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА Ю. РОДИОНОВА
"КРАСНАЯ ЗВЕЗДА", 31.10.91, стр. 1

стали увольняться по нежеланию служить. Сейчас воспитательная работа с ними идет колоссальная. Ведь по действующему законодательству у нас нет статей, по которым бы могли уволить офицера по нежеланию служить. В проекте Положения о прохождении воинской службы, правда, предусматривается, что, прослужив после окончания училища 10 лет, офицер может подать рапорт об увольнении по собственному желанию. Но оно не принято, и вокруг этих 10 лет еще идет очень крупный разговор. Считаю, армия такой организм, в котором не должно быть инородных тел. 10 лет — это своеобразный кнут, элемент системы принуждения человека. Хотя юноша добровольно поступает в военное училище и добровольно служит, мы, видимо, должны дать ему право на ошибку, на иной выбор жизненного пути.

— Если правильно понял, вы сторонник более радикальных изменений в военном законодательстве? О его демократизации вопросы задают в письмах лейтенанты Ю. Киселев, Н. Блезае, другие.

— Да, вы меня правильно поняли. Пора такая настала. Но, учтите, одними этими мерами результата не достичь. Почему? Государство должно создать необходимые условия для нормальной жизни и службы офицерам. Ведь не для кого не секрет, что у нас молодой офицер, имеющий профессию, связанную с повседневным риском для жизни, получает меньше водителя троллейбуса. Хотя повысил оклады в армии и на флоте с 1 октября, все равно немалый разрыв существует. И государство, которое хочет иметь крепкую армию, надежного защитника, должно учитывать те моральные, физические, духовные затраты, которые несут военнослужащие.

Значительное влияние на решение молодых офицеров уволиться из армии оказывает и тот фактор, что им не всегда приходится заниматься тем делом, к которому они себя готовили, а именно — строительство, уборка урожая и т. д. Чем раньше Вооруженные Силы будут избавлены от несвойственных им

функций, тем быстрее иссякнет поток «увольнительных» рапортов, а вопросы боевой готовности будут подняты на более высокий качественный уровень. Каждый должен заниматься своим делом, что относится не только к отдельным личностям, но и к государственным структурам.

— Значит, одними призывами сейчас не удержать молодых офицеров в армии?

— Если полки магазинов пусты, то в гарнизонах, на «точках» они пусты тем более. Это не может не отражаться на выполнении служебных обязанностей. Или офицер должен нести боевое дежурство, или думать о том, где и как помочь жене купить кусок мяса. Я не сторонник методов: держать и не пущать.

Однако будем помнить и о другом: на подготовку офицера затрачены государственные средства. Он получает общесоюзный диплом о высшем образовании. Значит, должен оправдать деньги налогоплательщиков. Не должно быть так, что получил лейтенант, скажем, диплом системотехника, на которых сейчас колоссальный спрос на «гражданке», и тут же пишет рапорт на увольнение. Это не серьезно. Должен быть оптимальный срок, в течение которого он мог бы рассчитаться с государством за учебу. Такая практика существует во многих цивилизованных странах. Думаю, этот срок мог бы быть равен 5 годам, а не 10. Впрочем, сейчас мы уже вводим в училищах систему контрактов...

— В ряде республик, в том числе в России, объявлен набор в национальную гвардию. Зазывали обещаю высокие, до 2 тысяч рублей, оклады, всевозможные льготы. Служба в Вооруженных Силах становится все менее престижной, а Советская Армия — армией второго сорта...

— О наборе в национальную гвардию России мне трудно сказать что-либо. Его пока осуществляют, правильно сказано, зазывали. На проходящем Съезде народных депутатов России Борис Николаевич Ельцин еще раз подтвердил, что это «самодель-

ность», недопустимая в решении государственных вопросов и что Комитет по обороне России готовит проект законодательных актов о формировании гвардии на базе ряда частей МВД. А если эти акции незаконны, то они и не должны проводиться. На коллегии Министерства обороны, где присутствовали представители республик, мы затрагивали этот вопрос.

— Однако рано или поздно, согласитесь, такие формирования, видимо, будут созданы в большинстве республик. Смогут ли офицеры, желавшие служить в республиканских армиях, быть туда переведены? Какой вообще вам представляется функция ГУКа и останется ли за ним право перемещать офицеров и прапорщиков внутри страны в интересах единых Вооруженных Сил?

— Позиция Министерства обороны такова: оно стоит за сохранение единой системы обороны, единого оборонного пространства. Министр обороны об этом в одном из интервью подробно говорил. Что касается возможных перемещений офицеров, то вопросы такие прорабатываются. Для этого необходимы определенные законодательные акты. Если они появятся, будем решать. Важно, чтобы во всем мы исходили из духа и буквы закона. Забудем об этом — превратимся в неуправляемое государство.

Если же говорить о моем личном мнении, то я не понимаю: зачем такие формирования нужны? Это что, внутренние войска? Войска быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации? Но в стране есть и внутренние войска, и части гражданской обороны. Или они нужны для охраны резиденции президентов и правительственных зданий? Пока реально не вижу задач для них, которые бы не пришлось решать параллельно с уже действующими структурами.

— Юрий Николаевич, вы, я вижу, человек спортивного сложения. Видимо, занимаясь спортом или продолжая заниматься. Каково ваше отношение к офицерам, которые не следят за собой, имеют избыточный вес?

ИНТЕРВЬЮ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА Ю. РОДИОНОВА
"КРАСНАЯ ЗВЕЗДА", 31.10.91, стр. 1

— Это позорное явление. Офицер должен быть закаленным, спортивным человеком на протяжении всей службы. Для поддержания формы и отводится время на физическую подготовку. Правда, в иных военных учреждениях об этом забывают. Несмотря на загруженность, я стараюсь до работы посещать бассейн, хотя и не всегда это удается.

— И последний вопрос. Как вы относитесь к протекционизму, который, увы, еще существует в нашей армии?

— Очень отрицательно. Есть четкая, продуманная система назначения офицеров на должности, и мы ей должны следовать. А с протекционизмом будем бороться. Постараемся следить и за планомерной ротацией офицерских кадров из одних регионов страны в другие.

Спасибо за внимание «Красной звезде», вечным подписчиком которой я был и остаюсь.

Беседу вел
полковник
О. ФАЛИЧЕВ,
корр. «Красной звезды».